

КОШМАРНОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В КУРЯТНИКЕ

М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

МАЙЛЕН КОНСТАНТИНОВСКИЙ
КАПП

Репортаж
о событиях
невероятных

КОШМАРНОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В КУРЯТНИКЕ

Майлен
КОНСТАНТИНОВСКИЙ

*Зомбарное
преступление
в курятнике*

1998

ББК Ч 420
К 65

Константиновский Майлен

К 65 Кошмарное преступление в курятнике. -- Д.: Сталкер, 1998. — 336 с.: ил. (Серия “КОАП, КОАП!”)

ISBN 966-596-096-2

В книге собраны жутко секретные, почти впервые публикуемые под грифом “Для служебного пользования во внеслужебное время” протоколы заседаний КОАППа (Комитета Охраны Авторских Прав Природы). На них председатель этой полуподпольной организации Кашалот, действительные члены и члены-корреспонденты Сова, Гепард, Рак, Стрекоза, Мартышка и рыба-Удильщик обсуждали (и, в отличие от людей, успешно решали) такие животрепещущие проблемы, как возросшая среди животных преступность, способы выживания в экстремальных условиях, мирное сосуществование хищников и жертв, сохранение природы в первозданном виде, и тому подобное.

Книга богато иллюстрирована еще более секретными рисунками.

Для читателей от 4 до 84 лет (и старше), желающих совместить приятное с полезным.

Константиновський Майлен

К 65 Кошмарний злочин у курнику. — Д.: Сталкер, 1998. — 336 с.: іл. (Серія “КОАП, КОАП!”)

ISBN 966-596-096-2

У книзі зібрано секретні, майже вперше друковані під грифом “Для службового вжитку у позаслужбовий час” протоколи засідань КОАППу (Комітету Охорони Авторських Прав Природи). На них голова цієї напівпідпільної організації Кашалот, дійсні члени і члени-кореспонденти Сова, Гепард, Рак, Бабка, Мавпа і риба-Вудильщик обговорювали (і, на відміну від людей, успішно вирішували) такі животрепетні проблеми, як зростаюча серед тварин злочинність, способи виживання в екстремальних умовах, мирне співіснування хижаків і жертв, збереження природи у первісному виді тощо.

Книга багато ілюстрована ще більш секретними малюнками.

Для читачів від 4 до 84 років (і старших), які бажають поєднати приємне з корисним.

ББК Ч 420

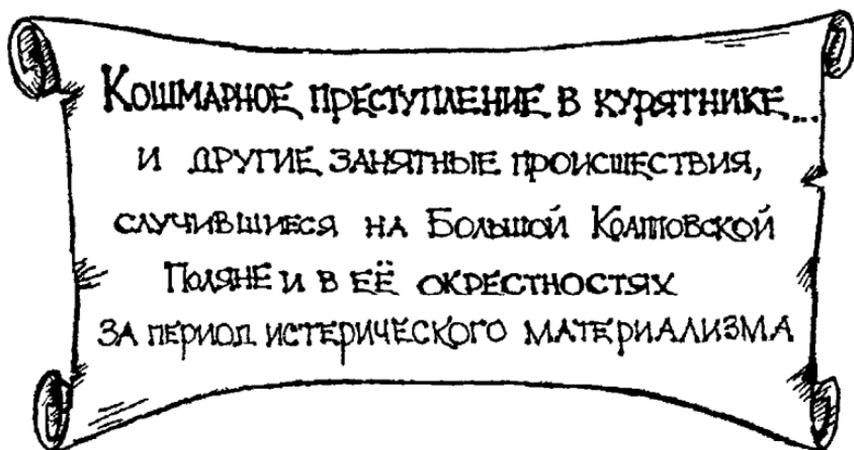
ISBN 966-596-096-2

© ИКФ “Сталкер”, 1998

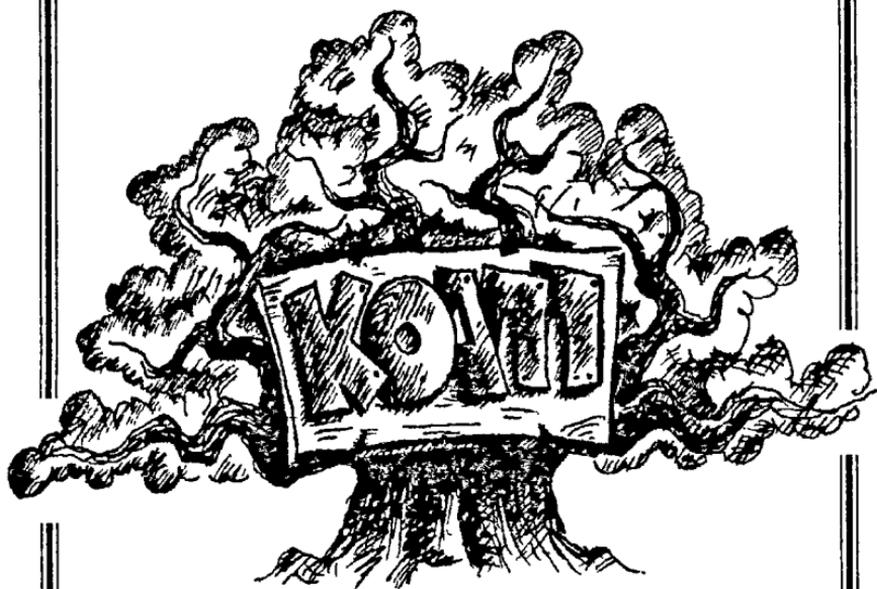
© М Константиновский, 1998

© Паровая типолитография А.А.Лапудева, файлофикация, 2015

• ДЛ Я СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ •
• ВО ВНЕСЛУЖЕБНОЕ ВРЕМЯ •

*Для читателей любого возраста, образования,
профессии, темперамента, национальности
и вероисповедания*

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРАЖКА

Ⓐ для тех, кто не знает, что такое КОАПП, так как никогда не слышал репортажей с его заседаний ни по радио, ни в грамзаписи, не видел серии мультфильмов "КОАПП" и не читал одноименных книг, а также многочисленных откликов на все вышеупомянутое в отечественной и зарубежной печати Ⓐ

Однажды в адрес КОАППа пришло письмо, весьма озадачившее коапповцев. Семилетняя жительница далекого села Алнаши Риточка Филимонова поделилась в нем своими сомнениями. "Я знаю, что все вы обыкновенные животные, — писала она, — но что вы разговариваете человеческим голосом, не верю". Ребенку простительно, но и среди взрослых до сих пор встречаются скептики, которые считают существование КОАППа невероятным!

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

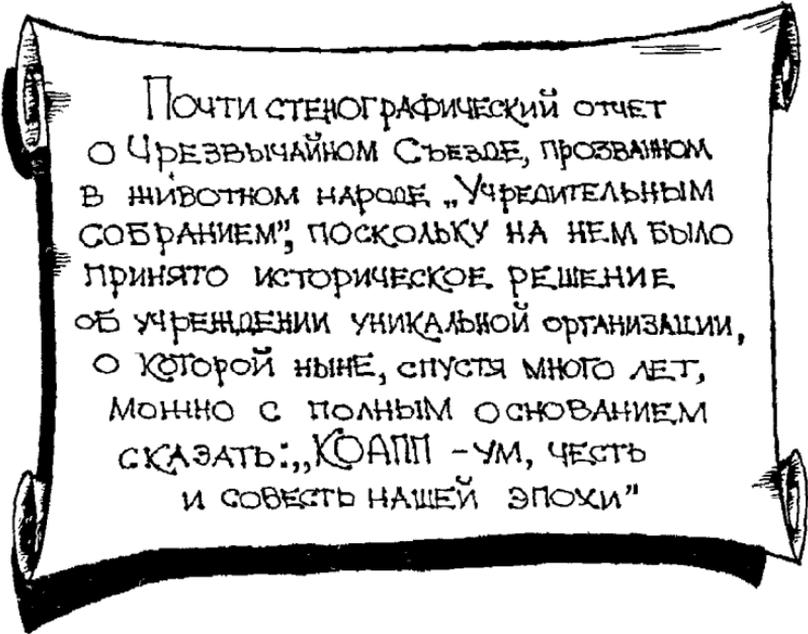
Так вот, ни для кого давно уже не секрет, что создание КОАППа явилось ответной мерой на появление у людей бионики. Кстати, это одна из немногих наук, время и место рождения которой можно назвать абсолютно точно: 13 сентября 1960 года, город Дэйтон (штат Огайо, США), где в этот день открылся симпозиум под девизом “Живые организмы — ключ к новой технике!”

Сами живые организмы, поглощенные повседневными житейскими делами и заботами, поначалу не обратили на это событие ни малейшего внимания. К счастью, нет правил без исключения. В данном случае таким исключением стал Кашалот. Среди всеобщей беспечности он один проявил бдительность, достойную восхищения. Не терпящий поверхностного отношения к делу, привыкший глубоко разбираться в любом вопросе (например, для глубокого изучения кальмарксизма, то есть науки о кальмарах, Кашалот погружается на глубину до двух километров), он сразу почувствовал в новой науке явную угрозу. “Это требует действий!” — сказал Кашалот самому себе (нечаянно повторив заявление другого исторического лица, сделанное тоже по чрезвычайно тревожному поводу).*

* “Это требует действий!” — заявил президент США Франклин Делано Рузвельт, прочитав письмо от Альберта Эйнштейна, где сообщалось о том, что существует реальная опасность создания нацистами атомного оружия.

После столь решительного высказывания КОАПП уже просто не мог не появиться. Время и место его рождения можно назвать не менее точно, чем время и место рождения бионики: это свершилось 5 июля 1964 года на Большой Поляне (берег Лесного Озера), переименованной в дальнейшем в Большую Коапповскую Поляну. У запечатленного в анналах истории грандиозного действия, на котором возник КОАПП, был и свой девиз “Спасите наши уши!”

Что он означает, какого рода опасность узрел Кашалот в бионике, как расшифровывается аббревиатура “КОАПП” — всё это станет ясным сразу по прочтении первого же коапповского повествования. Заодно отпадут последние сомнения в реальности КОАППа...

A hand-drawn scroll with a thick black border, tied at the corners with small loops. The text is written in a stylized, slightly irregular font.

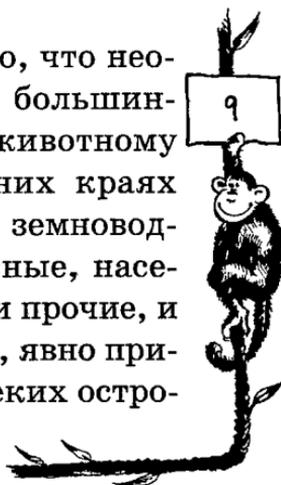
Почти стенографический отчет
о Чрезвычайном Съезде, прозванном
в животном народе „Учредительным
Собранием“, поскольку на нем было
принято историческое решение
об учреждении уникальной организации,
о которой ныне, спустя много лет,
можно с полным основанием
сказать: „КОАПП - ум, честь
и совесть нашей эпохи“

СПАСИТЕ НАШИ УШИ!

На рассвете 5 июля 1964 года ничем доселе не примечательную, если не считать ее огромных размеров, лесную поляну вдруг начали заполнять самые разнообразные животные. Они выходили из леса, опускались с неба, выбирались из воды на берег прилегающего к поляне озера и впадающей в озеро речки, причем среди них было немало и океанских жителей, пробравшихся сюда через протоку, соединяющую озеро с морем... За тысячи, а может, миллионы лет своего существования поляна никогда еще не подвергалась такому массивированному нашествию!

С первого же взгляда было ясно, что неожиданные гости в подавляющем большинстве не принадлежат к местному животному населению. Невиданные в здешних краях звери, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, моллюски, ракообразные, насекомые, пауки, иглокожие, губки, и прочие, и прочие, заполонившие всю поляну, явно прибыли с других континентов, с далеких остро-

КОАПП, КОАПП!

вов, с чужеземных морей и океанов... Что привело их сюда в этот ранний час? Судя по недоуменным взглядам, взаимным вопросам, сопровождаемым выразительной жестикуляцией лапами, ластами, крыльями, плавниками, хвостами и даже усами, они и сами пребывали в полнейшем неведении. Впрочем, один из прибывших мог бы ответить на этот отнюдь не риторический вопрос вполне исчерпывающе. Надо ли уточнять, что это был Кашалот. Он явился на поляну раньше всех и восседал теперь за громадным, прямо-таки необъятным пнем с непроницаемой физиономией...

За соседним пнем, поменьше и пониже, обосновалась Мартышка. На пне была укреплена табличка: "Регистрация делегатов Первого Всепланетного Съезда Животных Пред-

ставителей”. Подойдя к Мартышке, каждый называл себя, и она тут же заносила его имя и классовую принадлежность в один из разложенных перед ней журналов, которые были озаглавлены: “Класс млекопитающих”, “Класс насекомых”, “Класс головоногих моллюсков” и так далее. Очередь к регистрационному пню

была колоссальная, но двигалась быстро, поскольку Мартышка заполняла журналы регистрации всеми четырьмя руками одновременно. Она бы делала это еще быстрее, если бы ее не отвлекали разговорами. Разговоры крутились вокруг одной-единственной темы: всех интересовало, зачем их

пригласили участвовать в каком-то съезде, что это за съезд, в связи с чем он созван... Одни спрашивали об этом с безразличием, другие с любопытством, третьи возмущались, что их оторвали от неотложных дел, — тут они совали Мартышке под нос телеграмму со срочным вызовом, — и даже неизвестно, с какой целью!

Но Мартышке было известно не больше, чем остальным. Она сама умирала от любо-

КОАПП, КОАПП!

пытства. Кашалот, попросив ее взять на себя регистрацию делегатов (а отказать она ему, конечно, не могла), не стал входить в подробности и что-либо объяснять. “Узнаете в свое время”, — сказал он, Единственной дошедшей до Мартышки информацией был довольно-таки нелепый слух, будто съезд созывается потому, что кто-то что-то у кого-то украл.

Чушь несусветная! “Если в наше время, — подумала она, — по поводу каждой кражи созывать съезды...” Так что Мартышке ничего другого не оставалось, как признаться в своей неосведомленности и в ответ на все распросы молча пожимать плечами.

Регистрация подошла к концу, когда на поляну влетел запыхавшийся Воробей. Взоры стоявших в очереди с надеждой обратились к нему, так как по всеобщему убеждению вездесущий Воробей должен знать всё обо всём и обо всех. Так оно и оказалось, и не его вина, что городской сленг, на котором он изъяснялся (а это был Домовый Воробей, живший в городе), собравшимся на поляне обитателям лесов, морей, гор, пус-

тынь, полей, болот и рек был не совсем понятен. На вопрос, не знает ли Воробей, зачем их собрали, он выпалил:

— Конечно, знаю: у Медузы свистнули ухо.

— Медузе свистнули в ухо? — переспросил, недосясав, Рак. — Ну и что?

Но Воробей уже упорхнул на другой конец поляны.

— Ничего не понимаю, — проворчал Рак. — Мы-то какое отношение имеем к... — но на него зашикали, потому что в этот момент Кашалот взял в ласт колокольчик...

...Этот колокольчик, возвестивший начало исторического Съезда, бережно хранится в Коапповском музее, как драгоценная реликвия. Нужда в нем давно отпала, как и в других примитивных средствах, обеспечивавших когда-то процедуру заседаний. Ныне КОАПП оборудован по предпоследнему слову оргтехники (последнего слова никто еще не сказал). Что там сигнал, оповещающий о начале заседаний, — даже подсчет голосов производит суперновейшая бионическая система, строго следящая, чтобы каждый го-

КОАПП, КОАПП!

лосовал только за себя. Но вернемся к памятному дню 5 июля 1964 года...

Итак, зазвенел колокольчик, и все присутствующие обернулись к огромному пню, над которым возвышалась величественная фигура Кашалота. На его физиономии появилось выражение мрачной решимости, и он без дальних предисловий обратился к притихшей аудитории, объявив громовым голосом:

— Я собрал вас в связи с чрезвычайным происшествием: у всеми нами уважаемой Медузы украли ухо!

Сказать, что это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы, было бы сильным преувеличением. Раздался, правда, чей-то возглас: “Какой ужас!”, но этим реакция собравшихся и ограничилась, если не считать реплики Рака, произнесенной недовольным тоном:

— А мы-то здесь причем? Надо сообщить куда следует, и дело с концом. Пусть этим занимаются правоохранительные органы.

Такое прохладное отношение к его дра-

матическому известию Кашалота не обескуражило. Инициатор Съезда отлично понимал, что далеко не все так прозорливы, как он, и был готов к тому, что собравшиеся не оценят в должной степени значения факта, который он им сообщил. Поэтому Кашалот стал терпеливо разъяснять:

— Друзья мои, вы просто не осознаете серьезности ситуации! Дело в том, что кража уха у Медузы — не обычная кража. Это вопиющее нарушение патентного права!

Никто из присутствующих о таком и слыхом не слыхивал, поэтому разъяснение Кашалота также не произвело впечатления, лишь глубоководная рыба Удильщик поинтересовалась, да и то скорее из вежливости:

— А что это такое? Извините, но у нас, в глубинке...

— Я знаю положение с информацией в глубинке, — перебил Кашалот, — не надо оправдываться, я охотно объясню: патентное право — это Закон, который охраняет права изобретателей и защищает их приоритет.

— Это кто же изобретатель — уж не Медуза ли? Кусок студня, а туда же...

Насмешливое замечание принадлежало Каракатице. Впрочем, в ее реплике было больше кокетства, чем насмешки, и произнесла она ее с единственной целью — привлечь к себе внимание. Ей было ужасно

КОАПП, КОАПП!

обидно: который уже раз десятирукая модница меняла расцветку своей кожи, демонстрируя все оттенки красного, желтого, коричневого, фиолетового, голубого, серебристого цветов, даже придавая своему нарядному одеянию металлический блеск — и хоть бы кто-нибудь взглянул в ее сторону... А тут все разом обернулись и уставились!

Но Кашалот, не подозревавший о тайных мотивах ее высказывания, воспринял слова Каракатицы как личный выпад. Он так его и назвал:

— Я считаю этот выпад недостойным животного! Никто из нас не вправе высокомерно относиться к более просто устроенным собратьям. Даже люди вынуждены были признать, что простейшая живая клетка неизмеримо сложнее всего, что создано человеческими руками!

Это заявление было встречено одобрительными возгласами. Воодушевленный ими, оратор продолжал с еще большим пафосом: —

Вы спрашиваете, кто изобретатель... Да, это не Медуза, — но и не вы, и даже не я, и вообще никто из животных, здесь присутствующих и отсутствующих. Величайший в истории изобретатель — это Природа, которая нас всех создала!

Надо сказать, что Кашалот обожает произносить речи. В какой-то мере эта маленькая и вполне простительная слабость объясняется природной склонностью: ведь из всех обитателей океана киты, особенно зубатые, пожалуй, самые говорливые. Но наш герой в этом отношении превосходит даже своих сородичей.

В тот знаменательный день он наконец-то мог утолить свою страсть к красноречию — и, естественно, воспользовался такой редкой возможностью...

— Она, одна лишь она, Природа, — гремел над поляной его мощный голос, — с помощью Эволюции за каких-нибудь два или три миллиарда лет терпеливо перепробовала множество вариантов всего живого. Не-

КОАПП, КОАПП!

исчислимые поколения наших предков отдали свои жизни во имя того, чтобы мы с вами достигли нынешнего совершенства, которым Человек справедливо восхищается...

Судя по веселому оживлению, сказанное слушателям очень понравилось. Неудивительно — кому не приятно, когда им восхищаются! Все приосанились и стали с гордостью оглядывать себя и друг друга. Выдержав эффектную паузу, Кашалот выкрикнул, перекрывая шум:

— Но которому он и завидует!

Веселый шум сменился настороженным молчанием. Никто не знал, как реагировать на такой неожиданный поворот. Напряжение было несколько разряжено Мартышкой, заявившей с вызовом:

— Подумаешь! Я бы тоже могла превратиться в Человека, мне предлагали, но я не захотела — для этого пришлось бы расстаться с хвостом, а что это за жизнь — без хвоста?!

— Без хвоста, Мартышка? — переспросил Кашалот и воскликнул с трагическими модуляциями в голосе: — Как бы нам всем не остаться без головы!!

В наступившей мертвой тишине особенно зловеще прозвучали слова Гепарда:

— Снявши голову, по хвостам не плачут.

— Вот именно! — подхватил Кашалот. —

Друзья, все вы знаете Человека. Это самый молодой член нашей семьи и, надо отдать ему должное, самый одарен-

ный. Но, к сожалению, он отделился и отдалился от нас, поставил себя над нами. И вот, пока мы благодумствовали и смотрели на его проделки сквозь ласты...

— Сквозь плавники! — дополнил Удильщик, и его примеру последовали другие, выкрикивая:

- Сквозь крылья!
- Сквозь клешни!
- Сквозь щупальца!
- Сквозь копыта!
- Сквозь пальцы!

— Пока, повторяю, мы смотрели сквозь всё перечисленное, — продолжал Кашалот, — произошел случай, который должен был бы всех нас насторожить... Встаньте, Тюлень, и доложите высокому собранию, что там вышло с вашим ухом.

Последние слова Кашалота повергли делегатов в недоумение, а Рак пробурчал:

— Как, еще одно ухо? У кого, наконец, украли ухо — у Медузы или у Тюленя?

— У обоих, — был ответ. — И не только у них: люди бесцеремонно присвоили уже не-

мало изобретений Природы. Но кража уха у Медузы — это последняя капля, переполнившая чашу нашего терпения. А первой каплей был случай с ухом Тюленя. Об этом зловещем событии должны знать все! Говорите, Тюлень.

Разлегшийся на берегу Тюлень почесал ластом голову и нехотя приподнялся.

— Да чего тут говорить-то, — пробормотал он. — Нашего брата всяк норовит облапошить. Подплывет, к примеру, Белый Медведь втихаря ко льдине, к самому краю, и лапой ка-ак...

— Я вас о чем просил рассказать? — сердито перебил Кашалот. — О том, как люди похитили конструкцию вашего уха, а не о ваших запутанных отношениях с Белым Медведем!

— Люди, значит. Насчет уха... — Тюлень задумался, затем встрепенулся: — Точно, было

дело! Лежу это я себе на бережку, никого не трогаю... вдруг подходит Человек и наклоняется над самым что ни есть над моим ухом... И стал он в моем ухе чего-то высматривать и вымеривать и записывать все, что высмотрел и вымерил, в такую махонькую книжечку...

Рассказ был неожиданно прерван озорной частушкой, которую спела сидевшая на суку и до этой минуты молчавшая Сова:

*У такой ленивой туши
Можно красть не только уши!
Спать Тюлеша любит страсть —
Грех всю тушу не украсть!*

Тюлень в этот момент о чем-то глубоко задумался и никак не прореагировал на частушку.

— Эх, не сообразил я тогда, — произнес он наконец с сожалением. — Надо было с него,

КОАПП, КОАПП!

с Человека, значит, рыбки за это взять... А мне-то и невдомек, — я, Тюлень, животное неприметное, образования, само собой, никакого...

— Тюлень, говорите по существу, — прервал его Кашалот.

— По существу, значит, так: ежели бы я тогда сообразил за каждое ухо по сотне рыбок взять, за два уха сколько бы получилось?

Кашалот был возмущен до глубины души:

— В этот роковой час думать о своем желудке?! Тюлень, лишаю вас слова! Я закончу за него. Незадолго до происшествия, о котором поведал этот жалкий, равнодушный к судьбам не только сограждан, но и к своей собственной обыватель, люди сделали гидрофон...

— А что это такое? — Удильщик даже изогнул удочку в форме вопросительного знака. — Видите ли, у нас, в глубинке...

— Опять вы оправдываетесь, — Кашалот недовольно поморщился. — Я же вам сказал, что положение в глубинке мне хорошо известно — я ныряю туда чуть ли не ежедневно. Необходимые разъяснения даст... — он оглядел собравшихся и остановил взгляд на небольшой рыбке с желтой спинкой и розоватым брюшком — ... даст эк перт по гидрофонам Морской Карась.

— Черноморский Морской Карась, — уточнил эксперт, — он же Ласкирь, он же, если угодно, Диплбдус аннуларис. — Морской Карась откашлялся и типичным лекторским тоном, слегка картавя, прочел небольшую лекцию:

— Гидрофон — это подводный микрофон, или, говоря доступно, искусственное подводное ухо. Между прочим, именно с помощью гидрофона люди убедились в том, что напрасно считали нас, обитателей морей, озер и рек, немymi,

в связи с чем у них еще в доисторические времена появилась, мягко говоря, недостоверная, а говоря жестко, лживая и клеветническая поговорка: “Нем как рыба”. Но когда искусственное подводное ухо было установлено под днищем корабля, обнаружилось, что во время его хода шум водяных струй заглушал все другие подводные звуки, в том числе и разнообразные звуки, издаваемые нами, морскими карасями — например, вот это мелодичное кряканье... — Морской Карась несколько раз крякнул, — затем зву-

КОАПП, КОАПП!

ки, имитирующие скрежет напильника... — лектор издал и эти звуки, — далее, звуки, напоминающие удары по металлу...

Эксперт так увлекся демонстрацией богатой звуковой палитры морских карасей, что забыл о цели своего выступления, и Кашалот вынужден был вежливо попросить его не отвлекаться.

— Да, да, разумеется, — спохватился Морской Карась. — Я продолжаю. Итак, обнаружив, что шум водяных струй заглушает все другие подводные звуки, специалисты по гидрофонам спросили себя: почему же этот шум не мешает слышать Тюленю, когда он движется под водой? Подробно изучив устройство тюленьего уха, они обнаружили ушной обтекатель — вот этот, смотрите...

Делегаты Съезда сгрудились вокруг Тюленя и стали рассматривать место на его голове, куда указал Морской Карась. Тюлень, польщенный всеобщим вниманием, изрек с важностью:

— Без обтюкателя в нашем деле никак невозможно.

— Так какого же морского дьявола вы позволили Человеку скопировать его конструкцию?! — это гневное обвинение бросил в лицо Тюленю Удильщик. Рак тут же предложил лишить делегата отряда ластоногих мандата, а Мартышка — провести кампанию борьбы за повышение бдительности под лозунгом: “Тюлень

— находка для шпиона”, Обе инициативы были с энтузиазмом поддержаны почти всеми. Так ничего и не поняв, бедняга понуро поплыл к протоке, соединяющей озеро с морем, сопровождаемый упреками, обвинениями во всех смертных грехах и даже проклятиями...

От прежней инертности делегатов не осталось и следа, и Кашалот счел момент подходящим для следующего шага в осуществлении своих далеко идущих планов.

— Итак, — возвестил он, как бы подводя итог первому акту трагедии, — теперь вы знаете, когда и при каких обстоятельствах люди впервые воспользовались нашей конструкцией не в результате случайных наблюдений, как раньше, а преднамеренно, с заранее поставленной целью. Настоящая же, грозная опасность нависла над нами в тот момент, когда Человек стал обдуманно, методически и в больших масштабах срав-

КОАПП, КОАПП!

нивать живые организмы со своими приборами и машинами. Сравнение оказалось отнюдь не в пользу приборов и машин... — Тут голос Кашалота приобрел настолько зловещую интонацию, что у слушателей по коже поползли мурашки:

— И вот, убедившись в своем отставании, Человек создал Бионику!

— А что это такое? — тотчас откликнулся Удильщик.
— Понимаете, у нас, в глубинке...

— Вы меня доконаете со своей глубинкой! — взревел Кашалот. — Причем тут глубинка, когда и на поверхности об этой науке пока мало кому известно... Я бы даже сказал, что это, строго говоря, не наука, а направление мыслей, причем с явно криминальным оттенком, ибо задача Бионики — раскрыть все, абсолютно все наши технические секреты и похитить их!

Вздыхая, пронесся над поляной, а Кашалот продолжал нагнетать еще больший ужас:

— Девиз Бионики: "Живые организмы — ключ к новой технике". Это мы-то с вами — ключ!

— Действительно, разве я похожа на ключ?
— удивилась Стрекоза, оглядев себя и даже пролетев над озером, чтобы посмотреть на свое отражение в воде, и вдруг пропела:

*Ах, этот ключ, ключ к сердцу
Откроет вашу дверцу...*

— Помолчите, Стрекоза! — Кашалот всем своим видом ясно давал понять, что не потерпит в столь драматический момент каких-либо легкомысленных песенок. — Всякий, у кого есть сердце, должен не куплетики дурацкие распевать, а содрогнуться

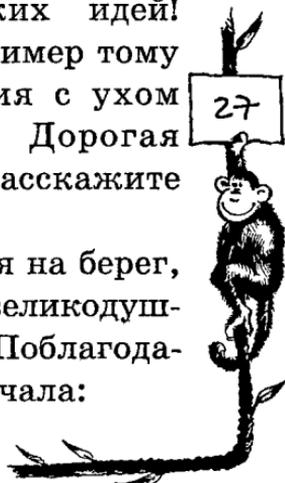

при виде разверзающейся пред ним бездны! Ведь некоторые из нас уже стали жертвами планомерного, поставленного на широкую ногу грабежа технических идей! Яркий пример тому — история с ухом Медузы. Дорогая Медуза, расскажите

Съезду об этом преступлении.

Медуза хотела было выбраться на берег, но Кашалот остановил ее жестом, великодушно разрешив оставаться в воде. Поблагодарив его кивком колокола, она начала:

КОАПП, КОАПП!

— Тяжело говорить, но и молчать не могу. Жизнь свою провела я скромно, обхожусь малым — зонтик да бахрома. Простая я, прозрачная — вся перед вами как стеклышко. Но нашелся недруг злой, попользовался моей прозрачностью... Есть у меня гордость одна-единственная — от прапрапрапра... я уж и не знаю, сколько раз прабабушки досталась, свято берегла я ее, драгоценность мою несказанную — мое ухо. Скрывать мне нечего — вот, глядите: сосуд круглый под зонтиком моим на стебельке висит, а в сосуде камушки. Разглядели?

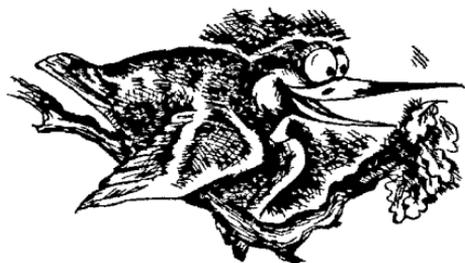
— Что-то на ухо не очень похоже, — пробормотал Рак, осматривая этот медузий орган со всех сторон.

— Как же не ухо? — Медуза даже разволновалась. — Я ведь им слышу! Если буря где поднимется, я голос ее задолго услышу — часов за пятнадцать до того, как сама она объявится: сосуд звучать начинает, гудеть, камешки колыхаются и на нервные клетки давят. И тотчас я подальше от берега отплываю, чтоб волной меня о камни не разбило. А Человек голоса бури не слышит, узнаёт он о ней по барометру — часа за два. Узнавать-то узнаёт, а приготовиться к встрече гостя не успевает. Вот и подглядел он, какое у меня ухо, и сделал похожее. Нехорошо это, не по чести.

— Вы слышали? — воскликнул Кашалот. — Такая же участь ждет каждого из нас! — и он рубанул наотмашь ластом, как бы наглядно показывая, какая всех ждет участь...

Среди воцарившейся могильной тишины особенно громко и вызывающе прозвучал вдруг жизнерадостный смех.

— Кто смеялся? — грозно спросил Кашалот.

Ответом был новый хохот, очень выразительный и, как ни странно для воцарившейся на поляне гнетущей атмосферы обреченности,

— заразительный. Во всяком случае, кое-кто начал подхихикивать.

На Кашалота страшно было смотреть...

— Я еще раз спрашиваю, — возопил он в ярости, — кто посмел смеяться в эту трагическую минуту?!

Первой весельчака обнаружила Стрекоза.

— Это вон та птица смеется, — сообщила она.

Все посмотрели в указанном направлении и увидели расположившуюся на ветке довольно крупную птицу с бурым оперением и длинным прямым клювом.

КОАПП, КОАПП!

— Наверное, у нее истерический смех — на нервной почве, от страха перед Бионикой, — предположила Мартышка.

— Так сказать, смех сквозь слезы, — сказал Гепард.

Рак выдвинул свою версию:

— А может, она просто хулиганка?

Конец спорам положила Сова, заявившая:

— Окстись, Рак, — какая же она хулиганка? Я про эту птицу слышана — кулики наши, что в Австралии зимуют, про нее сказывали: Зимородок это тамошний, прозывается Кукабаррой, а ученые люди Смеющимся Зимородком его зовут, потому как утром, в полдень и вечером его разбирает смех. А сейчас аккурат полдень.

— Да, полдень, — подтвердил Кашалот. — И что же тут смешного?

— Кто ж его знает, — Сова развела крылья. — Только сказывают, будто не может он иначе: ровно в полдень Кукабарра засмеяться должен — хошь часы проверяй.

— Граждане, проверьте ваши биологические часы! — объявила Мартышка голосом радиодиктора. — Третий смешок дается ровно в двенадцать часов.

Кашалот, однако, счел шутку Мартышки неуместной, равно как и демонстрацию Кукабаррой точности биологических часов в ответст-

венный и, можно сказать, судьбоносный момент, когда решается судьба...

Договорить он не успел: снова раздался смех Кукабарры, и на этот раз его подхватили почти все находившиеся на поляне. Мгновение спустя она напоминала картину Репина “Запорожцы пишут письмо турецкому султану” в животном варианте. Повальный хохот делегатов объяснялся, очевидно, тем, что нервное напряжение, в каком они пребывали последние полтора часа, требовало разрядки. Напрасно Кашалот, делая титанические усилия, чтобы преодолеть желание рассмеяться самому, уговаривал, требовал, просил прекратить смех, напрасно взывал к гражданской совести и прочим добродетелям — хохот продолжался. Кончилось тем, что

он захохотал громче всех и продолжал хохотать, не в силах остановиться, даже тогда, когда общий смех прекратился. Гепард, конечно, не преминул заметить по этому поводу:

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Вы... вы пра... ха-ха-ха... правы, Гепард, — сквозь смех подтвер-

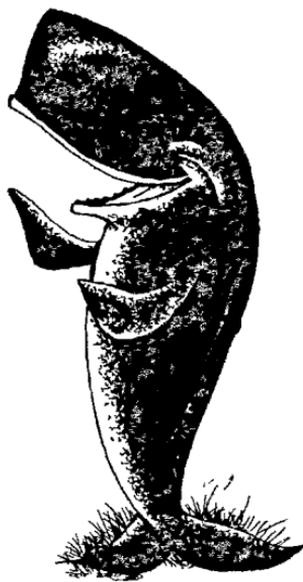
дил эту истину Кашалот, и все обратили внимание, каким бодрым и решительным тоном он заговорил. — Да, смеяться последними будем мы — если не станем покорно ждать, пока Человек похитит один за другим наши патенты и ноу-хау! Надо действовать, и действовать решительно!

— Какой резкий поворот от отчаяния к надежде! — Удильщик не скрывал радости.

— Вот что может сделать здоровый жизнерадостный смех! — воскликнула Мартышка.

— Конечно, смех всё может сделать, — согласилась Стрекоза. — Ну, а мы — что можем мы сделать против Человека?

— Что делать? — переспросил Кашалот и победоносно оглядел аудиторию, — прежде всего

— не поддаваться панике. Еще не всё потеряно. Бионика — совсем молодая наука, и Человек успел использовать лишь ничтожную долю наших технических секретов. Необходимо немедленно объединиться и создать организацию, которая защитит приоритет нашей великой матери Природы — ведь мы ее полномочные представители, не так ли?

Все с полным единодушием заверили, что это именно так.

— Я уже все продумал, — продолжал Кашалот. — Мы назовем эту организацию Комитетом Охраны Авторских Прав Природы!

Едва он закончил эту фразу, как раздался крик, ставший вскоре известным всей нашей планете: “КОАПП! КОАПП!” Его издала птица с довольно своеобразной внешностью: высокая, стройная, на длинных, как у Журавля, ногах, почти вся в белом — этот нарядный цвет оттеняли лишь черные “штаны”, черные маховые перья и особенно эффектно — пучок черных перьев на голове, торчащих наподобие писчих перьев, какие в старину закладывали за ухо писари. Желтые ободки вокруг глаз, напоминавшие очки, придавали птице ученый вид...

— “КОАПП”... — повторила Мартышка, вслушиваясь в необычное созвучие. — Да это же сокращенное название организации, которую вы предлагаете, дорогой Кашалот!

КОАПП, КОАПП!

Здорово звучит, правда? Молодец птица-Секретарь!

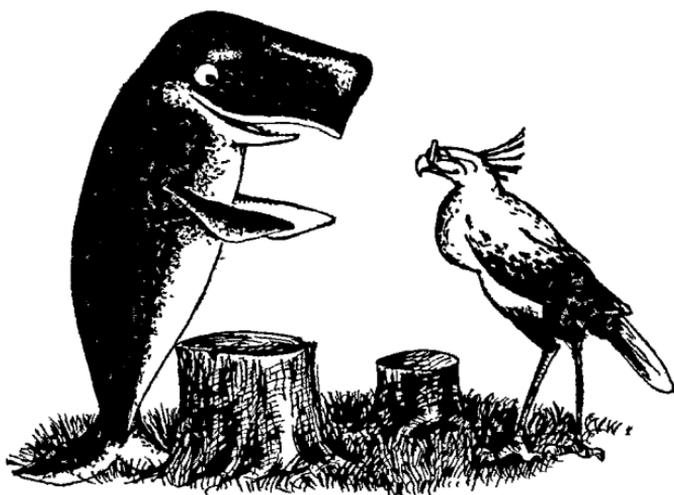
— Вы ее знаете?

— Конечно! Она ведь наша с Гепардом соседка по Африке.

— Хм... — Кашалот разглядывал птицу-Секретаря с нескрываемым интересом. — Как раз секретарь необходим нашей организации в первую очередь. Должен ведь кто-то вести делопроизводство, заниматься перепиской и канцелярщиной — всякими там входящими, исходящими, приходящими, отходящими...

— Отходящими обычно занимаются другие организации, — заметил Гепард.

— Тем более. Уважаемая птица-Секретарь, не согласились бы вы занять эту должность?

Ответом был все тот же крик: “КОАПП!”

— По-моему, истолковать это иначе как согласие невозможно, — убежденно сказал Удильщик.

— Вот и прекрасно. Ваше рабочее место, — обратился Кашалот к птице-Секретарю, — будет вон за тем пнем, — и он указал на пень, за которым Мартышка регистрировала делегатов Съезда. — Завтра же установим на нем телефон. Не могли бы вы приступить к своим секретарским обязанностям немедленно?

Новоиспеченная секретарь кивнула, крикнула еще раз “КОАПП!” и исполненной достоинства походкой проследовала к указанному пню. Тут только все поняли, какое сокровище обрела в ее лице создаваемая организация! Стало очевидным, что если не считать криков “КОАПП!”, птица-Секретарь не способна произнести ни единого членораздельного звука, превзойдя в этом отношении всех других секретарей на свете, включая даже одного из Генеральных секретарей, отличавшегося редкостным косноязычием... А крики “КОАПП!” каждый волен истолковывать по-своему. Колоссальное преимущество!

КОАПП, КОАПП!

Надо сказать, что в дальнейшем эти крики стали восприниматься широкой животной общественностью не просто как аббревиатура, под которой подразумевается Комитет Охраны Авторских Прав Природы, а как своего рода позывные этого учреждения...

Итак, секретарь у КОАППа уже был, и теперь всех интересовало, кто же еще войдет в его состав и, главное, кто его возглавит. Ждать соответствующих сведений пришлось недолго, поскольку и сам Кашалот заторопился, объявив:

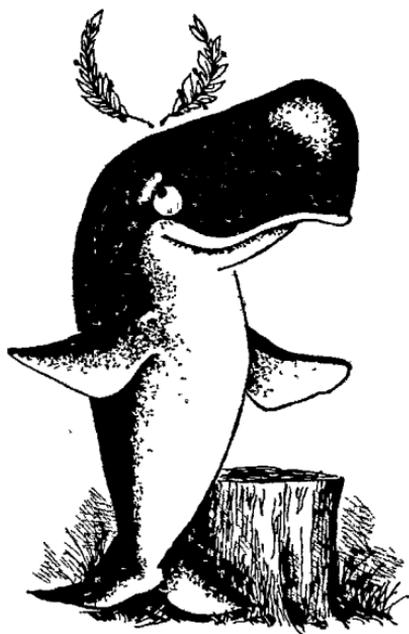
— Не будем терять времени — дорога каждая секунда. Друзья! Пост председателя КОАППа — этот самый высокий и почетный, и в то же время самый ответственный и многотрудный пост в мире...

— Ну, ну, кому вы его доверили? — от нетерпения Мартышка даже подпрыгнула.

— Что значит “вы доверили”? — возмутился Кашалот. — Да будет вам известно, Мартышка, что подобный пост можно занять только в результате свободных демократических выборов!

— Естественно, — поддержал Гепард, — иначе его не посчитают легитимным, то есть законным, и занявшее этот пост лицо не будет признано мировым животным сообществом.

— Так давайте срочно проведем такие выборы, — предложил Удильщик. — У нас, в глубинке...

— Не знаю, как у вас в глубинке, — прервал его Кашалот, а вот у нас, на поверхности, они уже состоялись: на пост председателя КОАППа я совершенно свободно и демократично выбрал... — и немного помедлив, он торжественно объявил: — себя!

Сообщение о результатах выборов было встречено единодушным одобрением и все-

общим ликованием.

— Какое мудрое решение! — восторженно воскликнула Стрекоза. — Ведь у того, кто занимает этот пост, должно быть большое сердце — а кто еще, кроме Кашалота, обладает сердцем весом в полтонны!

— Но не менее важное качество руководителя, — подхватил Удильщик, — высокий лысый лоб, а где еще вы видели такой прекрасный лоб, лоб мыслителя, высотой больше трех метров!

КОАПП, КОАПП!

Со всех сторон раздавались здравицы: “Ура Кашалоту!”, “Слава председателю КОАППа!”. Дальнейшие изливания были остановлены повелительным, и в то же время исполненным скромности жестом адресата всех этих славословий.

— Не менее тщательно и демократично я выбирал и остальные кандидатуры. Слушайте все! В итоге тайного от всех голосования членами КОАППа становятся: Сова, Гепард, Рак и Стрекоза. Специальные корреспонденты КОАППа: на суше — Мартышка, в морях и океанах — рыба-Удильщик. Они будут держать нас в курсе всех событий, происходящих на нашей планете.

Делегаты наперебой поздравляли счастливых, избранных в состав КОАППа, те растерянно улыбались: для них все происшедшее явилось полной неожиданностью. Стрекозу почему-то больше всего обрадовало назначение Удильщика:

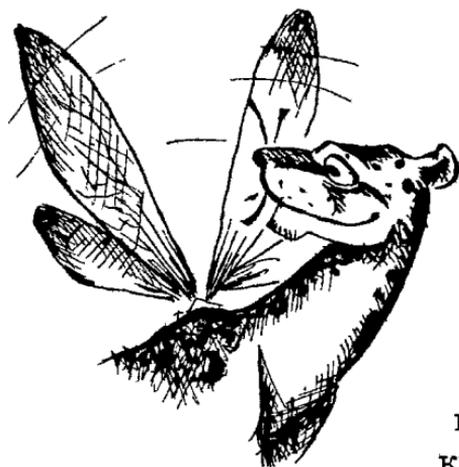
— С такой длинной удочкой и такой зубастой пастью он сможет выудить для нас любую информацию, правда?

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Кашалот и, порывшись в большом дупле в основании председательского пня, извлек оттуда какие-то бумаги. — Друзья, — обратился он к делегатам, — чтобы вы могли убедиться, что выбраны достойнейшие, я зачитаю вам сейчас

характеристики с места охоты на каждого из действительных членов и членов-корреспондентов КОАППа...

— Как говорится, для каждого листика нужна характеристика, — ввернул Гепард.

— Совершенно верно. Кстати, как раз вашу я зачитаю первой...

И вот что услышали обратившиеся в слух делегаты: “Гепард: инициативен, общителен, вдумчиво работает над собой, на крыльях имеются птеростигмы”.

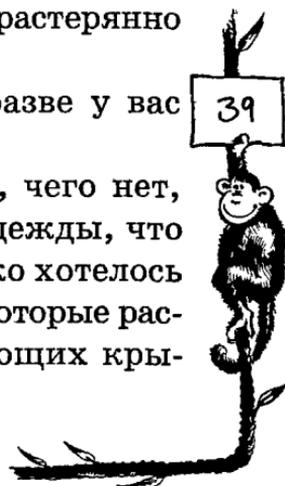
Дочитав до этого места, несколько обескураженный Кашалот

стал разглядывать Гепарда так, словно только что впервые его увидел, после чего растерянно произнес:

— Хм... странно... Гепард, разве у вас есть крылья?

— Увы, дорогой председатель, чего нет, того нет. Впрочем, я не теряю надежды, что они когда-нибудь вырастут. Однако хотелось бы знать, что такое птеростигмы, которые расположены на моих несуществующих крыльях...

КОАПП, КОАПП!

— У меня, у меня есть птеростигмы! — встрепенулась Стрекоза и в доказательство стала показывать всем и каждому утолщения на концах своих крыльев. — Если бы не птеростигмы, мои крылья давно бы сломались при полете. Люди теперь тоже делают утолщения на концах самолетных крыльев, только они сами до этого додумались, я им не подсказывала, честное слово, потому что...

— Подождите, Стрекоза, — остановил ее Кашалот, — в вашей характеристике ничего не говорится об этих, как их... пте... птеростигмах. Тут сказано: “Инициативна, общительна, вдумчиво работает над собой, одной из первых освоила передовой метод ловли рыбы — на свет”.

— Позвольте, позвольте, — вмешался Удильщик, — причем здесь Стрекоза? Это я ловлю рыбу на свет — вот, пожалуйста, можете убедиться... — и он продемонстрировал свой фонарик на конце удочки, представляющий собой пузырек со светящимися бактериями, пояснив: — Во вре-

мя рыбной ловли я держу его перед раскрытой пастью, рыбка плывет на свет, и... Однажды я поймал этим способом во-от такую ры-

бищу, — Удильщик развел плавники в стороны, — почти с вас, дорогой Кашалот, а в другой раз...

— Удильщик, здесь не рыболовный клуб, — прервал его Кашалот, — послу-

шайте лучше, что написано о вас: “Инициативен...”

— “Общителен, — подхватили хором все присутствовавшие на поляне, — вдумчиво работает над собой”...

— “летает абсолютно бесшумно благодаря специальной конструкции крыльев”. Опять крылья? У рыбы?

— Вот те раз! — Сова сорвалась с места и стала летать перед коапповцами и другими, приговаривая: — Что, слышать? То-то же! — она вернулась на свой сук и молвила: — Понял, председатель? О совиных крыльях там прописано! Глушители в них есть особенные. Окромя нас, сов, никто так тихо летать не может — я ведь перед носом пролетчу, только-только не задену, а ведь и не

КОАПП, КОАПП!

услышишь! Что-то напутали в бумажках твоих. Ну-ка, глянь в мою — чего там понаписали?

— “Инициативна, общитель...”

— Это мы знаем, — перебила Сова, — ты дальше читай.

Несколько ошалев от всей этой фантазмагории, Кашалот забубнил:

— “Уравновешена, что позволяет хорошо ориентироваться в воде”. — Он потряс головой и перечитал еще раз... — Бред какой-то: Сова — уравновешена в воде? Ничего не понимаю...

— А чего тут понимать? — проворчал Рак. — Ясное дело — это о моих органах равновесия.

— Разумеется — это явно об органах равновесия Рака! — поддержал его Удильщик. — Для нас, обитателей водной стихии, не знакомых с силой тяжести, эти органы особенно важны — ведь без них мы не могли бы определить, где верх, где низ!

— Без верха и низа никакого порядка быть не может! — для пущей убедительности Рак один ус направил, словно указку, вверх, другой вниз. — На мои органы равновесия Че-

ловек давно уже зарится: до чего, говорит, просто устроены, а как надежно работают!

Мартышка, которую, судя по всему, вся эта путаница очень развеселила, вскарабкалась на председательский пенек и заглянула в последнюю из характеристик, которую Кашалот, ожегшись на остальных, читать, по всей видимости, не собирался.

Прочитав, расхохоталась и крикнула вниз:

— Знаете, Рак, что сказано в вашей характеристике? Оказывается, вам принадлежит абсолютный мировой рекорд в беге на короткие дистанции

— свыше ста двадцати километров в час! Что же вы скрывали от нас такой талант? А ну-ка, пробегитесь!

Гепард с преувеличенным почтением позвал Раку клешню, сопроводив это словами:

— Я просто счастлив, дорогой коллега, — ведь, судя по этой характеристике, в нашем полку прибыло. До сих пор я был убежден, что с такой скоростью способны бегать только мы, гепарды.

Тем временем Кашалот уже собрал злополучные листки и протянул их птице-Секретарю, пояснив:

КОАПП, КОАПП!

— Все характеристики перепутаны. Будьте добры, наведите порядок в личных делах коапповцев.

— А моя где характеристика? Дайте ее мне, — попросила Мартышка, — она, наверное, тоже смешная...

— Вы, Мартышка, не нуждаетесь ни в каких характеристиках — вас и так все отлично знают. — И обратившись вновь к аудитории, предложил: — Пожалуйста, высказывайтесь, — у кого в отношении состава КОАППа есть возражения, соображения, предложения?

— У меня, — услышался скрипучий голос, и все увидели ползущего по стволу дерева Клопа. — Сейчас, только заползу повыше... вот до этого сучка. Надеюсь, теперь всем меня видно и слышно? Так вот, я предлагаю ввести в состав КОАППа меня. Дело в том, что из всех присутствующих лучше, ближе всего людей знаю я. Эти бесцеремонные двуногие существа уже давно заимствуют технические идеи — в основном у нас, у клопов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить устройство с одной стороны слюнной железы клопа, с другой — двигателя вну-

треннего сгорания. Вы обнаружите полнейшее сходство — и здесь, и там цилиндр, поршень, клапаны, только в одном случае они хитиновые, в другом металлические.

— Любопытно... — произнес внимательно слушавший Воробей. Он вспорхнул, уселся на сучок рядом с Клопом и даже наклонился — очевидно, чтобы лучше слышать.

— О чем же говорит такое сопоставление? Не о том ли, что...

Клоп внезапно умолк.

— Продолжайте, мы вас слушаем, — подбодрил его Кашалот. — О чем это говорит? Почему вы замолчали?

— Клопа склюнул Воробей, дорогой председатель, — Гепард, сообщивший эту печальную новость, в знак скорби склонил голову.

— Что-о?! — Кашалот был потрясен... До него доходили слухи, что у людей во время всякого рода собраний, заседаний и совещаний случается нечто подобное, но чтобы такое произошло на Всепланетном Съезде Животных Представителей! — Воробей, — обратился он наконец к провинившемуся, и

голос его не предвещал ничего хорошего, — на каком основании вы проглотили выступающего?!

— Да знаете, как-то машинально, — пытался оправдаться пернатый нарушитель. — Тьфу, какая гадость. Стоит ли так волноваться из-за какого-то мерзкого Клопа?

Приговор Кашалота был суров, но справедлив:

— Ваш поступок, Воробей, я расцениваю, как беспардонное нарушение этических норм, принятых на собраниях животных. Общественность в моем лице осуждает вас и объявляет общественное порицание!

Чтобы избежать повторения впредь подобных ЧП, председатель КОАППа распорядился

срочно установить повсюду — на поляне, в окружающем лесу и даже в озере — таблички: “На территории КООППа и окрестностей категорически запрещается кусать и съесть друг друга!” (Заметим в скобках, что это понравилось не всем. Раздавались реплики типа: “Ну что это за порядки!”. Но запрет на взаимное кусание и глотание соблюдался с тех пор неукоснительно).

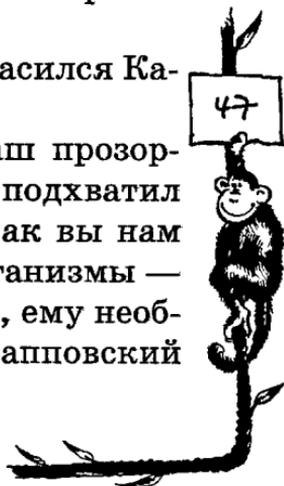
— Итак, — объявил Кашалот, удостоверившись, что работа по изготовлению и установке табличек началась, — Комитет Охраны Авторских Прав Природы сформирован. Напомню его основную задачу: оформить патенты на замечательные устройства, которыми наделила нас Природа, и тем самым защитить их от посягательств Человека!

— А чтобы смысл нашей благородной деятельности дошел до сердца и сознания самых широких масс, — сказала Мартышка, — эту задачу нужно сформулировать более кратко и доходчиво: в форме девиза!

— Девиз — это хорошо, — согласился Кашалот.

— Очень тонко подмечено, наш прозорливейший из председателей, — подхватил Удильщик, — ведь у Бионики, как вы нам сообщили, есть девиз: “Живые организмы — ключ к новой технике!” — значит, ему необходимо противопоставить наш, коапшовский девиз!

КООПП, КООПП!

— Клин клином, стало быть, — вставила Сова.

— Да-да, — поддержала Стрекоза, — девиз можно побить только другим девизом!

— И кажется, я его придумал... — Гепард потеревил лапой ухо и продолжил: — Сегодня мы рассмотрели случаи кражи уха у Тюленя и у Медузы, верно? Логично, если антибионический девиз КОАППа будет звучать так: “Спасите наши уши!”

Предложенный Гепардом девиз был горячо одобрен всеми его коллегами по КОАП-Пу. Но неожиданно выяснилось, что у новорожденной организации есть уже и свой гимн! Этот приятный сюрприз преподнес коаповцам их предусмотрительный председатель: оказалось, что он заранее заказал слова и музыку гимна знаменитому в птичьих кругах поэту и композитору Скворцу. Правда, гимн состоял из популярных мелодий других композиторов (у скворцов, как известно, отличная музыкальная память — на юге они даже залетают иногда в летние театры и подпевают артистам), но Кашалот справедливо полагал, что умело подражать значительно труднее и престижнее, чем сочинять самому.

Он роздал действительным членам и членам-корреспондентам КОАППа текст и ноты, и на Большой Коаповской Поляне впервые прозвучал коаповский гимн:

*Наш всемогущий Комитет
Оформит каждому патент,
Чтоб защитит приоритет
Природы!*

Председатель КОАППа дирижировал хвостом. Делегаты Съезда выслушали гимн стоя... Но и тех, кто исполнял гимн, и тех, кто его слушал, ожидал еще один сюрприз, который поверг их в легкий шок: из-за растущего неподалеку от председательского пня дуба вышел Человек... (У него, конечно, есть имя и фамилия, однако здесь он воспринимался не как конкретный Имярек, а как представитель всего своего вида Гомо сапиенс, то есть Человек разумный, и

для присутствовавших был просто Человеком. Поэтому и впредь будем так его называть).

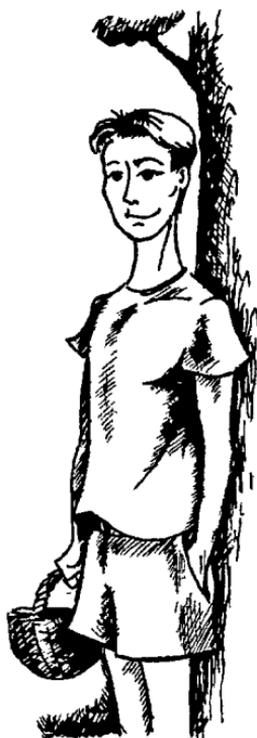
Последовала “немая сцена” — совсем как в пьесе Николая Васильевича Гоголя “Ревизор”, причем Кашалот очень напоминал в этот момент Городничего. А Человек как ни в чем не бывало подошел и вежливо поздоровался. Тут все заметили, что в руке у него корзинка с малиной. Человек поставил ее на секретарский пенек и весело сказал:

— Вот, насобирал. Ходил по ягоды и случайно забрел сюда. Угощайтесь.

Все это как-то не очень вязалось с нарисованным Кашалотом образом коварного злодея, посягнувшего на чужую интеллектуальную собственность...

— Вы... э-э... вы только что пришли? — видно было, что Кашалот несколько смущен.

— Нет, я уже давно здесь, — признался Человек, улыбаясь. — Стоял за деревом и с интересом слушал, как вы изобличали меня и бионику. И гимн слышал. Хороший гимн, —

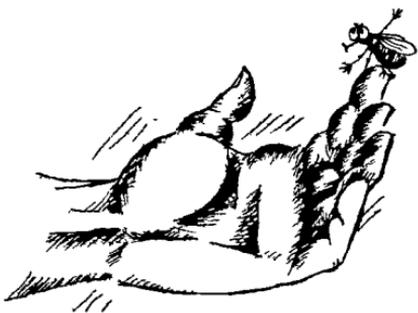

и он пропел: “Наш всемогущий Комитет оформит каждому патент, чтоб защитить приоритет Природы!” Ну, а меня вы от Природы отлучили? Нас, людей, по-вашему, не Природа создала?

На председателя КОАППа, еще минуту назад так величественно возвышавшегося над остальными собравшимися на поляне животными, жалко было смотреть.

— Ммм... я, то есть мы... вернее, вы... — бормотал он, запинаясь.

— Минутку, Кашалот, простите, что перебиваю... Я вижу, и Муха здесь? Отлично! Уважаемая Муха, не будете ли вы так лю-

безны подлететь и сесть мне на руку...

— Нет, вы серьезно? — Муха покружилась над выставленной вперед ладонью Человека и наконец решилась сесть. — Это что-то невероятное, рассказать кому — не поверят... Обычно люди, даже едва прикоснувшись ко мне, сразу же бегут руки мыть, а тут Человек сам приглашает присесть...

— Положим, и я потом вымою руки, — засмеялся Человек, — но сначала кое-что

КОАПП, КОАПП!

покажу Высокому собранию. Перед нами, господа, самая обыкновенная Комнатная Муха. Еще недавно о ней упоминали не иначе, как с отвращением, к беспощадной борьбе с нею, переносчицей опаснейших инфекций, призывали плакаты “Санпросвета”... Но вот инженеры и ученые взглянули на нее сквозь бионические очки — и увидели, что это насекомое — настоящий кладезь технических шедевров!

— Не делайте из Мухи Слона, — буркнул Рак.

— Времена переменялись, уважаемый Рак, — парировал Человек, — с точки зрения бионики сравнение с Мухой сделало бы честь любому Слону.

— А-а, так значит, об этом говорится в знаменитых стихах: “Нынче Муха-цокотуха именинница”? — догадалась Мартышка.

— Не совсем, хотя о Мухе сейчас вполне можно так сказать — ведь ей посвящают статьи, монографии и даже специальные научные конференции... И оснований для этого хоть отбавляй! Взгляните-ка на ее спинку.

Те, кто был поближе, пригляделись и увидели позади крыльев два маленьких придатка — словно Муха решила отрастить еще одну пару крыльев, а потом раздумала.

— Это что, зачатки еще одной пары крыльев? — спросила Стрекоза.

— Ничего подобного! — откликнулась Муха, и в голосе ее прозвучала гордость. — Я отлично обхожусь одной парой. Это жужжальца — замечательный навигационный прибор! Во время полета он помогает мне не терять ориентировки даже при самых резких поворотах — на крутых виражах, как говорят летчики. У них, кстати, такого чудесного прибора и в помине нет!

— Теперь уже есть, — возразил Человек. — Инженеры разработали аналогичный прибор для самолетов — гиротрон, но во всех наших статьях и книгах подчеркивается, что гиротрон сделан по принципу жужжальцев Мухи и других двукрылых насекомых. Как видите, при всем могуществе нашей науки и техники мы не считаем зазорным учиться у животных, растений, даже микробов... Но если мы заимствуем идею того или иного вашего устройства, то всегда с благодарностью указываем, так сказать, автора — так прямо и называем: электронная модель глаза Лягушки, токарный самозатачивающийся

резец по принципу зубов грызуна, искусственное ухо Медузы...

— Ухо Медузы? — переспросила Мартышка. — Так прямо и указываете? А мы думали...

— Так почему мы так думали, — заторопился, оправдываясь, Удильщик, — потому что Кашалот говорил — как мы могли не верить нашему мудрейшему из председателей...

— А его, очевидно, ввели в заблуждение советники, — Гепард незаметно подмигнул Кашалоту, давая понять, что коапповцы сделают все, чтобы выгородить своего председателя и позволить ему выйти с честью из щекотливой ситуации.

— Гнать бы их взащей, таких советников, — Сова даже показала, махнув несколько раз крылом, как бы она это сделала. — А то заладил: “украли ухо, украли ухо”...

— И в результате появился Комитет Охраны Авторских Прав Природы — охраны от меня... — Человек насмешливо взглянул на Кашалота. — Не так ли, господин председатель?

Кашалот вздохнул.

— Вечная история, — произнес он упавшим голосом. — Хотели как лучше, а получилось как всегда... Столько сил вложено в этот наш КОАПП, а теперь придется его распустить.

— Ни в коем случае! — вскричал Человек и даже замахал протестующе руками. — Его обязательно надо оставить! — И примите меня в его члены. Мы будем встречаться и обща знакомиться с удивительными приспособлениями, которыми наделила нас Природа, а также думать о том, как их применить в науке и технике.

Гепард сделал знак Кашалоту, чтобы тот наклонился, и проговорил вполголоса:

— Нам крупно повезло: в КОАППе будет собственный Человек, а ведь известно, что всегда и всюду полезно иметь своего Человека.

— Вы абсолютно правы, Гепард! — и, повернувшись к Человеку, громко объявил: — Будем считать, что мы договорились. Первый Всепланетный Съезд Животных Представителей считаю закрытым!

— Подождите, подождите, — затараторила Мартышка, — а как же наш гимн? В свете открывшихся новых обстоятельств он не должен оставаться таким мрачным! Я уже

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

переделала ноты и слегка подправила текст, вот новый вариант — возьмите все... На этот раз дирижировать буду я — ваш уважаемый хвост, дорогой Кашалот, не сможет двигаться в нужном темпе... Внимание, поем!

И все коаповцы, включая на этот раз и Человека, запели:

*Наш веселый Комитет
Выдаст каждому патент,
Защитив приоритет
Природы!*

— Коллеги, — подал вдруг голос Удильщик, — мне кажется, нам не следует ограничивать свою деятельность такой узкой сферой: я убежден, что патенты патентами, но мы не вправе уклоняться от не менее важной миссии — всемерно облегчать жизнь обитателям морей, лесов, гор, полей и рек, заботиться об их здоровье, быте, образовании, жилищных условиях, безопасности, культурном досуге...

— Да-да, — это наш святой долг! — поддержала Стрекоза.

— И мы его выполним, Стрекоза, — с пафосом воскликнул Кашалот, — причем все эти насущные житейские проблемы мы решим, — в этом нет ни малейшего сомнения, — быстрее и успешнее, чем власти предрержащие у людей!

— А главное, — ввернул Гепард, — на таком обширном многоплановом поприще вы обретете уникальную возможность в полной мере утолить свою страсть к красноречию и организаторский пыл.

— Я мечтаю об этом с детства, — признался Кашалот.

Птица-Секретарь, обычно невозмутимая и бесстрастная, на этот раз прокричала свои “Ко-апп, коапп!” с явным одобрителеьным оттенком, как бы поставив тем самым точку в событиях исторического дня.

ЗАСЕДАНИЕ,

ПРЕВРАТИВШЕЕСЯ ПО ВОЛЕ РОКОВОГО
СЛУЧАЯ В РАССЛЕДОВАНИЕ ТАИНСТВЕН-
НЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ОДНОГО УЖАСНОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО
ЗАГАДОЧНЫМИ ЛИЦАМИ ИКС, ИГРЕК,
ЗЕТ и Ж ОБОРОТНОЕ ...
КАК и ПОЛОЖЕНО В СТРАШНОЙ
ДЕТЕКТИВНОЙ ИСТОРИИ, ПРЕСТУПНИКИ
ОКАЗАЛИСЬ СОВСЕМ НЕ ТАМ,
ГДЕ ИХ ИСКАЛИ =

КУРАМ НА СМЕХ

Было ясное солнечное утро. Собравшиеся на Большой поляне Кашалот, Сова, Гепард, Рак, Стрекоза, Мартышка, Удильщик и птица-Секретарь пребывали в самом радостном настроении, если не сказать — в эйфории. Еще бы — их имена войдут в Историю, потому что сейчас, вот сию минуту начнется Первое в Истории Заседание КООППа!

И действительно — Кашалот без дальних слов взял в лап колокольчик и торжественно объявил:

— Открываю первое заседание Комитета Охраны Авторских прав Природы!

Птица-Секретарь прокричала “Коапп, коапп!”, и все стали поздравлять своего председателя и друг друга. Удильщик предложил объявить этот день нерабочим, его идея была, естественно, горячо поддержана, и Кашалот тут же отдал распоряжение птице-Секретарю подготовить соответствующий Указ. Это вызвало взрыв ликования, ибо ни у кого не было сомнения в том, что такой Указ привлечет к КООППу симпатии всего животного населения.

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

Коапповцы восторженно делились друг с другом планами будущих грандиозных свершений, с которыми были связаны самые радужные надежды. Они и предположить не могли, какое их ждет испытание...

Первой эти зло-
счастливые часы уви-
дела Стрекоза.

Собственно, о том, что они зло-счастливые, никто еще не догадывался — на вид это были обычные настенные часы, какие можно видеть в любом учреждении. Единственная необычность заключалась в том, что они были укреплены не на стене, а на стволе старой липы.

Стрекоза тотчас обратила на них внимание своих коллег, и это послужило еще одним поводом для веселья. Дело в том, что стрелки часов показывали три, хотя на самом деле было девять, и Гепард не преминул сострить:

— Я бы очень удивился, если бы они показывали правильное

время: раз часы висят на липе, на них и время должно быть липовым.

— Но не до такой же степени! — проворчал Рак без тени улыбки (он все воспринимал

буквально, поскольку с чувством юмора у него были проблемы). —

Отставать на шесть часов — это же ни в какие ворота!

— Почему вы так уверены, что они отстают? Может, наоборот — спешат? И показывают три часа дня, а не ночи?

Этот простой вопрос Мартышки поставил Рака в тупик, а Удильщик задумчиво протянул:

— Мда-а... Под такими часами я бы не рискнул назначить даже деловое свидание. Очевидно, они стоят?

Сова, обладающая самым тонким в мире пернатым слухом, наклонила голову и прислушалась, после чего заключила:

— Идут, родимые, я отсель слышу.

Заинтересовался странными часами и Кашалот. — Откуда они вообще взялись? — спросил он, ни к кому не обращаясь.

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

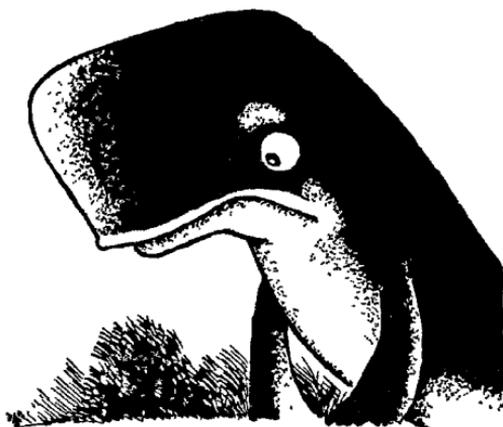
— Может быть, их принес Человек? — предположила Стрекоза. Сова поддержала эту версию:

— Да больше-то вроде некому.

— Но в таком случае где же он сам? — Кашалот растерянно оглядел поляну. До него только сейчас дошло, что среди собравшихся на заседание действительных членов и членов-корреспондентов КОАППа нет Человека.

Мартышка тоже стала оглядываться, вертя головой во все стороны. Случайно взгляд её упал на бумажку, приколотую к стволу той же липы, на которой были укреплены часы...

— Может, это записка от Человека? Сейчас я её принесу! — Мартышка подбежала к липе и уже протянула к бумажке руку, как вдруг откуда-то сзади послышался тоненький, но в то же время резкий и властный голос:

— Прошу всех оставаться на местах и ничего не трогать!

С этими словами на поляну стремительно влетела Комариха и решительно направилась к коапповцам.

— Что это значит, Комар? — возмутился Кашалот.

— Я не Комар, а Комариха!

— Комар вы или Комариха, но кто дал вам право командовать? Здесь распоряжаюсь я, председатель КОАППа!

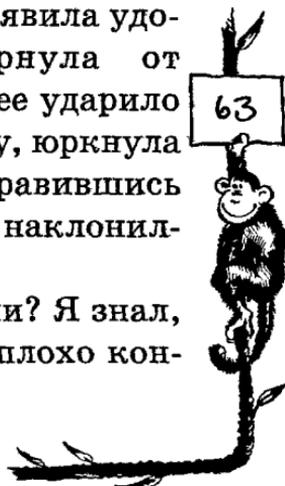
Комариха смирла его ледяным взглядом и сухо отчеканила:

— Весьма сожалею, гражданин, но в данный момент вам всем, подчеркиваю — всем без исключения придется выполнять мои указания. Я — старший следователь Лесной Прокуратуры.

От неожиданности коапповцы застыли, не в силах вымолвить ни слова, а Кашалот так растерялся, что ему даже не пришло в голову потребовать, чтобы Комариха предъявила удостоверение. Мартышка отдернула от бумажки руку так резко, словно ее ударило током, и, прошмыгнув к Кашалоту, юркнула за его спину. Кашалот, слегка оправившись от потрясения и обретя дар речи, наклонился к ней и тихо произнес:

— Это вы что-нибудь натворили? Я знал, что ваши выходки когда-нибудь плохо кончатся.

КОАПП, КОАПП!

— Я... я ни в чем не виновата, — испуганно затараторила Мартышка, — но все равно я больше не буду! У меня в защечных мешках сейчас только... — она раскрыла рот так широко, словно находилась на приеме у зубного врача, и стала вытаскивать из защечных мешков различные мелкие предметы. — Вот, смотрите: два маленьких кукурузных початка, пять шахматных фигур, — я их одолжила в одном доме, — вот расческа, ключ — не помню чей, но я его верну, честное слово! Я осознала!

— Она осознала, — поддержал Удильщик, — клянусь своей удочкой!

— Мы... мы дадим ей такую характеристику, такую характеристику... — не в силах выразить словами всю ее изумительность, Стрекоза затрепетала крыльями.

— Я подпишу любую! — заверил Кашалот. — В крайнем случае, мы возьмем Мартышку на поруки и перевоспитаем...

— Под мою личную ответственность, — добавил Гепард и пояснил: — Я ее сосед по Африке, и она все время будет находиться в поле моего зрения.

— Уж ты ее, Комарушка, не привлекай, — попросила Сова. — Бес попутал — с кем не бывает?

Все время, пока коапповцы поочередно старались выгородить Мартышку, Комариха переводила взгляд с одного заступника на другого, словно силясь понять, чего от нее хотят. Дождавшись, пока договорит Сова, она спросила: — Все высказались? — после чего заявила, раздельно и четко выговаривая каждое слово: — Не пытайтесь запутать следствие. Содержимое защечных мешков Мартышки не имеет абсолютно никакого отношения к данному делу.

Коапповцы почувствовали облегчение,.. но в то же время ощутили и некоторое беспокойство.

— Ка...какому делу? — попытался уточнить Кашалот.

— Ага, я так и предполагала! — в голосе Комарихи сквозил сарказм. — Вы все, конечно, ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаете.

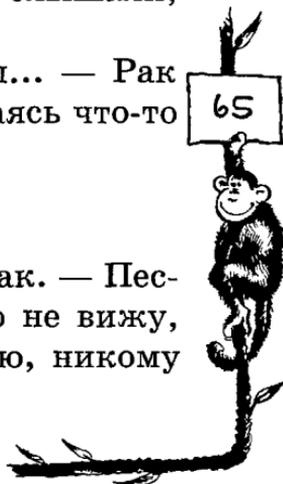
— Где-то я такое уже слышал... — Рак шевелил усами, мучительно пытаюсь что-то вспомнить.

Комариха насторожилась:

— Что вы слышали?

— Вспомнил! — обрадовался Рак. — Песня когда-то была такая: “Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, никому ничего не скажу”.

КОАПП, КОАПП!

Комариха не могла скрыть разочарования.

— И напрасно не скажете, Рак, — только добровольное чистосердечное признание облегчит участь правонарушителя. Приступаю к допросу. Ну так что, будем записывать или будем признаваться?

Председателю КОАППа так осточертела неизвестность и полнейшая невозможность что-либо понять в происходящем, что он выразил готовность признаться в чем угодно, лишь бы ему растолковали наконец, в чем именно. В том же духе высказались и его коллеги. Как ни странно, следовательно пошла им навстречу.

— Хорошо, — заявила она. — Сделаю вид, что я поверила: никто из вас не слышал об этом деле. Так вот, около года назад в принадлежащем частному лицу курятнике, неподалеку отсюда, были установлены настенные часы. С первого же дня, точнее, с первой же ночи с ними стали происходить таинственные вещи...

— Ой, как интересно! — воскликнула Стрекоза. — Обожаю все таинственное! Что же с ними происхо... — но она осеклась под испепеляющим взглядом Комарихи, которая сурово её отчитала:

— Впредь прошу меня не перебивать — когда говорит следователь, подозреваемая обязана молчать и слушать.

— Я... я подозреваемая?

— Здесь все подозреваемые, — отрезала Комариха. — Я продолжаю. Днем часы шли нормально, однако каждую ночь отставали на несколько часов. Неоднократный осмотр в часовой мастерской показал, что механизм совершенно исправен. Стремясь выяснить причину этого загадочного явления, хозяин курятника несколько дней назад остался в нем на ночь. С

заката до рассвета он не сводил с часов пристального взгляда...

Следователь сделала паузу, а слушатели, они же подозреваемые, затаили дыхание. Дальнейший рассказ Ко-

мариха вела, произнося слова с расстановкой, голосом, в котором зазвучали зловещие нотки...

— В полночь часы вдруг остановились, а на рассвете так же внезапно опять пошли, хотя ни в первом, ни во втором случае никто к ним не приближался. Какой отсюда следует вывод? Очевидно, неизвестные лица — назовем их Икс, Игрек, Зет и Э-оборотное...

— Э-оборотное? — переспросил Кашалот.

КОАПП, КОАПП!

— У вас есть возражения?

— Абсолютно никаких, — поспешно заверил Кашалот.

— Тогда я завершу изложение этого запутанного дела. Итак, по версии следствия, неизвестные лица Икс, Игрек, Зет и Э-оборотное с помощью неизвестного устройства останавливали и вновь запускали часы на расстоянии...

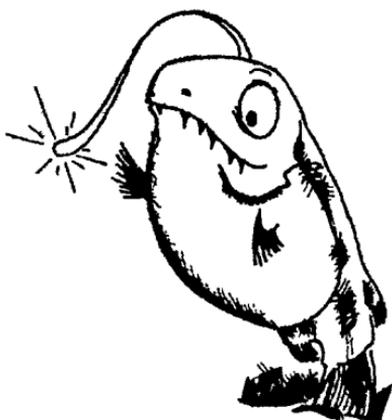
— На неизвестном расстоянии, — вернул Гепард, — назовем его “Мягкий знак”.

В результате часы, как говорится, ложились с курами, а вставали с петухами, не так ли?

— Именно так, — подтвердила следователь.

— Это самое странное дело, о каком мне доводилось слышать, — заметил Удильщик. — Кому могло понадобиться останавливать часы в курятнике? И зачем?

— Наивный вопрос, Удильщик. Сразу видно, что вы не искушены в подобных делах. Кому это понадобилось и зачем? Этого мы пока еще не знаем... Теперь прошу слушать внимательно и смотреть мне прямо в глаза. — Последую-

щую фразу Комариха произнесла очень четко, подчеркивая каждое слово: — Сегодня утром эти часы исчезли совсем!

Стрекоза ахнула. Это было очень неосторожно с ее стороны, потому что следователь немедленно подалась к ней и торжественно воскликнула:

— А-а, вот вы себя и выдали, Стрекоза! Итак, что вам известно? Отвечайте!.. Ну? Я жду...

Бедняжка в отчаянии замахала крыльями, словно отбиваясь от обвинений:

— Мне... мне ничего не известно, мне просто стало страшно...

— Следователя интересуют не ваши эмоции, а факты — только факты. Кстати, почему это вам стало страшно, а?

— Вы напрасно ее подозреваете, уважаемый... э-э, уважаемая следователь, — я ручаюсь, что никто из моих подчиненных не замешан в этом деле.

— Мало того, — подхватил Удильщик, — один из нас, — я имею в виду себя, — горит желанием помочь следствию!

— Правильно! — поддержала Мартышка, — вам легче будет перенести Мегрэнъ.

— Что перенести? — не поняла Комариха.

Гепард пояснил, что Мегрэнъ — опасная болезнь, которая приняла у их коллеги хроническую форму: время от времени он бросает все дела и запоем читает романы о

КОАПП, КОАПП!

комиссаре Мегрэ. Сейчас у него как раз очередной приступ Мегрэни.

— Мегрэ тут совершенно ни при чем! — возразил Удильщик. — На материале следствия я сам намерен написать роман! Название я уже придумал: “Часы остановились в полночь...”

— Послушайте, Комариха, — обратился к ней Рак, — не те ли часы пропали, что вон на той липе висят? — и он указал на них клешней.

Реакция следователя была мгновенной: — Где? — она пригляделась... — Да, это они! Вот что значит хорошо поставленный допрос и профессионально организованное дознание!

— Как говорится, дознание — сила, — заметил Гепард.

— Огромная сила! Ведь сначала все вы утверждали, что ничего не знаете... Итак, некто

Икс, Игрек, Зет и Э-оборотное, похитив часы, тщательно спрятали их на этой поляне.

Сова хихикнула, но тут же осеклась. Этого, однако, оказалось достаточным, чтобы вызвать у следователя раздражение:

— Может, вы объясните нам, Сова, что вы нашли в моей версии забавного?

— Дык сама рассуди, милая, — часы-то эти на самом видном месте висят. Нешто так прячут?

Сова никогда не имела дел со следствием и поэтому не знала, что сбить следователя с первоначальной версии практически невозможно — он будет держаться за неё до последнего. Комариха не была исключением.

— Это дьявольская уловка, Сова, — заявила она безапелляционно. — Здесь чувствуется опытная рука или лапа. Преступник рассчитывал, что на самом видном месте часы не станут искать. Но меня не проведешь! Как они здесь оказались?

— Мы не знаем! — хором прокричали коапповцы.

— Опять старая песня... — Комариха вдруг встрепенулась: — Стойте, стойте... — она пошевелила усиками, и вдруг опарашила коапповцев открытием: — Часы теплые! Какой отсюда следует вывод? Очевидно, они еще не успели остыть, так как совсем недавно похититель держал их в руках или в ла-

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

пах... — Комариха многозначительно посмотрела на Кашалота и добавила: — Или же в ластах.

— Нет-нет, только не в ластах! — испуганно запротестовал председатель КОАППа.

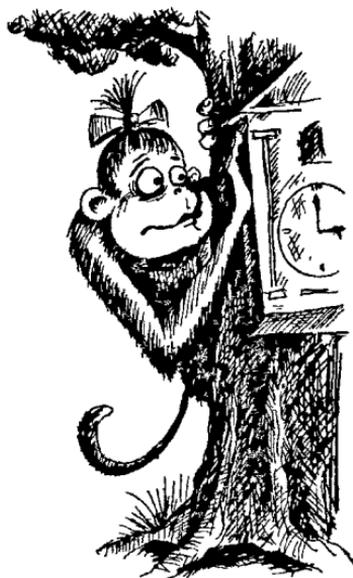
— А мы это сейчас проверим: если преступник работал без перчаток, на корпусе часов должны сохраниться...

Ее перебил возглас Мартышки:

— А часы и правда теплые!

Тут все увидели, что Мартышка, минуту назад находившаяся среди своих коллег, стоит у липы, прижав ладошки к корпусу злополучных часов. Когда она успела там очутиться, было совершенно непонятно. Впрочем, Мартышка успевала всюду и всегда. В данном случае, судя по реакции следователя, она успела совершить что-то непоправимое...

— Кто вам позволил дотрагиваться до вещественного доказательства?! — завопила Комариха истошным голосом, а Удильщик, уже

посчитавший себя полноправным участником расследования, заключил:

— Не исключено, что вы печаянно уничтожили отпечатки лап или других конечностей преступника.

— Нечаянно? — переспросила Комариха. — А я уверена, что она это сделала намеренно!

Мартышка в ужасе замахала руками:

— Что вы, что вы! Мне просто показалось невероятным, как это можно издали узнать, что часы теплые, — я этому, признаться, не поверила и решила пощупать сама...

Затронутый Мартышкой вопрос заинтересовал и её коллег.

— В самом деле, уважаемый следователь, — в голосе Гепарда прозвучало искреннее удивление, — как вы это определили? На таком расстоянии...

Остальные коапповцы тоже признались, что это кажется им почти сверхъестественным. Всеобщее изумление так польстило Комарихе, что возмущение её улеглось, и уже спокойным, хотя и самодовольным голосом она сообщила:

— У современной криминалистики на вооружении последние достижения науки и

КОАПП, КОАПП!

техники — мы их используем последние триста миллионов лет. Вот здесь, на моих усиках-антеннах, — она пошевелила усиками, — есть специальные рецепторы, иными словами, чувствительные органы, воспринимающие инфракрасные лучи. Эти органы обнаруживают на расстоянии теплые предметы.

— Или теплокровных животных, — дополнил Гепард, — не так ли, дорогая Комариха? Вы разыскиваете их по теплу, чтобы взять пробу крови?

— Да, для экспертизы, в интересах следствия. Кстати, по этой причине комарам противопоказана наша суровая профессия — эти слабые нервные мужчины не выносят крови, они питаются только соком растений и нектаром.

— Неплохо устроились, — заметила Мартышка, — у ваших мужчин, можно сказать, сладкая жизнь.

— Мы, комарихи, признаться, тоже нередко лакомимся нектаром, но что поделаешь — де-

тективу иногда приходится иметь дело и с кровью. Кстати, мне нужны образцы вашей...

— Кровь..? — испуганно пропищала Стрекоза.

— Слюны. Это даст мне возможность изобличить преступника.

Коапповцы недоуменно переглянулись, а Сова запричитала:

— Что же это будет! всю поляну заплуют, прости, господи...

— Зачем же всю, Сова, — успокоил ее Кашалот, — образцы мы оставим на каком-нибудь пеньке.., ну, скажем, на секретарском.

— После чего их отправят на экспертизу, — с видом знатока-профессионала добавил Удильщик, но следователь сразу же его опровергла:

— Их никуда не отправят — я проведу экспертизу на месте и сделаю это немедленно!

Коапповцы приблизились к секретарскому пню и оставили на нем образцы слюны. Дождавшись последнего образца, Комариха стала прикасаться к ним хоботком и лапками, пояснив:

— Я всегда ношу с собой портативную переносную лабораторию для мгновенного тонкого химического анализа в полевых

КОАПП, КОАПП!

условиях. На моем хоботке два десятка чувствительных волосков, именуемых вкусовыми сенсиллами.

— Вкусовыми? — повторил Рак. — Выходит, этот ваш тонкий химический анализ — сплошная вкусовщина.

— Не вкусовщина, — поправила Комариха, — а дело вкуса. Вкус же у меня безупречный! В каждой моей вкусовой сенсилле от двух до пяти нервных клеток, они строго специализированы: одна распознает

только неприятные и вредные вещества — такие, как соли, кислоты, щелочи, другая — только приятные, например, сахар, глюкозу, третья нервная клетка сигнализирует о наличии воды, четвертая — о присутствии белков, и, наконец, пятая — о прикосновении сенсиллы к образцу, то есть о

механическом контакте с ним. Вкусовые волоски есть не только на хоботке, но и на лапках. Достаточно ничтожного количества вещества, чтобы я смогла обнаружить и определить его состав — так что на ошибку не надейтесь!

В Удильщике, у которого со следствием были уже связаны все помыслы, проснулся профессиональный интерес.

— Простите, коллега, — сказал он, полагая, что вправе теперь обращаться к Комарихе именно таким образом, — я, видимо, что-то про-

пустил или недопонял... Вы упомянули нервные клетки, чувствительные к сахару и к соли, к белкам и к воде, даже к прикосновению. А как же кровь?

— Клетки, чувствительные к крови, у меня, естественно, тоже есть, но

они находятся не во вкусовых сенсиллах, а на концах шести твердых и острых копьеобразных стилетов, которые спрятаны в хоботке, как в ножнах. — Комариха выдвинула стилеты из этих своеобразных ножен и продемонстрировала их коапповцам. — Когда я выдвигаю стилеты и прокалываю ими кожу, я ощущаю вкус крови и могу провести её экспресс-анализ. Но в данный момент мне необходимо закончить химический анализ данных образцов. Сейчас я узнаю, кто из вас побывал в курятнике.

— Какая же тут связь? — озадаченно спросил Кашалот.

КОАПП, КОАПП!

— Самая прямая, — сказала Комариха. — На месте преступления была найдена улика — окурочок со следами слюны. Сопоставляю её состав с данными экспертизы...

Кашалот и его соратники по КОАПШу замерли в ожидании результата сопоставления.

— Хм, странно — не совпадает... — Комариха задумалась. — Какой отсюда следует вывод? — произнесла она наконец после довольно длительного молчания. — Очевидно, окурочок бросил кто-то другой — я так и предполагала.

— Мда-а, — протянул Гепард, — вот образец железной логики. Как говорится, комар носа не подточит.

Все наперебой стали заверять следователя, что её смелый вывод произвел на них потрясающее впечатление.

Комариха благосклонно внимала, а затем изрекла с важным видом:

— Дедуктивный метод — великая сила, им пользовался еще Шерлок Холмс.

— Конечно, окурочок бросил другой, — про-

пищала вдруг Стрекоза, — ведь никто из нас не курит, даже Человек...

Комариха мгновенно обернулась к ней:

— Какой Человек? Что за Человек?

— Ну кто вас тянул за язык? — процедил сквозь зубы Кашалот, наклонившись к Стрекозе, но тут же выпрямился и нарочито бодрым голосом сказал:

— Это наш Человек.

— Он тоже, между прочим, член КОАППа, — добавила Мартышка.

— Действительный член, — уточнил Рак.

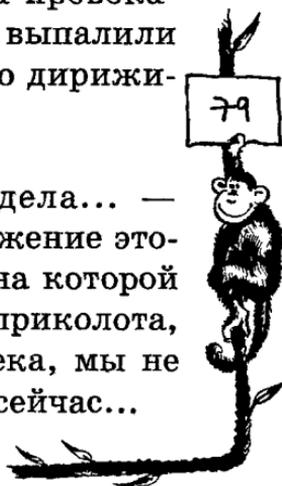
— Та-ак, любопытно... — Комариха поочередно переводила взгляд с одного коапповца на другого. — Все члены КОАППа в сборе — все, кроме Человека... Вам это не кажется подозрительным?

Выгораживая Человека, Кашалот и его соратники проявили такую же солидарность с коллегой, как и полчаса назад при выгораживании Мартышки. Отвечая на провокационный вопрос следователя, они выпалили единым духом, словно ими кто-то дирижировал:

— Нет, не кажется!

— Видимо, его задержали дела... — Мартышка в третий раз в продолжение этого заседания подбежала к липе, на которой висели часы. — Вот тут бумажка приколата, возможно, это записка от Человека, мы не успели её прочесть — давайте, я сейчас...

КОАПП, КОАПП!

— Нет-нет, не трогайте, я сама! — подлетев к бумажке, Комариха принялась разворачивать её, приговаривая: — Ну-ка, ну-ка.., ага, так и есть — это действительно записка от Человека, я так и предполагала! — и начала читать вслух: “Дорогие друзья, меня срочно вызвали для организации экспериментального лесного пожара”...

— Лесного пожара?!

— коапповцы были несказанно поражены.

— Не мешайте мне, я еще не закончила читать: — “Постараюсь вернуться к концу заседания”. — Дочитав записку до конца, Комариха обследовала

ее вкусовыми сенсиллами и, не обнаружив больше ничего заслуживающего внимания, объявила:

— Эта записка — очень важная улика, приобщу её к делу. Очевидно, Человек, похитив часы, решил уничтожить следы с помощью лесного пожара, а затем вернуться сюда, чтобы обеспечить себе алиби.

— Плохо ты его знаешь, ежели про него такое говоришь, — Сова осуждающе посмотрела на следователя. — Не такой он Человек, чтоб

одного себя обеспечить — хошь едой, хошь одежей, хошь этим... вот про что ты сей момент сказала — не знаю, не ведаю, с чем его едят.

— Его не едят, дорогая Сова: алиби — доказательство непричастности к преступлению, — пояснил Кашалот.

— Но меня не проведёшь! — Комариха еще раз внимательно оглядела коапповцев, сгрудившихся возле председательского пня, словно выбирая из них кого-то, и заявила:

— Мне нужен помощник.

— Удильщик, вы горели желанием помочь следствию, — напомнил Гепард. — Вам представляется удобный случай. Позвольте, а где же Удильщик?

Все стали осматривать поляну, Стрекоза облетела её, а Кашалот даже нырнул в озеро. Удильщика нигде не было.

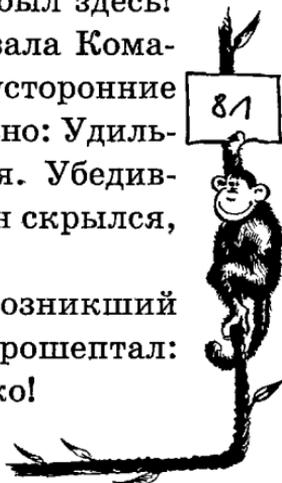
— Прямо мистика какая-то! — воскликнула Мартышка. — Он же только что был здесь!

— Никакой мистики, — отрезала Комариха. — Здесь действуют не потусторонние силы, а криминальные. Мне все ясно: Удильщик — соучастник преступления. Убедившись, что разоблачение близко, он скрылся, чтобы предупредить Челове...

Договорить она не успела — возникший словно из-под земли Удильщик прошептал:

— Тсс... не говорите так громко!

КОАПП, КОАПП!

— Ага, вы вернулись, — Комариха, по всей видимости, ни мало не смутилась. — Я так и предполагала!

Удильщик приложил плавник к пасти:

— Тихо! Вы их спугнете.

— Кого — их?

Еще больше понизив голос и поминутно оглядываясь, Удильщик сообщил:

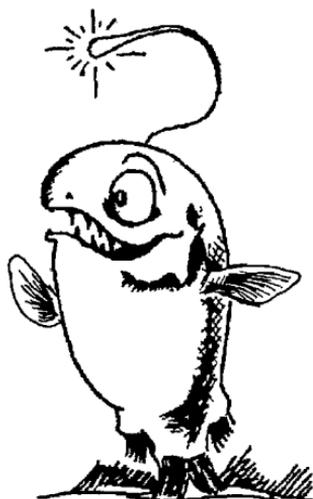
— Я обследовал окрестности поляны и увидел две человеческие фигуры, они затаились — лежат в траве совершенно неподвижно. Какой отсюда следует вывод? Очевидно, эти двое — неизвестные преступники!

— Интересно, кто они — Икс и Игрек или Зет и Э-оборотное? — полюбопытствовал Гепард.

Следователь была настроена решительно:

— Сейчас я это узнаю! Спокойно, делайте вид, что никто из вас ничего не заметил. Главное — не оборачивайтесь в ту сторону. Кто из вас способен смотреть назад, не оборачиваясь?

— Я! — Стрекоза подлетела к Комарихе почти вплотную, чтобы та могла рассмотреть ее глаза и убедиться, что это не пустое бахвальство. — У меня каждый глаз состоит из двад-

цати восьми тысяч маленьких глазков-фасеток, они смотрят в разных направлениях, поэтому я вижу одновременно и вверх, и вниз, и в стороны, и вперед, и назад.

— Отлично. Наблюдайте за неизвестными и докладывайте, что они делают.

— Они вон там! — Удильщик показал удочкой, словно указкой. Стрекоза поднялась повыше, уселась на ветку и, делая вид, что смотрит в противоположном направлении, стала докладывать с этого наблюдательного пункта:

— Лежат... Их мухи кусают, а они даже не шелохнутся... На том, что в белом костюме, мух немного, а того, что в черном, всего облепили.

— Та-ак, понятно, — глубокомысленно изрекла следователь, — тот, что в черном — подставное лицо. Это нередко бывает в уголовной практике.

— Простите, я не совсем понял, — на самом деле Кашалот совсем не понял.

— Тот, что в черном костюме, — охотно пояснила Комариха, — отвлекает на себя мух, чтобы они не мешали действовать главному

преступнику — тому, что в белом костюме. Мы, комарихи, тоже предпочитаем людей в черной одежде — их легче разыскать, они излучают больше тепла.

— Ой, на черного садится огромнейший клоп — я таких никогда не видела! — Стрекоза от волнения даже забыла приглушить голос.

— Ага, — удовлетворенно произнесла следователь, — очевидно, это гигантский летающий клоп Триатома из Южной Америки, он у нас проходил по делу об искусании, сопровождавшемся заражением потерпевшего болезнью Шагаса — американской разновидностью сонной болезни.

— Сонной болезни! — воскликнула Мартышка. — Смертельной болезни, которую переносит муха Цеце!

— Успокойтесь, болезнь Шагаса, которую переносит клоп Триатома, не смертельна, — заверила Комариха.

— Но все равно вряд ли этот, в черном костюме, сможет теперь лежать спокойно — сейчас он себя выдаст! Стрекоза, не пропустите этот момент, не сводите с него глаз...

— Я и не свожу, но... — в голосе Стреко-

зы слышалось удивление, — но он даже не пошевелился!

— Такая выдержка даже со стороны преступника

заслуживает уважения, — заметил Кашалот.

Мартышку вдруг осенило:

— Выдержка тут ни при чем! — заявила она. — Я догадалась: он неподвижен, потому что мертв!

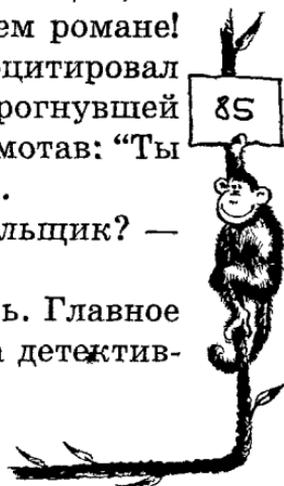
— Мертв? — повторили все с ужасом.

— Да! Какой отсюда следует вывод? — судя по этой фразе, Мартышка тоже втянулась в расследование. — Очевидно, тот, что в черном, не преступник и даже не соучастник, наоборот — он хотел разоблачить этого, в белом костюме, и тот его убил!

— Эх, хорошо, если бы это оказалось правдой, — мечтательно произнес Удильщик, — какая получилась бы сцена в моем романе! — и автор будущего детектива процитировал зловещим голосом: “И он недррогнувшей ррукой нажал курррок, прроборрмотав: “Ты слишком много знаешь, Гарри”...”

— Почему именно Гарри, Удильщик? — осведомился Гепард.

— Ах, Гепард, не придирайтесь. Главное — чтобы было убийство — что за детективный роман без убийства?

картотеке значится свыше десяти тысяч видов златок-рецидивистов, — злейшие враги леса. Но то, до чего додумались златки пожариц... Да-а, должна признать, что мы их недооценили...

— Хитроумные преступники, ничего не скажешь, — согласился Гепард, — как они ловко обвели вокруг пальца органы лесного правопорядка: их личинки появляются на свет и растут в местах, где некому привлечь их к ответственности — ни птиц там нет, ни муравьев, ни барсуков, ни...

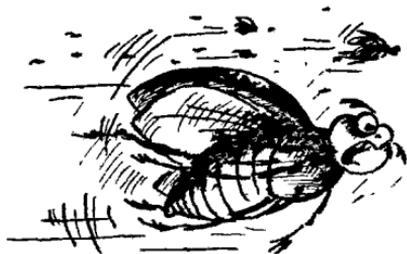

— Вы послушайте их, послушайте! — в полном смятении перебил его Кашалот.

Златки пожариц пролетали в этот момент почти над центром поляны, над головами коапповцев, и пели хриплыми голосами залихватскую блатную песню:

*Дымный Жук, на пепелище
Ты найдешь свое жилище!
Где обуглены деревья
И сгорела вся трава,
На золе мы и на пепле*

*Утвердим свои права!
Нашим предкам испокон
Был приятен дым пожарщи,
Истребляющий огонь
Наш единственный товарищ!
Пусть раздует пламя ветер
И сгорят в нем все враги!
Пусть останутся на свете
Только дымные жуки!
Дымный Жук, на пепелище
Ты найдешь свое жилище!*

Стая жуков скрылась за лесом. Коапповцы проводили ее недобрым взглядом.

— Ишь, полетели, супостаты окаянные,
— промолвила Сова.
— Неужто остановить

их некому?

— Какие ужасные жуки, — пробормотал Кашалот.

— Еще бы, — откликнулась Комариха, — они наверняка сообщники убийцы и действуют с ним заодно. Впрочем, не исключено, что и вы все заодно...

— У меня голова идет кругом... — только и смог произнести Кашалот.

Комариха вдруг повела усиками и повернулась в сторону входа на поляну.

— Сюда приближается кто-то теплокров-

КОАПП, КОАПП!

— Да погодите вы, Удильщик, со своим романом, — оборвал его Кашалот, — тут не до романов: дело окончательно запутывается...

— Напротив, — возразила Комариха, — проясняется! Стрекоза, посмотрите внимательно на убийцу в белом костюме — не бросается ли вам в глаза какая-нибудь необычная деталь?

— Бросается... — над ним сейчас пролетают жуки, они направляются в нашу сторону...

Слова Стрекозы подтвердились через несколько секунд: послышалось низкое гудение, и над поляной показалась целая стая больших черных жуков.

— Я так и предполагала, — в очередной раз заявила Комариха. — Улавливаете связь?

— Я улавливаю, — поспешно откликнулся Удильщик, но тут же добавил: — Хотя и не совсем... (по правде говоря, ни малейшей связи между появлением жуков и убийцей в белом костюме он, как ни старался, уловить не мог).

— Батюшки, сколько же их! — ахнула Сова. — Тьма-тьмущая, полчища несметные...

— Спешат, как на пожар, — заметила Мартышка.

— Ка...ка...какой отсюда следует вывод? — заверещала Стрекоза, заикаясь от внезапно захватившего ее охотничьего, точнее, оператив-

но-розыскного азарта (видимо, бацилла расследования передалась и ей). — Очевидно, они спешат на экспериментальный пожар, который устроил Человек, — ведь это златки пожарищ, а еще их называют дымными жуками, они всегда слетаются к лесному пожару, ждут, пока всё сгорит, и откладывают яички в еще теплый пепел.

— Оригинальные создания, — заметил Гепард, — всё живое бежит от огня, а эти, так сказать, летят на огонек.

— Так вот где они укрываются от правосудия! — воскликнула следователь. — Надо будет сообщить в Лесную Прокуратуру.

— А почему им нужно укрываться? — спросил Кашалот.

— У них что, рыльце в пушку? — полюбопытствовала Мартышка.

— Не рыльце, а челюсти, и не в пушку, а в листьях — это у взрослых златок, а у их отпрысков, личинок — в древесине, причем не только живых деревьев, но даже пиломатериалов! Почти вся их семейка, — а в нашей

ный, — сообщила она, и все увидели выходящего на поляну Человека.

— Это же Человек, член КОАППа, а вы — “теплокровный”, — укоризненно про бурчал Рак.

— А какой же он по-вашему? Так, Человеку пока ни слова — он тоже заодно. — Комариха отлетела в сторону и села на травинку.

Подойдя ближе, Человек поздоровался, но его встретило настороженное молчание... — Что случилось, друзья? — обеспокоенно спросил он.

Гепард ответил вопросом на вопрос:

— Надеюсь, уважаемый Человек, экспериментальный пожар прошел успешно? Всё сгорело?

Сову, всегда сдержанную, вдруг словно провало, и она выплеснула то, что, видимо, давно накипело на душе:

— “Успешно, успешно”.., да нешто это дело — пожары лесные устраивать? Житья ведь от них не стало: бродят по лесу туристы там али так, сами по себе, разные непонятные люди, окурки бросают, кост-

ры зажигают да не гасют как следует — далеко ли до беды...

— Ну, наш пожар был совсем маленький, можно сказать, игрушечный, — постарался успокоить ее Человек, — причем устроен он был в безопасном месте и под строгим наблюдением. После опыта мы его, конечно, сразу же погасили. А устроили мы этот экспериментальный пожар для того, чтобы проверить одну мою идею, которая, я убежден, позволит вовремя, то есть в самом зародыше обнаруживать настоящие лесные пожары, а значит, и успешнее их гасить.

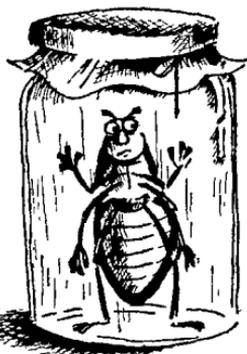
— И что это за идея? — проскрипел Рак, всё еще сомневаясь.

— Для обнаружения лесного пожара на самой ранней стадии я предложил использовать злейшего врага леса — жука златку.

— Златку?! — коапповцы не верили своим ушам. Но вынуждены были поверить глазам, когда Человек вытащил из сумки и показал им банку, в которой сидел большой черный жук — точно такой же, как те, что пролетали над их головами.

— Да это же Дымный Жук! Златка пожарищ! — воскликнули они в один голос.

— Я же говорила, что они заодно, — тихо

КОАПП, КОАПП!

произнесла со своей травинки Комариха, но Человек ее услышал.

— Кто заодно, с кем заодно? — удивленно спросил он. — Кто это сказал?

— Никто, вам показалось, — наплась находчивая Мартышка. — Вы лучше скажите, каким это образом Златка пожарищ может вам обнаруживать в самом начале лесные пожары?

— Пусть она сама об этом скажет, не возражаете? — Человек вынул Златку пожарищ из банки и посадил на секретарский пенёк, который к тому времени птица-Секретарь уже тщательно вытерла и даже застелила большим лопухом.

— Если вас не затруднит, — начала Златка пожарищ, — зовите меня пожалуйста по-гречески — так, как зовут энтомологи, специалисты по насекомым: Меланофила.

— Гляди-кась, — поразилась Сова, — рецидивист-то нонича образованный пошел — по-гречески так и шпарит!

— В переводе это означает “Любящая черное”. Черный цвет и в самом деле мой самый любимый — я и сама черная, и росла среди сплошной черноты, на

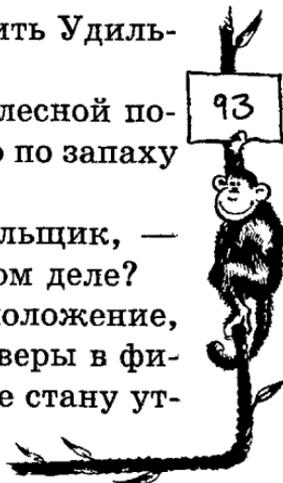
закопченном обугленном пне... Ах, какой великолепный черный фон окружал меня в детстве! А почему я возражаю против имени “Златка”, я вам сейчас объясню. “Златка” происходит от слова “злато”, то есть “золото”, разве не так? Конечно, у всех златок, и у меня, как видите, одежда как бы с люрексом, то есть с характерным металлическим блеском, но ведь не всё то золото, что блестит, верно? Вот индийскую Украшенную Златку, пожалуй, еще можно так называть — спинка у нее, вернее, надкрылья желтые, и она похожа на золотую брошь, украшенную изумрудом и рубинами — у нее зеленая с красным головогрудь. Но звать Златкой меня... Это все равно, что величать меня “Черным Золотом”. Но ведь так называют уголь, нефть, а никак не жуков... Имя “Дымный Жук” не лучше — оно напоминает о том безотрадном периоде, когда ученые думали, будто мы действуем исключительно по принципу “нет дыма без огня”...

— То есть? — попросил уточнить Удильщик.

— То есть мы будто бы ищем лесной пожар, — так они думали, — только по запаху дыма и гари...

— Гарри, как сказал бы Удильщик, — вставил Гепард. — А как на самом деле?

— На самом деле такое предположение, простите меня, ничуть не лучше веры в философский камень. Я, конечно, не стану ут-

верждать, что равнодушна к этим чарующим запахам, но, еще раз простите, — о каком запахе может идти речь на расстоянии в сто километров?

— Что-о? — Кашалот уставился на Меланофилу своими близорукими, точнее, близластными глазами. — Не хотите ли вы этим сказать, Меланофила, что способны обнаружить лесной пожар за сто километров?

— Сказать можно что угодно — лучше показать... У

вас есть лупа? — Меланофила перевернулась на спинку и предложила: — Посмотрите на мое брюшко, на основания средних ножек.

Коапповцы, поочередно рассматривая в лупу указанные ею места, увидели две симметричные дуги из лунок

— одна рядом с основанием правой ножки, другая — левой. На дне каждой лунки они разглядели множество — не меньше сотни — миниатюрных прозрачных колпачков. Они выглядели как стеклянные, но Стрекоза сказала, что колпачки, несомненно, хитиновые, а во всем, что касается хитина, Стрекозе можно было верить — как-никак, у нее из этого вещества

состоял и наружный скелет, и ее прозрачные крылья (у всех других насекомых, впрочем, тоже)...

— Под каждым таким прозрачным колпачком, — пояснила Меланофила, — рецептор, чувствительный к инфракрасным, то есть тепловым лучам, причем к длинноволновым — как раз к тем, которые легко проходят сквозь пыль, дым, туман, облака, распространяясь на десятки, даже на сотни километров. Так вот, две дуги, состоящие из лунок с инфракрасными рецепторами — это мой тепlopеленгатор дальнего поиска. Он не только обнаруживает пламя далекого пожара, но и определяет направление на него... Как вы думаете, с какой точностью? До десятых долей градуса!

Пока слушатели приходили в себя от сообщенной Меланофилой сенсационной информации, она перевернулась обратно брюшком вниз и завершила свою маленькую лекцию фразой:

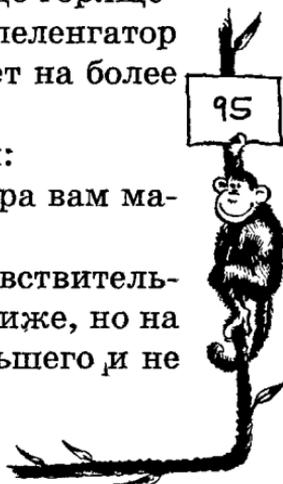
— Ну, а километров за десять до горящего участка леса включается тепlopеленгатор на усиках-антеннах — он работает на более коротких волнах.

Удильщик воззрился на усики:

— Как, одного тепlopеленгатора вам мало, у вас есть еще один?

— Да, ближнего поиска — чувствительность и точность у него намного ниже, но на таких коротких расстояниях большего и не требуется.

КОАПП, КОАПП!

— Ну и дела... — Сова покачала головой.
— Мы-то тут, грешным делом, златок пожарищ костили на чем свет стоит, а их, выходит, к пожарному делу приспособить можно...

Следовательская жилка взыграла в Комарихе, она не выдержала и вмешалась:

— И к оперативно-розыскной работе по делам о поджогах леса!

Своей репликой она обнаружила себя, Человек ее заметил и, к удивлению своих коллег по КОАППу, обрадовался:

— Кого я вижу! Вы меня не узнаете? А вот я вас сразу узнал... Друзья, позвольте вам представить помощника следователя — Комарочку!

— Помощника? — проворчал Рак. — Она же назвалась старшим следователем.

— Что значит “назвалась”?! — парировала Комариха тоном, свидетельствующим о крайней степени благородного негодования. — Я повысила себя в должности за безупречную службу!

— И правильно сделали, — весело одобрил Человек. — Но когда я посетил лабораторию бионики Московского государственного университета, вы были еще помощником — зато каким! Я ведь наблюдал за вами, когда вы проводили экспертизу, мало того — сам принимал в этом участие...

— Ой, расскажите, дорогой Человек, это так интересно! — Мартышка от нетерпения даже

несколько раз дернула Человека за рукав. Остальные коапповцы присоединились к ее просьбе.

Человек не заставил долго себя упрашивать.

— Наша совместная работа, — начал он, — выглядела так: Комарочка располагалась на предметном столике микроскопа, а я в этот микроскоп смотрел. Правда, видел я в него только хоботок с торчащими во все стороны вкусовыми сенсиллами. На одну из них был надет электрод — тончайшая стеклянная трубочка с электропроводной жидкостью. Когда в трубочку вводили какое-либо вещество, — в ничтожных количествах! — нервные клетки вкусовой сенсиллы тотчас начинали вырабатывать электрические импульсы. Их усиливала и записывала электронная ап-

КОАПП, КОАПП!

паратура. И вот что замечательно: каждому веществу соответствует определенная последовательность импульсов — она никогда не повторяется! Значит, по импульсам можно узнать, что это за вещество! Этот метод тончайшего и притом мгновенного химического анализа с помощью комариного хоботка разработала группа биологов и инженеров под руководством Юрия Александровича Елизарова. Естественно, что Комарочка в роли эксперта-химика очень заинтересовала криминалистов — ведь прибор, куда она входит на правах самого важного блока...

— Так сказать, полуживой прибор, — вставил Гепард.

— Точнее, наполовину живой, — поправил Человек, — так вот, такой прибор помог бы раскрыть многие преступления.

Услышав это слово, Кашалот заволновался. На него снова нахлынули переживания, вызванные событиями этого безумного и сумбурного дня. Естественным порывом было немедленно поделиться ими с Человеком, что он и сделал — правда, в несколько сбивчивой форме (впрочем, в его состоянии это вполне извинительно):

— Да-да, преступления... — проговорил он, запинаясь, и протянул ласт. — Вон там лежат... убитый и убийца.., а мы все заодно...

— Ничего не понял, — сказал Человек. — Что стряслось?

Коапповцы взхлеб, перебивая друг друга, познакомили его с хроникой событий. Стрекоза, опустившись ему на плечо, пропищала в самое ухо:

— Пока вас не было, произошли такие жуткие происшествия!

Мартышка вскарабкалась по рукаву и зататорила в другое ухо:

— Совершенно кошмарное преступление в курятнике — там орудовало несколько гангстерских шаек, они останавливали часы, чтобы вызвать всеобщий хаос!

Удильщик поманил удочкой, и когда Человек наклонился, с заговорщическим видом прошептал:

— А потом главари шаек не поделили похищенные часы и перестреляли друг друга — в живых остался только самый свирепый и кровожадный из них — знаменитый громила Э-оборотное!

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— Во-он он лежит, в белом костюме, — Гепард показал лапой, — рядом его жертва — в черном.

— А мы все заодно, — повторил Кашалот упавшим голосом.

— Ах, вон оно что! — Человек сотрясался от смеха. — Нет, вы меня сегодня уморите!

Так, хохоча, он направился к лежащим в траве человеческим фигурам, поднял их и понес к коапповцам.

— Силы небесные! — ужаснулась Сова. — Смотрите, что делается: Человек обоих супостатов сюды несет — и живого, и мертвого!

— Убитый в черном еще теплый, — сообщила Комариха, шевеля усиками, — я чувствую отсюда.

— Да это же просто манекены, друзья, — сказал Человек, подойдя и укладывая фигуры на землю рядом с секретарским пнем. — А теплые они потому, что специально подогреваются изнутри электронагревателями до температуры человеческого тела. С их помощью ученые доказали, что комарихи, клопы, кровососущие мухи находят свои жертвы не только

по запаху тела, но и по теплу. Надевая на манекены различные костюмы, ученые выяснили также, что белая одежда в какой-то мере спасает от насекомых, потому что тело в ней излучает меньше тепловых лучей. Я принес эти манекены на поляну, чтобы продемонстрировать вам, и часы тоже.

— Ага, слышите, коапповцы? — с торжеством воскликнула Комариха, — и часы тоже! Я так и предполагала!

— Но кто же их тогда останавливал? — спросила Стрекоза.

Человек вытащил из сумки заткнутую пробкой пробирку и показал коллегам:

— Вот он, виновник, — в пробирке.

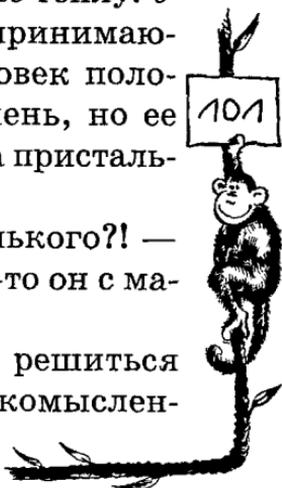
— Да это ж куриный клещ, — удивленно сказала Сова, приглядевшись. — Днем-то он по щелям отсиживается, а ночью выползает, курей разыскивает да под перья к ним забирается.

— А как он разыскивает кур? По теплу! У Куриного Клеща есть прибор, воспринимающий инфракрасные лучи! — Человек положил пробирку на секретарский пенек, но ее тут же схватила Мартышка и стала пристально рассматривать затворника...

— Прибор — у такого малюсенького?! — воскликнула она наконец. — Весь-то он с маковое зернышко!

— Да, он слишком мал, чтобы решиться действовать в одиночку, — глубокомыслен-

КОАПП, КОАПП!

но проговорила Комариха. — Какой отсюда следует вывод? У этого преступника, — очевидно, это тот, кого мы называли “Э-оборотное”, — были сообщники: Икс, Игрек и Зет!

— Таким образом, следствие вернулось к исходной точке, — констатировал Гепард.

— Сообщников у него гораздо больше, милый следователь, — засмеялся человек, — не хватит всех букв алфавита... Видите ли, часы эти электрические, при работе они слегка нагреваются, и вот по ночам в их механизм набивалось столько клещей, что часы останавливались, а утром клещи уползали, прятались в щели, и часы снова шли.

— Перепутать часы с Курицей... — Кашалот развел ластами. — Ну, знаете...

— Как говорится, курам на смех, — сказал Гепард.

— Но так или иначе, преступление раскрыто, и я могу со спокойной совестью закрыть заседание КОАППа.

Что Кашалот и сделал, после чего птица-Секретарь прокричала свое традиционное “Коап, коап!”

Однако коаповцы, взбудораженные происшедшим, долго еще не расходились, взволнованно обсуждая все перипетии этого суматошного дня. Вспоминая подробности случившегося, Мартышка высказала здравую мысль:

— Знаете, коллеги, только сейчас, задним числом, я поняла, что мы совершенно неправильно себя вели. На все вопросы следовательно нам следовало отвечать: “Я буду говорить только в присутствии своего адвоката”.

— Сначала надо его завести, — буркнул Рак.

— За чем же дело стало? — и председатель КОАППа сказал, как припечатал: — Давно пора! И я займусь этим немедленно...

ЗАСЕДАНИЕ,

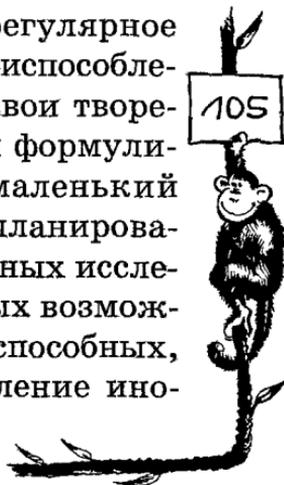
НА КОТОРОМ КОАПОВЦЫ УБЕДИЛИСЬ
В ТОМ, ЧТО СОЗДАНИЯ ПРИРОДЫ,
ОБИТАЮЩИЕ В РАЗНЫХ КОНЦАХ
СВЕТА, ОЗАБОЧЕНЫ СВОЕЙ РЕПУТА-
ЦИЕЙ В НЕМЕНЬШЕЙ СТЕПЕНИ, ЧЕМ ДО-
БЫВАНИЕМ „ХЛЕБА НАСУШНОГО“, И ЧТО
К СВОЕМУ ДОБРОМУ ИМЕНИ НЕБЕЗ-
РАЗЛИЧНО ДАННО ГРОЗНОЕ СУЩЕСТВО,
НАРЕЧЁННОЕ БИБЛИЕЙ „ВОСЬМОЙ
КАЗНЬЮ ЕГИПЕТСКОЙ“ И ЗАСТА-
ВЛЯВШЕЕ КОГДА-ТО /А ВПРОЧЕМ,
ЗАСТАВЛЯЮЩЕЕ И ПО СЕЙ ДЕНЬ/
ТРЕПЕТАТЬ ЦЕЛЫЕ СТРАНЫ И НАРОДЫ...

РЕЦЕПТ ЗИКЁШЕК

Все, кто когда-либо общался с председателем КОАППа, хорошо знают о едва ли не главной черте его незаурядной личности: постоянной, неутолимой и неукротимой жажде активной деятельности на благо современников и будущих поколений. Хотя, учитывая темперамент Кашалота, в данном случае уместнее подобрать к слову “деятельность” более энергичные эпитеты: бурная, кипучая, вулканическая...

Мало ему многочисленных и многоплановых должностных обязанностей, положенных, так сказать, по штату и включающих в себя общее идейное руководство Комитетом Охраны Авторских Прав Природы, регулярное ознакомление с удивительными приспособлениями, которыми она наделила свои творения, а также, по его собственной формулировке, представляющей собой маленький шедевр изящной словесности, “планирование и организацию целенаправленных исследований по рассмотрению реальных возможностей использования инпатентноспособных, то есть претендующих на оформление ино-

КОАПП, КОАПП!

странными патентными службами выдающихся изобретений Природы в науке и технике” (конец цитаты). Кроме того, опять же цитируя его собственное высказывание, “никто не освобождал председателя КОАППа от неусыпной и непрерывной заботы о повседневных нуждах обитателей нашей планеты”. Так вот, мало ему всего этого — за его высоченным, лишенным растительности лбом постоянно роятся идеи новых свершений, большей частью грандиозных, сногшибательных, глобальных... Излишне напоминать, что всякий раз им движут исключительно “души прекрасные порывы”, бескорыстное стремление облегчить жизнь собратьям во Природе. Одна за другой затеваются кампании, призванные облагодетельствовать животное и растительное население...

Однако со времен сотворения мира известно, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным (более поздняя и значительно более краткая формулировка той же истины: вся-

кая инициатива наказуема). Неудивительно поэтому, что немало председательских инициатив приводило к не совсем тем результатам, кои замышлялись, иногда и совсем не к тем, а случалось, даже к прямо противоположным. После одного из подобным образом завершившихся деяний родилась ставшая крылатой фраза, произнесенная Кашалотом с великой горечью: “Вот так всегда — хочешь облегчить жизнь другим, а вместо этого затрудняешь себе”...

Тем приятнее поведать о великолепном председательском замысле, которому суждено было, вопреки всем опасениям, осуществиться без каких-либо материальных и моральных потерь, и даже напротив — с существенными приобретениями.

Истоками нового начинания Кашалота явился очередной (а может, внеочередной) душевный порыв: он решил, что прямой долг КООППа — организовать службу экстренной помощи животным и растениям, попавшим в беду либо просто в затруднительное положение. Общественность всех морей и континентов была широко оповещена о создании при КООППе своего рода “отряда быстрого реагирования”, способного оперативно откликнуться на обращения пострадавших от засухи, землетрясения, наводнения, урагана, вылившейся в море в результате аварии танкера нефти, так назы-

КООПП, КООПП!

ваемого залпового сброса сточных вод на экологически грязном предприятии, начала разработки нового месторождения полезных (для людей) ископаемых, и других стихийных бедствий.

Однако, как ни странно, те, кто откликнулись первыми, обратились в КОАПП за срочной помощью совсем иного рода...

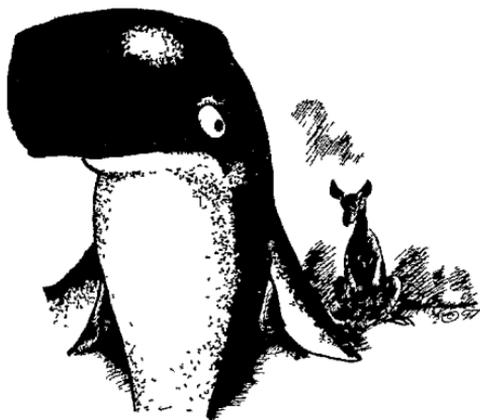
Но расскажем все по порядку.

Действительные члены и члены-корреспонденты КОАППа, как всегда, единодушно поддержали Великий Почин своего горячо любимого председателя. Мартышка проголосовала “за” всеми четырьмя руками (для чего ей пришлось лечь на спину), а Гепард заявил, что не только полностью присоединяется лично, но и берет на себя смелость, опираясь на положительный опыт законодательных собраний людей, отдать вместе со своим голосом голоса своих коллег, как присутствующих — Совы, Рака и Человека, так и отсутствующих — Стрекозы и Удильщика.

Кашалот тут же сообщил причину их отсутствия: они уже отправились в пункты, откуда пришли первые просьбы о помощи. А один из страждущих, добавил он, явился на Большую Поляну собственной персоной.

— Вернее, явилась, — поправился Кашалот. — И мы немедленно ее выслушаем! Но сначала, естественно, я открою заседание: открываю очередное заседание Комитета Охраны Авторских Прав Природы!

Выполнив эту необходимую формальность и подождав, пока птица-Секретарь прокричит свое столь же необходимое “Коапп, коапп!”, он обратился к ней:

— Будьте добры, пригласите сюда Вал... Валла... — Кашалот силился прочесть имя на бумажке, — тут неразборчиво... словом, вон ту молодую особу из Австралии — она буквально умоляла безотлагательно принять ее по неотложному делу.

Все посмотрели в сторону, куда он показал, и действительно увидели молодую особу, довольно симпатичную и напоминавшую уменьшенную копию Кенгуру. Она нерешительно переминалась с ноги на ногу.

— Ну что же вы так робко, — подбодрил ее Гепард, — смелее, мы вас ждем.

— Какая же она Валла? — Сова разглядывала приближавшуюся гостью. — Это же Кенгуру, только росточком не вышла.

КОАПП, КОАПП!

— Извините, уважаемая Сова, — произнесла австралийка приятным мелодичным голосом, — но вы и правы и неправы. Я действительно Кенгуру, потому что я из семейства Кенгуру — не стану же я отречься от своего семейства из-за моих неприятностей, тем более, что и оно от меня, несмотря ни на что, не отрывается... Пока, во всяком случае. Но в то же время я и не Кенгуру.

Кашалот уставился на гостью, затем перевел взгляд на своих коллег:

— Ничего не понимаю: Кенгуру — не Кенгуру... Кто-нибудь что-нибудь понял?

— Я понял, — откликнулся Человек. — Тут нет ничего слож-

ного, дорогой Кашалот: этим привычным для нашего слуха именем, Кенгуру, принято называть только крупных представителей семейства — Лесного Кенгуру, Большого Рыжего Кенгуру, и так далее — всего их двенадцать видов. Самых мелких, ростом с кролика и даже меньше, зовут кенгуровыми крысами. А средних...

— А средних, таких, как я, — подхватила посетительница, — называют Валлаби: древесные валлаби, скальные, когтехвостые, кустарниковые и даже типичные валлаби.

Коапповцы, естественно, поинтересовались, к каким валлаби принадлежит она сама.

— Наверное, к типичным? — предположила Мартышка, не дожидаясь ответа. — Обожаю все типичное!

— Вынуждена вас разочаровать, — извиняющимся тоном сказала Валлаби. — Я не Типичная Валлаби, а Кустарниковая. К тому же с совершенно нетипичной судьбой. Все мои сородичи стараются уйти от всяких проблем и трудностей в кусты. И они по-своему правы. Я тоже всегда так поступала, особенно когда слышала сигнал.

На вопрос, о каком сигнале она говорит, Валлаби пояснила, что имела в виду сигнал по беспроводному телеграфу. Это вызвало у хозяев Большой Поляны живейший интерес. Лишь Рак спросил с язвительной усмешкой:

— Уж не по радио ли, случайно?

— Да нет, какое там радио — мы пользуемся более надежной системой связи: при опасности Кустарниковый Валлаби предупреждает сородичей, барабанив задними ногами по земле. Своего рода тамтам, его сигналы слышны очень далеко.

Гепард кивнул:

— Действительно, беспроводный телеграф — ни малейшего намека на проволоку.

— Но сейчас случай особый, — продолжала гостя. — Речь идет о восстановлении моего доброго имени! От этого не спрячешь-

КОАПП, КОАПП!

ся в кусты. И знаете, я впервые по-настоящему почувствовала, что значит для нас КОАПП. Какое счастье, что есть место, куда можно обратиться в тяжелую минуту, где тебя выслушают, посочувствуют, помогут... Не будь вас, у кого бы я могла искать защиту? Полнейшая безысходность!

— Да что с тобой приключилось-то, болезненная ты моя? — Сова смотрела на Валлаби с жалостью и сочувствием. — Небось, злую напраслину недруги возвели?

Валлаби растерянно развела лапами:

— В том-то и нелепость моего положения, что полной напраслиной это назвать нельзя — что было, то было... Конечно, всего окружающие не видели, но то, что они видели, отрицать невозможно, тем более, что видели это сотни глаз.

— Что же они видели?! — Мартышка прямо-таки дрожала от нетерпения. — Говорите скорее, иначе я умру от любопытства!!

— Да ничего особенного — история самая банальная, а раздули из нее... За мной погналась дикая собака Динго. Будь я налегке, ей бы меня никогда в жизни не догнать! Но в сумке у меня малыш, — он, естественно, стесняет

мои движения, да и вес у него чувствительный, так что, сами понимаете, прыжки получались далеко не рекордные... А Динго все ближе — вот-вот достигнет! И тогда я выхватила из сумки родное дитя, — не останавливаясь, прямо на бегу, — отшвырнула его в сторону и, обретая свободу движений, легко ушла от погони!

Коапповцы оцепенели и несколько мгновений пребывали как бы в столбняке, не в силах уразуметь услышанное. Но это было затишье перед бурей... А затем — шквал осуждающих, возмущенных, гневных, яростных возгласов, слившихся в один обличительный хор, в котором с трудом можно было различить отдельные выкри-

КОАПП, КОАПП!

ки: “Кошмар!!!”; “Какая жестокость!!!”; “И это — мать?!”; “А еще за сочувствием к нам явилась и защитой!”

Выделялся голос Совы, готовой, кажется, вцепиться в гостью из Австралии и растерзать ее на части.

— Супостатка окаянная!! — кричала она, едва не плача. — Чтоб тебя перекосило!!

— Я ждала такой реакции, — печально молвила Валлаби. — Все эти слова, и еще покруче, я слышу дома еже-

дневно. Правда, нашлись и адвокаты...

— Не может быть!!! — буквально завопили все в один голос.

— Еще как может! — и Вал-

лаби процитировала одного из адвокатов, причем изобразила его пародийно, напыщенно вещая, словно лектор с кафедры: — “При оценке данного поступка необходимо сдерживать эмоции. Его следует рассматривать лишь с позиций биологической целесообразности и житейского здравого смысла. Вдумайтесь: перед каким выбором была поставлена Валлаби? Либо погибнуть вместе с малышом, либо сохранить жизнь хотя бы

себе, пусть даже такой ужасной ценой. Сохранить, чтобы в дальнейшем дать жизнь другим валлабяткам, которые в противном случае не появились бы на свет. За что же ее осуждать? Ведь мы не осуждаем ящерицу, когда, спасая свою жизнь, она отбрасывает хвост...”

На этом месте адвокатской речи, которую так выразительно цитировала Валлаби, последовал новый взрыв возмущения коапповцев.

— Вы знаете, — грустно сказала Валлаби, — самым отъявленным моим недоброжелателям не удалось бы принести мне такого вреда, какой причинили эти непрошенные защитники. Они лишь подлили масла в огонь. Как на них все накинудись: “А не бросить ли вас самих на растерзание Динго? Интересно бы послушать, что вы тогда запоете насчет целесообразности!” И бросили бы, если б Динго в тот момент повернулся — до такой степени накалились страсти. И все оттого, что в глазах окружающих мой поступок действительно выглядел злодейским,

— Выглядел?! — рявкнул Кашалот громовым голосом. — Нет, вы только послушайте ее: эта, с позволения сказать, “мать”, отбросившая родное дитя, словно Ящерица хвост, чтобы спасти свою шкуру, осмеливается заявить, что ее поступок лишь выглядел злодейским! А каким же, но-вашему, он был на самом деле? — обратился он к Валлаби, но она вместо ответа повторила вопрос,

КОАПП, КОАПП!

адресовав его почему-то своему животу...
Или сумке на животе:

— Валёк, как ты считаешь, каким мой поступок был на самом деле?

— Умным и хитрым! — услышали все звонкий детский голосок, и из сумки выглянула прелестная мордашка с лукавыми глазенками.

— Батюшки! — всплеснула крыльями Сова, — а в сумке-то у ей, оказывается, детеныш!

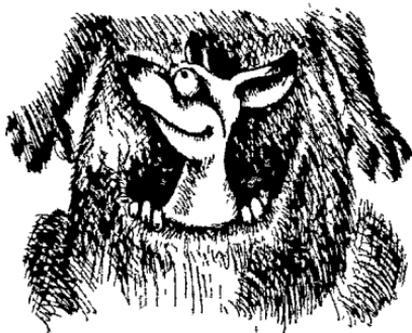
Мартышка первой оправилась от шока, вызванного этим неожиданным открытием, и кинулась к Валлаби.

— Ну-ка, покажись, — приговаривала она, помогая малышу выбраться из сумки (так ей, во всяком случае, казалось — без ее помощи он бы выбрался быстрее). — Ой, какой кенгуреночек! То есть, воллабёночек!

— Неужели тот самый? — по тону, каким был задан вопрос, чувствовалось, что Рак в этом сильно сомневается.

— А какой же еще? — искренне удивился мальчуган. — Вы что, не верите?

— Не знаю, как Рак, а лично я верю каждому твоему слову, — успокоил его Гепард. — Но как же ты спасся?

— Обыкновенно — как все валлабята в таких случаях спасаются. Мама ведь меня кинула не куда попало, а к упавшему дереву. Она специально такой путь выбрала, убегая от Динго, чтобы мимо этого дерева проскочить — мама его заранее присмотрела, на всякий случай: в нем небольшое дупло, я в него сразу юрк — и затаился. А мама меня потом разыскала — она в наших местах каждый кустик знает, каждую травинку.

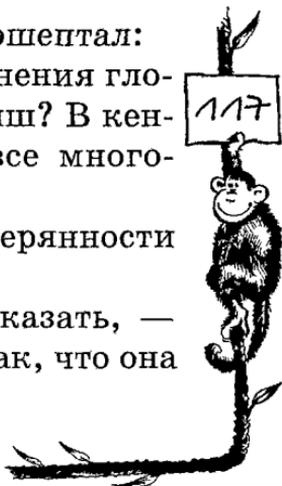
Рак подполз к Кашалоту и прошептал:

— И хочется ему верить, и сомнения гложут — а тот ли это все-таки малыш? В кенгуровом семействе, я слышал, все многодетные.

Председатель КОАППа в растерянности уставился на воллабёнка:

— Хм,... даже не знаю, что сказать, — пробормотал он. — Вы думаете, Рак, что она могла этого выдать за того?

КОАПП, КОАПП!

— Не исключено! — Мартышка придвинулась к председательскому уху и тихо произнесла: — Возможно также, что она подучила сыночка, как отвечать взрослым, если станут спрашивать. — И понизив голос до такой степени, что ее уже почти не слышал даже Кашалот, добавила: — В самом деле, где у нас гарантия, что мальчик говорит правду?

— Увы, ее нет... — неожиданно сказала Валлаби.

Мартышка смутилась. Она начала было уверять, что гостья ослышалась, но та ее перебила:

— Пожалуйста, не надо — у меня отличный слух. Да вы не оправдывайтесь — я не обижаюсь. Вы правы. И окружающие правы — почему они должны верить мне на́ слово? Как я швырнула Валёчка во время погони, видели многие, а как я потом к нему вернулась, не видел никто...

— И как мама спасла меня от Лисы и Орла, тоже никто не видел, — поддержал ее Валёк. — А жаль...

— Ты ошибаешься, малыш, — подал вдруг голос Человек, — невольными свидетелями в обоих случаях оказались люди.

— Ой, правда? — валлабёнок прямо-таки сиял от гордости. — Мамочка, можно я расскажу им про эти случаи?

— Ладно, только ты не очень преувеличивай мои подвиги.

— Постараюсь. Ну вот, слушайте, — обернулся он к коапповцам. — Мама иногда выпускает меня из сумки поиграть, поразмяться, пощипать травку, и вот я гуляю, а тут Лиса меня подстерегла... Хвать! — и понесла. Я закричал, мама кинулась вдогонку — и отбила меня у Лисы! Это первый случай. Мама говорит, что в прежние времена он был бы невозможен, потому что лисы у нас в Австралии раньше не водились, их люди завезли. А второй случай был такой: на меня спикировал Орел, а мама ка-ак прыгнет ему наперерез и задними ногами ка-ак даст ему — прямо в воздухе, во время прыжка! А удар у мамули — ой-ей-ей! Орел даже перевернулся, чуть на землю

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

не упал — и тут же наутек... Теперь, когда мимо пролетает, в нашу сторону даже не глядит, — закончил он свой рассказ под одобрительный смех коапповцев. — Во какая у меня мама!

Кашалот был растроган до глубины души.

— У тебя замечательная мама, Валёк, — храбрая и самоотверженная! — он погладил мальчика по головке. — Дорогая Валлаби, примите мои извинения — мы тут вам такого наговорили...

Все наперебой стали просить прощения (вернее, все, кроме Человека — он-то ни на секунду не усомнился в преданности Валлаби своему материнскому долгу).

Выслушав покаянные речи коапповцев, Валлаби махнула лапой: — Да что теперь об этом вспоминать — кто старое помянет...

Кашалот встал во весь свой великолепный рост и торжественно провозгласил:

— Нет, мы должны и будем вспоминать, и пусть этот прискорбный эпизод служит нам постоянным укором и напоминает о том, что нельзя быть легковерным, но нельзя впадать и в другую крайность — подозревать всех и каждого в неблаговидных поступках! Обещаю вам употребить все свое влияние, весь свой авторитет, чтобы восстановить ваше доброе имя в глазах окружающих. Поручительство председателя КОАППа чего-нибудь да стоит!

Валлаби прижала лапы к сердцу:

— Я вам так благодарна! Что может быть дороже доброго имени? Никто теперь не посмеет не то что бросить мне в лицо, а даже подумать, будто я способна покинуть в беде моего ненаглядного Валёчка... — и она начала тискать и целовать сына, приговаривая: — Да как бы я без него жила, без

КОАПП, КОАПП!

такого ушастенького, пушистенького, хвостатенького, без такого длинноногого озорника!

Валёк заливался смехом, а мама все тормозила и прижимала его к себе:

— Да я бы предпочла погибнуть вместе с ним! Нет, лучше вместе жить, правда, сыночка?

— До ста пятидесяти лет! — радостно выпалил Валёк.

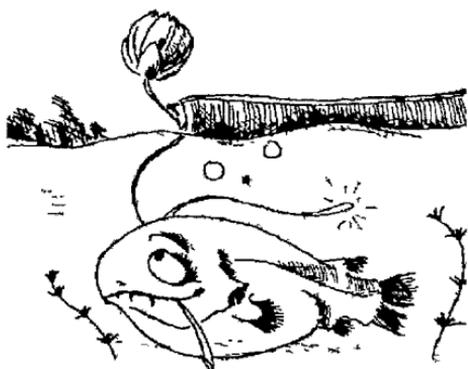
— Ну, полезай в сумку, мы отправляемся домой.

Мама и сын тепло попрощались с хозяевами, малыш забрался в сумку, и Валлаби запрыгала вдоль берега коапповского озера, направляясь к выходу с Большой Поляны.

— Всего хорошего! Счастливого пути! — неслось им вслед.

Гостья преодолела уже порядочное расстояние, но вдруг остановилась, обернулась и крикнула:

— Да, извините, пожалуйста, Валёчек интересуется, что это за гигантская красавица-кувшинка в вашем озере, мы ее только что заметили. Мне тоже любопытно — у нас в Австралии таких нет.

Рак изумленно выпучил глаза:

— О чем она говорит? У нас тоже нет никакой гигантской кувши... — тут он осекся, потому что, взглянув на озеро, увидел круглый лист невероятных размеров и рядом огромный цветок необыкновенной красоты. Заметили гигантскую кувшинку и все его коллеги.

— Я знаю эту кувшинку, — сказал Человек и крикнул Валлаби: — Это Виктория Амазонская, она же Виктория Регия!

— Спасибо! — крикнули в один голос мама и сын и продолжили свой путь.

Все невольно залюбовались гостьей с Амазонки.

— Странно, — произнес наконец Человек, пристально разглядывая ее. — Откуда она взялась? Еще несколько минут назад ее там не было...

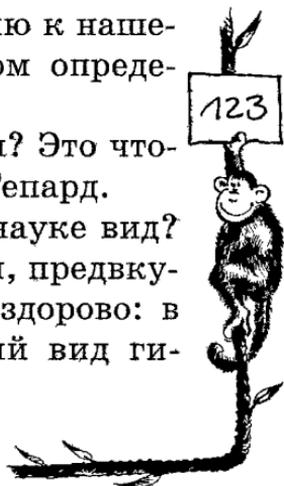
— Вероятно, приплыла, дорогой Человек, — предположила Мартышка. — Ой, да она и сейчас плывет!

— Причем явно по направлению к нашему берегу, — наметанным глазом определил Кашалот,

— Самоходная Виктория Регия? Это что-то новое в ботанике, — заметил Гепард.

— Может быть, неизвестный науке вид? — Мартышка потерла ладошками, предвкушая сенсацию. — Вот было бы здорово: в коапповском озере открыт новый вид гигантской кувшинки!

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— Какой там новый вид, — проворчал Рак, — просто кто-то тащит ее на буксире.

— На удочке, — поправила Сова. — Удильщик наш ее тащит. Сам-то под водой плывет, думает, никто его не видит...

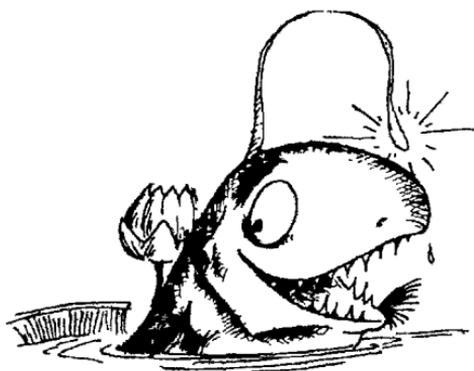
В этот момент Удильщик вынырнул и провозгласил тоном диктора, читающего рекламное объявление:

— Буксировка — лучший способ доставки посетителей в КОАПП водным путем! Правда, в данном случае мне пришлось еще и помочь Виктории Регии, так сказать, сняться с якоря, то есть откопать на дне ее корневище и освободить его от налипшего ила. Зато Виктория впервые в истории обрела способность к свободному плаванию!

Гепард галантно поклонился и промурлыкал медоточивым голосом:

— Какое счастье и какая честь для нас, что первый свой дружественный визит королева кувшинок нанесла в КОАПП, благодаря чему мы испытали ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение!

Кашалот, видимо, решил не отставать и выдал следующую витиеватую тираду:

— Со времен сотворения КОАППа никогда еще наше озеро не украшала столь восхитительная, обворожительная, очаровательная гостья!

Остальные коапповцы поддержали своего председателя восторженными репликами в том же духе.

Реакция Виктории Регины на все эти излияния была весьма неожиданной и крайне озадачила хозяев Большой Поляны.

— Ну вот, и здесь то же самое! — простонала она. — Стоило плыть в такую даль...

Удильщик поспешил вмешаться:

— Коллеги, должен вас предупредить, что наша прелестнейшая... э-э... что наша гостья терпеть не может восторженных излияний по поводу ее изумитель... по поводу ее внешности. Собственно, ее просьба о помощи, на которую вы, наш отзывчивейший из председателей, откликнулись, послав меня на Амазонку, как раз и касалась, вспомните, этого большого для нее вопроса.

— Ах, да-да, — спохватился Кашалот, — она же просила нас в своем письме что-нибудь предпринять, чтобы умерить пыл

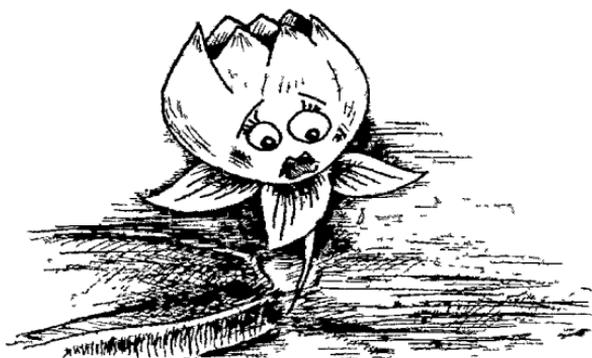

бесчисленных поклонников, восхваляющих ее неотразимое обаяние и несравненную красоту.

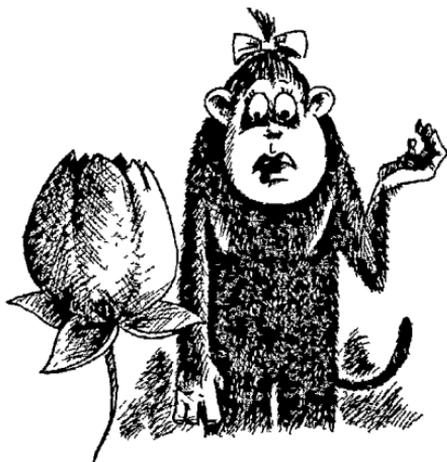
Лицо Мартышки выразило величайшее недоумение.

— Но почему, милая Виктория Регия, почему это вас так задевает? Я просто не в состоянии этого понять! На вашем месте меня задевало бы обратное...

— Вы говорите так потому, что не были на моем месте, — отвечала гостья с Амазонки. — Все видят во мне лишь красавицу и не желают замечать, что я еще и личность — творческая, технически одаренная, ищущая... Вероятно, считают, что раз у меня есть привлекательная внешность, ничего другого у меня быть уже не может, что я для этого слишком мелко плаваю. Да, я живу на мелководье, в илистой заводи с глубиной не больше двух метров — ну и что? Разве это мешало когда-нибудь рождению глубоких инженерных идей? Особенно

бионических. А вот была бы я дурнушкой — сразу разглядели бы и поощрили мою изобретательность, техническую сметку, умение находить оригинальные бионические решения...

— Но, дорогая Виктория Регия... — начал было Кашалот, однако она не дала ему договорить:

— Не спорьте — кому это знать, как не мне? Я даже примерно догадываюсь, о чем думаете, кто любуется моим цветком: “Чем может быть занята эта хорошенькая головка? Уж наверно не техническими проблемами! Каким ароматом сегодня благоухать поизысканней, в какой цвет выкрасить лепестки, чтобы поразить воображение... Сегодня они белоснежные? Прекрасно — завтра пусть будут нежно-розовыми, а послезавтра, перед тем, как скрыться под водой до следующего года — ярко-пурпурными...” И невдомек им, что цвет лепестков занимает меня меньше всего, — я его меняю машинально, потому что как раз в эту минуту размышляю над чисто технической проблемой: как увеличить диаметр цветка на два и семь десятых сантиметра.

Почему именно на два и семь десятых? — Виктория Регия задала вопрос, который явно читался на лицах ее слушателей, хотя никто не решился произнести его вслух. — Но это же так очевидно! Сейчас диаметр моего цветка — тридцать семь и три десятых сантиметра. Если бы мне удалось увеличить его на два и семь десятых сантиметра, диаметр цветка стал бы равным сроку сантиметрам. А диаметр моего листа — два метра, то есть в пять раз больше!

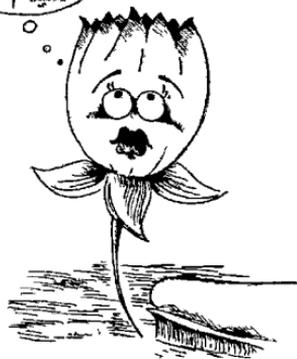
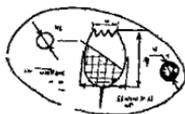
— Понятно, — сказал Рак. — Вам нравятся круглые цифры.

— Мне нравится соразмерность деталей. В еще большей степени она нравится технике и Природе — без соразмерности деталей или органов и тут и там наступил бы хаос. Отсюда и любовь моя к круглым цифрам.

— И лист-то у тебя круглый, — умилилась Сова, — будто на станке огромном выточили. Ровнехонько эдак, вместе с бортиком по краю.

Реплика Совы очень обрадовала Викторию Регию.

— Вот-вот-вот! — она одобрительно закива-

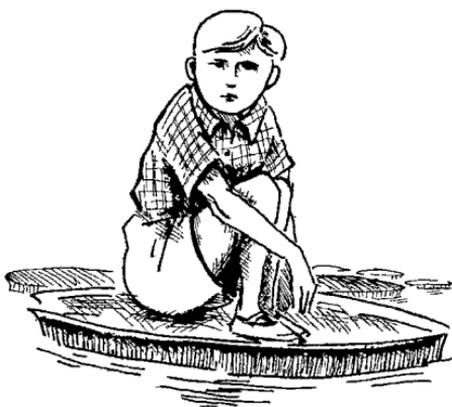

ла цветком. — Видите, какие замечательные мысли возникают у вас при взгляде на мой лист! О технике, о станке — очевидно, о карусельном станке. Чрезвычайно полезные мысли — в отличие от тех, что возникают у людей...

— А какие мысли возникают у людей? — немедленно спросила Мартышка.

— Даже не мысли, а мысль — одна-единственная, причем невероятно примитивная:

“Удержит ли этот круглый зеленый плотик моего драгоценного отпрыска?” Тут же ставят или сажают его на лист. Удержал. И что? Ничего!

— А что должно быть? — Удильщик был так заинтригован, что задал

этот вопрос не только устно, но и, можно сказать, письменно — фонариком на конце своей удочки он произвольно написал его в воздухе.

— Что должно быть? — повторила Виктория Регия. — Задуматься надо — вот что должно быть! Как удержал? За счет чего? Ну, большая плавучесть листа обеспечивается специальными воздушными камерами — тут вроде бы все ясно. Но ведь это все-таки не

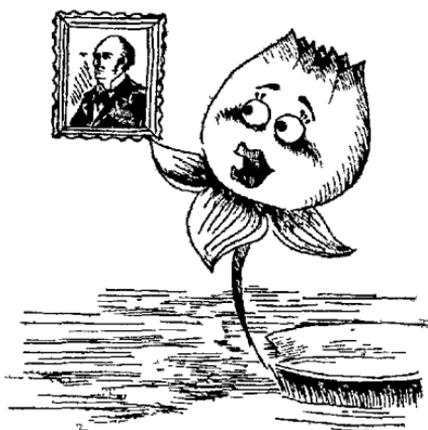

КОАПП, КОАПП!

плот из бревен, а нежный лист! А отпрыск, — безразлично, мальчик или девочка, — как правило, акселерат, полцентнера весит, не меньше. Как же лист не прогнется под его тяжестью? Что придает мягкому листу жесткость и прочность бревенчатого плота с настилом? А вот что...

— Подождите, не говорите! — в один голос закричали Кашалот и его сослуживцы по КОАППу, потому что как-то незаметно для себя оказались втянутыми в решение увлекательнейшей технической головоломки. Однако все их потуги оказались тщетными, и они нехотя признали свое поражение: найти решение самостоятельно им не удалось...

— Не огорчайтесь, — утешила их Виктория Регия, — нам, чтобы решить эту задачу, понадобились миллионы лет. Вы, по крайней мере, проявили к ней интерес. А вот среди людей за полтора с лишним века, прошедшие с того дня, когда посланцы цивилизованного мира впервые познакомились с гигантскими кувшинками с Амазонки, лишь один заинтересовался секретом прочности наших листьев.

— Вы, конечно, имеете в виду архитектора Джозефа Пакстона, построившего в Лондоне в середине прошлого века знаменитый Хрустальный дворец? — вставил Человек.

— Разумеется! Не знаю, известно ли вам, уважаемый Человек, что Джозеф Пакстон был не только архитектором, но и садоводом-любителем...

С удовлетворением узнав, что данный факт Человеку известен, гостья с Амазонки заявила:

— Возможно, это и помогло ему обнаружить у нас инженерную жилку — и даже не одну, а триста восемьдесят четыре.

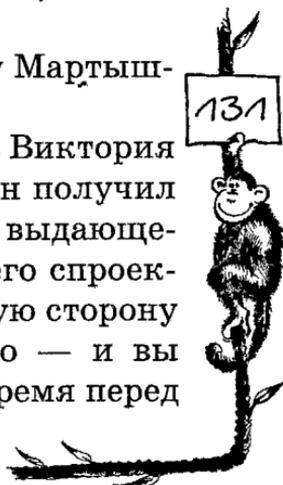
— Триста восемьдесят четыре инженерных жилки! — с изумлением повторяли коапповцы, а дотошный Удильщик попросил уточнить, у какого количества викторий регий столько инженерных жилок.

— У одной, — был ответ. — Дело в том, что... Впрочем, это легко понять, если взглянуть, вслед за Джозефом Пакстоном, на оборотную сторону...

— Медали, — закончила фразу Мартышка.

— Какой медали? — удивилась Виктория Регия. — Медаль Джозеф Пакстон получил уже после того, как построил свое выдающееся сооружение. Но прежде чем его спроектировать, он взглянул на оборотную сторону моего листа. Переверните же его — и вы увидите то, что предстало в свое время перед

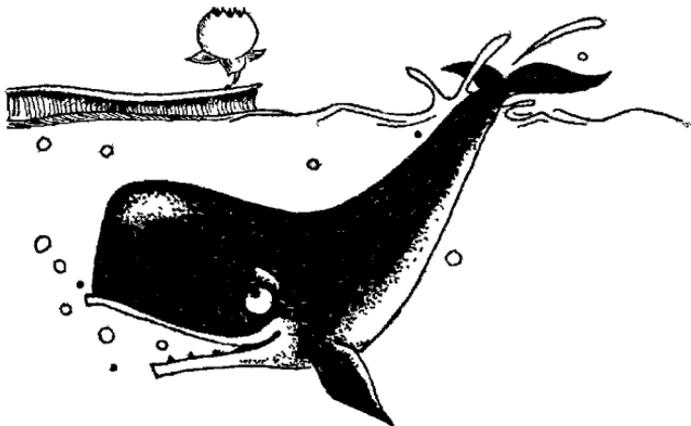
КОАПП, КОАПП!

взором одного из пионеров архитектурной бионики...

Кашалот тотчас спустился в озеро и выполнил повеление королевы кувшинок, получившей, кстати, имя в честь английской королевы Виктории (правда, когда 1 января 1837 года первооткрыватель царственной кувшинки Ричард Шомбург нарек ее этим именем, юная Виктория была еще только наследницей английского престола, но она заняла его в июне того же года).

Стоило председателю, действительным членам и членам-корреспондентам КОАППа взглянуть на “изнанку” листа — и они не смогли сдержать вздох восхищения. Перед ними был огромный светло-фиолетовый диск, напоминавший старинный круглый витраж. Он был покрыт сеткой мощных жилок, образующих четкий, очень графичный рисунок. Однако Человек обратил внимание коапповцев на то, что

этот рисунок красив красотой не только эстетической, но и технической.

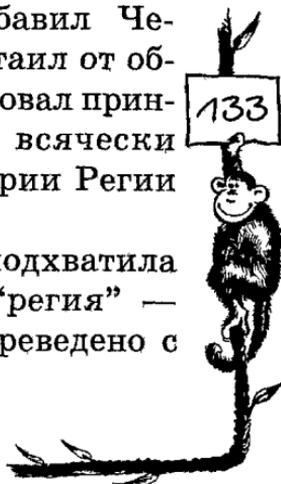
Виктории Регии замечание Человека очень понравилось.

— Вы абсолютно правы, — подтвердила она, — именно эту сторону Пакстон оценил в первую очередь! Он понял, что секрет прочности листа в его жилках: они расходятся из центра двенадцатью лучами, и каждая разветвляется пять раз. Легко подсчитать, что до края листа доходит уже триста восемьдесят четыре жилки — в тридцать два раза больше, чем в центре, где они начали свой путь. Оставалось лишь приспособить эту идею к строительной практике, и Пакстон справился с этим блестяще: проектируя Хрустальный дворец, он использовал тот же принцип, заменив, естественно, жилки балками, — и добился небывалой легкости, ажурности, воздушности сооружения в сочетании с его прочностью и устойчивостью. Это была победа — “виктория” по-латыни!

— К чести архитектора, — добавил Человек, — Пакстон не только не утаил от общественности, у кого он позаимствовал принцип конструкции, а напротив, всячески афишировал причастность Виктории Регии к проекту Хрустального дворца.

— И не символично ли, — подхватила Виктория Регия, — что слово “регия” — “царственная” — может быть переведено с латыни и словом “дворец”!

КОАПП, КОАПП!

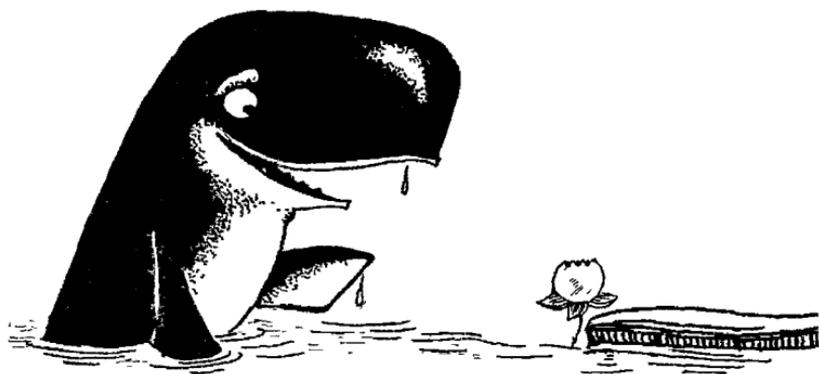

КОАПП, КОАПП!

То, что председатель КОАППа услышал от прекрасной жительницы Амазонки, и то, что он увидел на нижней стороне ее листа, внезапно натолкнуло его на плодотворную мысль. Об этом свидетельствовал лихорадочный блеск глаз — верный признак того, что Кашалота осенила новая идея.

— Дорогая Виктория Регия, — произнес он проникновенно, возвращая лист в прежнее положение, — только сейчас я по-настоящему осознал, насколько веские у вас основания обижаться на тех, кто обращает внимание лишь на эстетическую сторону вашей внешности. И еще я понял, что ваше место здесь! Да-да, именно здесь, — повторил он под одобрительные возгласы коллег, — в КОАППе, организации, которая занимается бионикой, оформляет патенты на изобретения Природы — а их у вас наверняка еще немало...

— В этом не может быть не малейшего сомнения, наш проницательнейший из пред-

седателей! — поддакнул Удильщик. — И если прибуksированная мною изобретательница согласится осчастливить нас, оставшись в коапповском озере, я готов поклясться своей удочкой и даже присягнуть на ней, что впредь все мы будем восхвалять и прославлять исключительно ее техническую красоту!

— И никакую другую! — торжественно заверила Мартышка.

— Что ж, на таких условиях я готова остаться... Да, — спохватилась Виктория Регия, — а посетители? Ведь у вас, наверное, бывает множество посетителей...

— Великое множество, — подтвердил Гепард. — Но сколько бы их ни было, мы каждого, персонально, будем строго предупреждать, чтобы он воздерживался от всяческих “ахов” и “охов” в ваш адрес, а тем более от изысканных комплиментов.

Новоиспеченная жительница коапповского озера удовлетворенно кивнула цветком, но добавила:

— Я вас также очень попрошу удерживать их и от витиеватых пошлостей — вро-

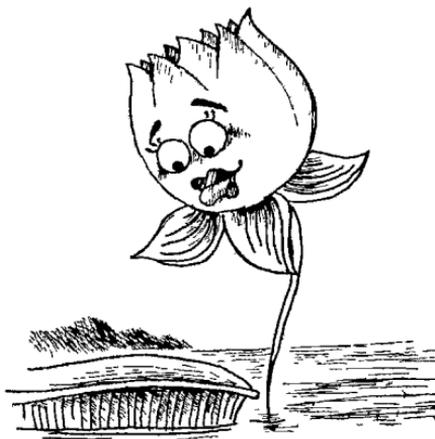

де той, которую мне довелось недавно услышать от одного субъекта: “Когда я вижу это чудо растительного царства, меня охватывает благоговение перед мудростью Природы, и на душе становится теплее!” От такого вопиющего технического невежества у меня просто лепестки осыпаются! Интересно, как это на душе может стать теплее? Прежде всего, где это конкретно — на душе? И каким образом в том месте повышается температура? Там что, нагревательный элемент? А кто установил, что там теплее —

хотя бы без термометра, по физическому ощущению? Чего только не ляпнут ради красного словца... Вот когда я говорю, что в моем цветке теплее — это уже не безответственная болтовня красная и не поэтическая метафора, а непреложный

технический факт, неоднократно подтвержденный прямыми измерениями, показавшими, что температура внутри моего цветка на одиннадцать градусов выше температуры окружающего воздуха. И всякий, кто захочет, сможет в этом убедиться.

Захотела, разумеется, Мартышка, — и немед-

ленно! По ее просьбе Кашалот усадил ее на лист Виктории Регии. Мартышка тут же сунула руку в цветок и радостно сообщила, что внутри него действительно тепло, после чего Кашалот перенес ее обратно на берег.

— А можно мне? — прозвучал вдруг знакомый детский голосок. Все обернулись и с удивлением увидели приближавшуюся Валлаби с валлабенком в сумке, из которой он тотчас же вылез.

Коапповцы подумали было, что гости из Австралии что-нибудь забыли и вернулись за оставленным. Но оказалось, что ничего они не оставляли, а вернуться уговорил маму Валёк. Уж очень

ему хотелось получше рассмотреть удивительную кувшинку — она настолько поразила его воображение, что, по словам мамы, только и разговоров было по дороге, что о ней...

— Он вообще цветами увлекается. А если честно, то и я тоже, — призналась Валлаби. — Наверное, ужасно бесцеремонно с нашей

137

КОАПП, КОАПП!

стороны снова вторгаться сюда — вам же работать надо...

— Ерунда! — успокоил ее Кашалот. — То есть, работать, конечно, надо, но...

— Но и удовлетворить любознательность мальчика тоже надо, — закончила за него Виктория Регия. — Как знать, быть может, он будущий бионик... а, Валёк? Хочешь стать биоником?

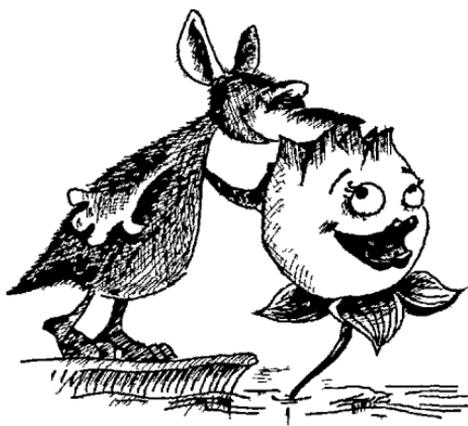
— Конечно, хочу! — выпалил валлабёнок. — А что это такое?

— Прыгай сюда, на мой лист, я тебе объясню. Допрыгнешь?

— А то как же!
— Валёк прыгнул, благополучно приземлился (если можно так сказать о мягкой посадке на лист) и тут же, забыв о загадочном

слове “бионик” и вообще обо всем на свете, потянулся к цветку. Уткнувшись в него носом, он блаженно зажмурился и стал с наслаждением вдыхать его аромат. Затем, оторвавшись на мгновение, крикнул: — Мамочка, он так пахнет, так пахнет — всю бы жизнь нюхал!

— Всю жизнь? — гигантская кувшинка расмеялась. — Боюсь, это однообразное занятие

очень быстро тебе надоело бы. Если, конечно, только нюхать. А вот если к приятному запаху прибавить чего-нибудь вкусенького... Совсем другое дело, верно? Сейчас я тебя кое-чем угощу. Не возражаешь?

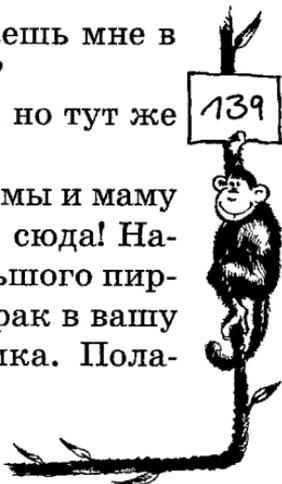
Валёк не возражал.

— Вот и отлично. А ты поможешь мне в одном очень важном деле. Идет?

— Идет! — согласился малыш, но тут же спохватился: — А как же мама?

— Что за вопрос — конечно же, мы и маму угостим. Валлаби, прыгайте и вы сюда! Надеюсь, вы не откажитесь от небольшого пиршества? Считайте, что я даю завтрак в вашу честь и в честь вашего наследника. Полагаю, я имею на это право?

КОАПП, КОАПП!

Валлаби не заставила себя долго упрашивать — ее ответом был прыжок на тот же круглый зеленый “плот”, где уже совсем освоился ее ненаглядный Валёк.

Коапповцам, естественно, было крайне любопытно, как будет выглядеть завтрак в честь Валлаби и ее сынишки и какие яства на нем будут подаваться. Они сгрудились на берегу озера напротив “стоянки” Виктории Регии, и внимание их было настолько поглощено происходящим на ее “борту”, что они не услышали приближающегося треска крыльев и обернулись лишь тогда, когда до них донесся чей-то хриплый голос:

— Угощают кого-то... Везет же некоторым!
— и вслед за ним другой голос, на этот раз хорошо знакомый:

— Разве о еде вам надо сейчас думать?

К собравшимся на берегу подлетали двое: Стрекоза и с нею какая-то незнакомка. ..

— Милый Кашалот! — радостно закричала Стрекоза, — посмотрите, кого я привела! Угадайте — кто это?

— Тут и угадывать нечего: Кузнечик.

— Хм, — хмыкнула незнакомка. — Во дает! Мартышка уставилась на нее широко открытыми глазами. В них был ужас.

— Какой же это Кузнечик?! — завопила она так, что все вздрогнули. — У Кузнечика усы намного длиннее... А это.., это — страшно вымолвить — Саранча!

Не успели ее коллеги осознать грозный смысл этого известия, как Стрекоза таким же радостным тоном сообщила:

— Она мечтает поселиться на нашей поляне.

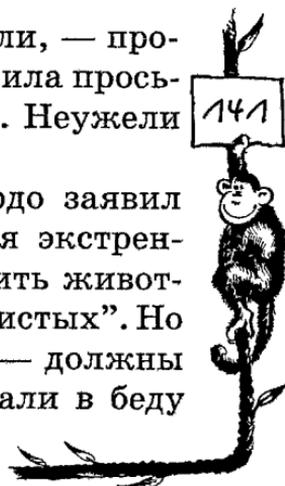
— Что-о?! — Рак покрутил клешней у головы. — Вы в своем уме? Ну, Стрекоза, спасибо, — хорошенькую услугу оказали вы КОАППу, нечего сказать... Только Саранчи нам здесь не хватает!

Стрекоза растерялась.

— Но меня ведь к ней направили, — пролепетала она. — От нее же поступила просьба о помощи — одна из первых... Неужели мы откажем ей в помощи?

— Ни в коем случае! — твердо заявил Кашалот. — Когда дело касается экстренной помощи, мы не в праве делить животное население на “чистых” и “нечистых”. Но вы, — повернулся он к Саранче, — должны доказать, что действительно попали в беду

КОАПП, КОАПП!

или, по меньшей мере, в затруднительное положение.

— И докажу, и расскажу, и покажу, не сомневайтесь, — заверила Саранча. — Потому что положение у меня — хоть ложись и помирай. Кончились золотые наши денечки — со всех сторон обложили нас люди: самолеты против саранчи посылают, за стаями нашими со спутников следят, розовых скворцов на нас напускают, а у них аппетит на саранчу — жуть! Мух-саранчедок собираются разводить —

личинки этих мух саранчой питаются. Теперь надумали взять нас измором, причем как! Наши законы против нас же хотят обратить!

— У вас есть законы? — Гепард вложил в свой вопрос изрядную долю сарказма. Но Саранча, нимало не смутившись, ответила:

— А как же — законы саранчовой стаи! Смотрите — что у меня тут, на брюшке, по бокам первого сегмента?

Коапповцы посмотрели на указанное место и обнаружили там органы слуха: слуховые отверстия, барабанные перепонки — все как полагается.

Местонахождение органов слуха очень развеселило Сову.

— Это ж надо такое учудить — уши разместить на брюшке!

— А где же им быть? — искренне удивилась Саранча. — Брюшко для Саранчи — самое дорогое, святое, можно сказать. Потому что нет в нашей жизни дела важнее, чем набить брюшко. А уши для чего нам даны, как думаете?

— Видимо, чтобы прислушиваться к урчанию в брюшке? — предположил Гепард.

— Или к собственному чавканью? — вторила ему Мартышка.

— И это тоже, конечно. Ну и, само собой, чтобы парня своего слышать, когда он для тебя на скрипочке играет — бедром с зазубринками по жилке на надкрыльях водит. А еще — чтоб не прозевать, когда стая улетает! А то ведь и от своих недолго отстать. Треск крыльев — это что? Сигнал: всем подняться в воздух и лететь!

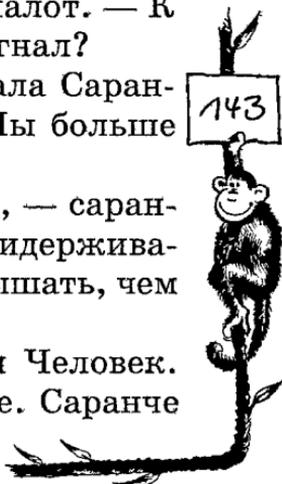
— Но разве и так не видно, когда стая улетает? — недоуменно спросил Кашалот. — К чему же еще какой-то особый сигнал?

— Слух надежнее, — настаивала Саранча. — Глаза могут и обмануть. Мы больше доверяем слуху.

— Выходит, — заметил Гепард, — саранча, наперекор общему мнению, придерживается правила: лучше один раз услышать, чем сто раз увидеть?

— Именно так, — подтвердил Человек. — Мы убедились в этом на опыте. Саранче

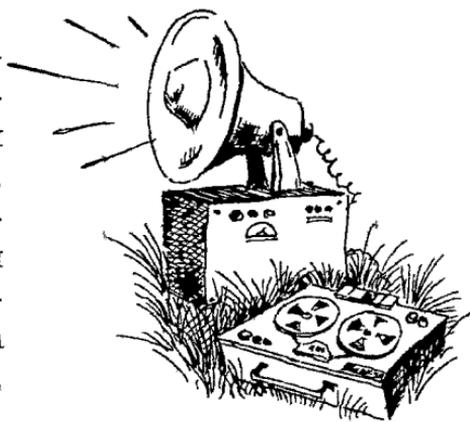
КОАПП, КОАПП!

залепили уши воском, и что же? Вся стая на ее глазах улетела, а она осталась, так как не слышала шума крыльев. Естественно, возникла идея: записать треск крыльев взлетающей саранчи на магнитофонную пленку, и как только стая попытается сесть на поле, передать эту запись через громкоговорители. И так повсюду на пути стаю будет встречать сигнал: “Подняться в воздух!”, пока все члены стаи, так сказать, не протянут от голода ноги. Эти эксперименты проводятся по решению Международной комиссии по борьбе с саранчой.

— Слыхали? — Саранча горько усмехнулась. — А вы требуете — докажи, мол, что в беду попала... Какие вам еще нужны доказательства? — Она тяжело вздохнула. — Вот и крутись, вот и соображай — как дальше жить? Хотя тут уж не о том речь, как жить, тут надо думать, как выжить. Хорошо еще, что Стрекоза мне рассказала — мол, КОАПП этот ваш, куда я за помощью обратилась, занимается бионикой, и объяснила, что это за штука и с чем ее едят. Мать честная, думаю, да я же для биони-

ки находка! Я ведь чувствую, как земля начинает дрожать, когда об этом никто еще и знать не знает, ведать не ведает, ни одна живая душа! Самое что ни на есть ничтожное дрожание ощущаю! Если приютите меня, не дадите погибнуть, — все свои секреты открою! И сделаете вы тогда какой-нибудь прибор...

— Не какой-нибудь, — поправил Человек, — а сейсмограф невиданной чувствительности, который позволит предсказывать землетрясения задолго до того, как оно разразится. Это позволит спасти многие тысячи жизней. Думаю, тот, кто создаст такой прибор, будет удостоен Нобелевской премии.

Перспектива оказаться в числе соавторов чудо-сейсмографа и, быть может, получить за него самую престижную в мире премию показалась председателю КОАППа настолько привлекательной, что он отбросил всякие сомнения.

— Ну, в таком случае, — начал он, однако Мартышка перебила:

— Поступайте как знаете, дорогой Кашалот, но, по-моему, саранча страшнее любого землетрясения! У нас, в Африке, на моих гла-

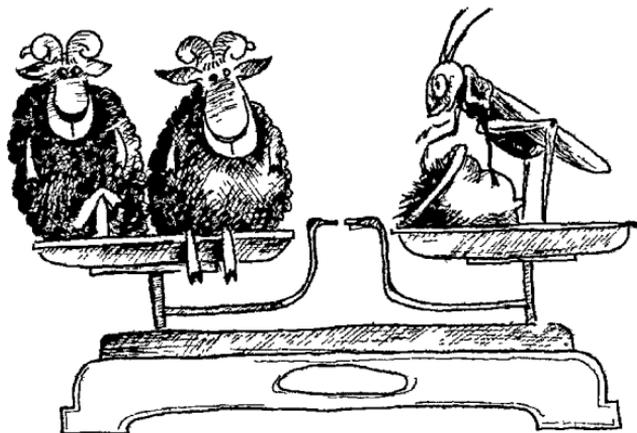
КОАПП, КОАПП!

зах стая саранчи за считанные часы превратила цветущий край в жуткую черную пустыню — ни травинки, ни листочка, ни колоска...

— Так это же стая! — поспешно возразила Саранча. — В ней миллиарды, а то и десятки, даже сотни миллиардов моих сородичей. Бывают стаи — двадцать километров в ширину и больше двухсот километров в длину! Страшная силища, тут спору нет. Но одна-то что я смогу набедокурить? Сколько съем? Триста граммов зелени за всю жизнь...

— Вы-то триста граммов, а ваше потомство? — пробурчал Рак.

Неожиданно заговорила Стрекоза. Неожиданным, собственно, было не то, что она вступила в разговор, а то, что, вопреки обыкновению, сказанное ею было начисто лишено эмоций и содержало лишь голые факты.

— Перед тем, как привести ее сюда, — заявила она деловым тоном, — я навела справки и выяснила, что потомство одной Саранчи съедает за лето столько же, сколько две овцы.

Удильщик что-то быстро прикинул в уме и подытожил:

— По-моему, это вполне терпимо. Уж двух-то овец мы вполне могли бы прокормить безо всякого ущерба для окружающей среды. Значит, прокормим и потомство нашего, так сказать, “живого сейсмографа”, каким бы оно ни было прожорливым...

— Ну уж нет!!! — выкрикнула вдруг Саранча с надрывом и ударила себя лапкой в грудь. — Для вас оно, может, и терпимо, а для меня нестерпимо! Не бывать этому!!!

— Чему? — испуганно спросил Кашалот. — Ничего не понимаю...

— Тут и понимать нечего: пусть жизнь моя пропащая, а вот дети по моей дорожке не пойдут! Не допущу!!!

Сова глянула на нее с сочувствием и как можно мягче сказала:

— Да как же не допустишь, сердешная ты моя? Эдак-то и я могу сказать: пуцай, мол, мои совята, когда вырастут, станут соколами али там, к примеру, райскими птицами... Не серчай на старуху за правду-мат-

КОАПП, КОАПП!

ку, только вот что я тебе доложу: уж коли ты Саранча, так и деткам твоим никем иным не бывать. Желаеть ты того али нет — от тебя это, голубушка, вот ни на столечко не зависит...

Казалось, устами рассудительной Совы глаголет сам Здравый Смысл, однако реакция Саранчи на ее убедительную речь была совершенно неожиданной:

— Еще как зависит!

Коапповцы воззрились на нее, не зная, что и подумать. По виду Саранчи можно было заключить, что свое странное, даже нелепое утверждение она высказала совершенно серьезно. А она продолжала:

— Я сама ведь почему стала Саранчой? Жизнь так распорядилась. И я сама, и одногодки мои

— сестры и братья, появились на свет в самом отвратном месте — мать додумалась яички там отложить, другого места не нашла, а скорее всего, и не искала.

Теснота, скученность, корма на всех не хватает.

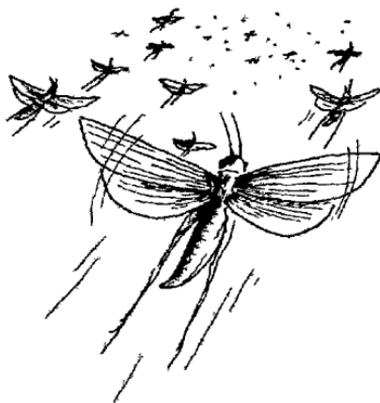
Ну, из-

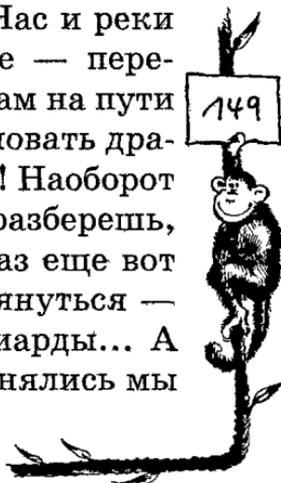
вестное дело, жизнь в таких условиях ангелами не делает — ни взрослых, ни детей. Начали мы, личинки, сбиваться в компании. Кулиги — так они называются.

— А себя вы как именовали? — спросила Мартышка. — Кулиганами?

— Нет — саранчуками. Но песенку про кулиганку я петь любила, — и Саранча залихватски спела куплет из этой песенки: — “Шарабан мой, американка, а я девчонка да кулиганка”... Ну вот, — повествовала она дальше, — двинулись мы всей нашей кулигой куда глаза глядят, а глядели они туда, где было больше зелени. Съели всё в одном месте — пошли дальше. Так и повелось. Шли пешком — крылья были еще недоразвитые. В день по десятку километров проходили. Нас и реки не останавливали, даже широкие — переправлялись. Как-то встретилась нам на пути другая кулига. Ну, думаю, не миновать драки... Смотрю — ничего подобного! Наоборот — обе кулиги слились в одну: не разберешь, кто свой, кто чужак. Потом не раз еще вот так же сливались. Не успели оглянуться — нас уже миллионы, потом миллиарды... А тут как раз и крылья подросли. Снялись мы

КОАПП, КОАПП!

с места и полетели. Один перелет, второй, третий — на десятки километров, на сотни, на тысячи... Даже над океаном отважились пролететь без посадки две с половиной тысячи километров! И сделалась наша кулига, — теперь уже не кулига, а стая, — грозой полей, да что полей — стран и целых континентов!

Но вот однажды, во время одного из наших пиратских налетов увидела я такую картину: на лужайке весело скачет существо — ну прямо как с другой планеты! Чистенькое, светленькое, зелененькое... И спинка выгнута вверх модным таким горбиком. Сравнить нас — день и ночь. Но в то же время чем-то это существо меня напоминает... И вдруг выясняется, что это родная моя сестрица, единокровная — один у нас отец, одна мать, только сестренке моей больше повезло в жизни: следующую порцию яичек после нашей мать отложила на этой просторной лужайке. И так мне стало горько... Эх, мама, мама, думаю, загубила ты судьбу своей доченьки. Что ж ты, мама, поленилась и для нас подыскать такое же райское местечко? Росла бы я на просторе, не вступала бы ни в какие компании, не

сделалась бы летучей разбойницей, а стала бы я такой же, как моя сестреночка — чистенькой, ухоженной, светло-зелененькой... И не моталась бы я по свету, а жила бы на одном месте — тихо, мирно и беззаботно, и звалась бы я не проклятым всеми именем “Саранча”, а добрым и ласковым: “Кобылка”...

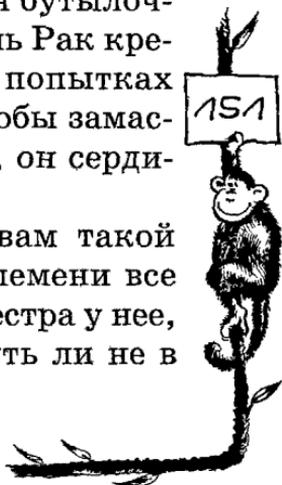

Кашалот всхлипнул, да и коллеги его не остались равнодушными к этой изломанной жизнью трагической судьбе. Гепард нарочито громко откашливался, Сова украдкой смахивала крылом непрошенную слезу, Удильщик нервно теребил свою удочку,

Стрекоза, не стыдясь, рыдала в полный голос. А с Мартышкой вообще сделалась истерика, и ее пришлось отпаивать валерьянкой (благо у Гепарда, как истинного представителя кошачьего семейства, нашлась заветная бутылочка валерьяновой настойки). И лишь Рак крепился изо всех сил в тщетных попытках скрыть, что его тоже проняло. Чтобы замаскировать свои истинные чувства, он сердито бубнил, шевеля усами:

— Верьте ей больше — она вам такой лапши на уши навешает! В их племени все мастера вышибать слезу. Родная сестра у нее, видите ли, в другом сословии, чуть ли не в высшем свете...

КОАПП, КОАПП!

Однако если у кого-то и оставались сомнения насчет правдивости рассказа Саранчи, их полностью рассеял Человек.

— В самом деле, друзья, — сказал он, — Кобылка и Саранча настолько нецохожи, что долгое время зоологи считали их разными видами прямокрылых насекомых, пока замечательный наш энтомолог, то есть специалист по насекомым, Борис Петрович Уваров не доказал, что это две формы одного и того же существа: если личинка растет в тесноте, то есть в близком соседстве, даже в контакте с другими личинками, получается Саранча, а если в просторных условиях — Кобылка. Как видите, здесь тот случай, когда от матери действительно зависит, какими вырастут ее дети.

Председатель КОАППа вдруг принял официальный вид, и всем стало ясно, что он собирается обнародовать какое-то важное решение. Так оно и случилось.

— Я твердо верю, Саранча, — произнес он срывающимся от волнения голосом, — что судьба ваших детей сложится счастливее, чем ваша. Но и для вас с этой минуты начнется новая жизнь: разрешаю вам остаться в КОАППе! Вы будете включены в научно-исследовательскую бионическую группу по разработке сверхчувствительного сейсмографа.

К хору голосов, поздравляющих новоиспеченную сотрудницу новоиспеченной группы,

присоединился и голос Виктории Регии: — Я рада за вас! Что ж, будем вместе трудиться на бионическом поприще.

— Мы с Валёчком тоже поздравляем вас от всей души! — сказала Валлаби. — Кстати, и у него теперь начнется новая жизнь: он всем будет рассказывать, как побывал в гостях у са-

мóй Виктории Регии и... что ты тут делал, сыночек? Ну-ка расскажи дяде Кашалоту и всем коапповцам... Только сначала попрощаемся с нашей гостеприимной хозяйкой.

И не забудь ее поблагодарить.

— До свидания, тетя Вика, спасибо! — выпалил Валёк единым духом и прыгнул с листа на берег.

— И от меня, Викочка, огромное-преогромное спасибо — за себя и за сына. Ты прелесть!

Сова заулыбалась:

— Смотрите-кась — они уже на “ты”.

— Будь счастлива, дорогая, — продолжала щебетать Валлаби. — Рецепт викёшек я записала — сколько белков, жиров, витаминов... Обязательно передам! — Валлаби нежно расцеловалась с Викторией Регией и тоже

153

КОАПП, КОАПП!

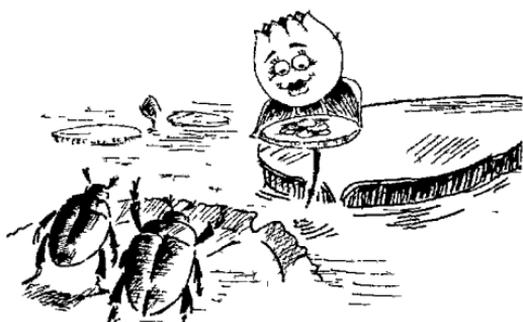

прыгнула на берег, где была с ходу атакована Мартышкой:

— А что это за викёшки? Это блюдо такое, да? Его подавали на завтрак в вашу честь?

— И в честь моего сына, — напомнила Валлаби. — А викёшки — это такие... ну, вроде лепешечек, Викочка выращивает их на своих плодолистиках. Вкусные — объедение! И очень питательные. У себя на Амазонке Вика угощает ими жуков, которые ее опыляют.

— Надо же их как-то отблагодарить... ну и заинтересовать материально, — вмешалась в разговор гигантская кувшинка и стала излагать свои взгляды на

проблему опыления: — Меня недавно растения-соседки принялись высмеивать. “Ну что ты перед ними распинаешься, — говорят, — кормишь их, дармоедов, деликатесами”... Это о жуках-опылителях! Мол, подумаешь, дело — опылить цветок. Ну, я их и отбрила! Во-первых, говорю, всякий труд должен быть вознагражден. Во-вторых, работа опылителя требует знаний, умений и сноровки. Надо знать, когда к ней при-

ступить — чтобы и пыльца имелась в наличии, и пестик был готов ее принять. Нужно суметь эту пыльцу собрать, и необходима сноровка, чтобы перенести ее в нужное место и там оставить. Да, чуть не забыла вам сказать: здесь эту услугу оказал мне...

— Я сам, сам скажу! — перебил Валёк. — Дядя Кашалот, Виктория Региевна попросила меня опылить ее цветок, и я с этим справился!

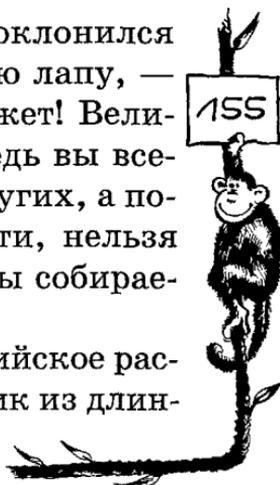
— Блестяще справился, — подчеркнула Виктория Регия, — и честно заработал угощение.

— Молодчина! — похвалил Кашалот. — Достойная растет у нас смена.

— У такой мамы, — Гепард поклонился Валлаби и поцеловал ей переднюю лапу, — недостойных детей и быть не может! Великая вещь — личный пример... Ведь вы всегда думаете в первую очередь о других, а потом уже о себе, не так ли? Кстати, нельзя ли полюбопытствовать — кому вы собираетесь передать рецепт викёшек?

— Дриандре. Это наше австралийское растение — симпатичный такой кустик из длин-

КОАПП, КОАПП!

ных перистых листьев, а у его основания — чаша с нектаром. По краям этой чаши множество красно-оранжевых цветков. Когда пьешь нектар, невольно их опыляешь. Так вот, Дриандра как-то посетовала на однообразие своего угощения для опылителей — а ее опыляют, кроме нас, птицы-медоносы, мелкие сумчатые, крысы... Я спрашиваю: “А что, Дриандрюша, были жалобы?” — “Да нет, — отвечает, — но все-таки, если узнаешь случайно, чем еще потчуют растения своих благодетелей-опылителей, запиши, пожалуйста, рецепт”. Что я и сделала.

— Один-единственный рецепт? — Мартышка засмеялась. — Да я вам сейчас накидаю таких рецептов целую кучу — только успевайте записывать: Африканская Протея специально для полевых мышей, которые ее опыляют, отращивает вокруг соцветия сладкие листочки и ...

Но Сова оборвала ее на полуслове и стала стыдить:

— Что ж ты, Мартышка, гостью записывать заставляешь? Сама бы и записала.

— Да-да, Сова абсолютно права, — поддержал ее Кашалот. — Дорогая Валлаби, интересующие вас рецепты будут немедленно отпечатаны на бланке КОАППа и вручены вам в нашем фирменном конверте.

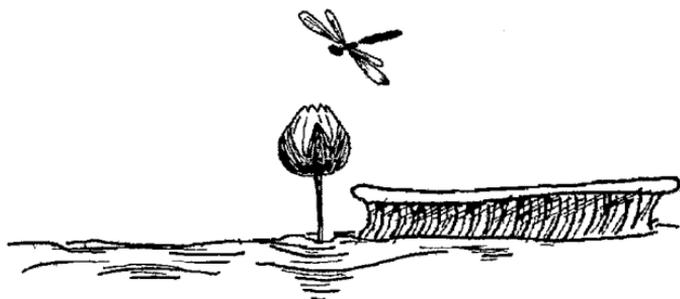
На этой жизнеутверждающей ноте и завершилось заседание КОАППа; на котором, как

уже было сказано, благим замыслам председателя суждено было осуществиться, причем не только без каких-либо потерь, но и с ценными приобретениями, как-то:

1. Коапповское озеро украсило чудеснейшее творение Природы (в отсутствии Виктории Регии об этом можно говорить, что называется, открытым текстом), которое, к тому же, является настоящей плавучей сокровищницей оригинальных технических идей, и...

2. У Кашалота появились вполне реальные шансы получить высшую, самую престижную научную премию.

Приобретения морального плана не станем даже упоминать — они сами собой подразумеваются...

ЗАСЕДАНИЕ,

НА КОТОРОМ РУКОВОДСТВО И РЯДОВЫЕ СОТРУДНИКИ КОАПТА ПЫТАЛИСЬ НАЙТИ РЕШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПО ЗНАЧИМОСТИ ПРОБЛЕМ, САМАЯ АКТУАЛЬНАЯ ИЗ КОТОРЫХ ВОЛНУЕТ НЫНЕ РУКОВОДСТВО И РЯДОВЫХ СОТРУДНИКОВ МНОГИХ ДРУГИХ УЧРЕЖДЕНИЙ: КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ ТАК НАЗЫВАЕМУЮ „УТЕЧКУ МОЗГОВ“; ТО ЕСТЬ ОТЪЕЗД С РОДИНЫ ЦЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПОИСКАХ СНОСНЫХ УСЛОВИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ...

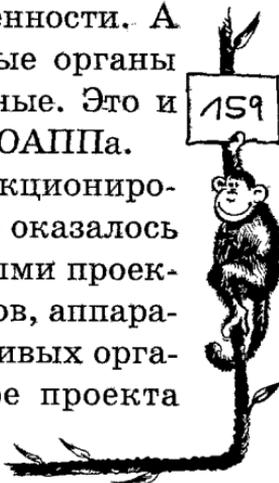
ПОЧЕМУ Я ОСЕЛ

У этого заседания была своя предыстория.

Такое учреждение, как Комитет Охраны Авторских Прав Природы, не могло, естественно, обойтись без хорошо налаженной патентной службы. Она и была создана вскоре после основания КООППа. Кого следует назначить на должность начальника Бюро патентов, Кашалот знал с самого начала. Ему было известно, что среди изобретателей, обращающихся в патентные органы, встречается немало чудаков, одержимых, не совсем нормальных, а то и совсем ненормальных. Общение с ними зачастую сопряжено с большими трудностями и требует от официального лица уравновешенности. А у Рака как раз весьма совершенные органы равновесия — простые и надежные. Это и определило выбор председателя КООППа.

С первых же дней своего функционирования коапповское Бюро патентов оказалось буквально заваленным присланными проектами машин, механизмов, приборов, аппаратов, действующих по принципу живых организмов. Среди них были четыре проекта

КОАПП, КОАПП!

установки для поиска полезных ископаемых по принципу птиц, добывающих корм в прямом смысле из-под земли. Проекты эти пришли в КОАП почти одновременно и были очень похожи, хотя их авторы, юные биологи, жили за сотни, даже за тысячи километров друг от друга и не были знакомы.

Такое не раз уже случалось в истории науки и техники. Двое, а бывало, даже трое и больше ученых или инженеров, живущих порой на разных континентах, совершенно независимо делали одно и то же открытие либо изобретение — нередко в один и тот же день, а то и в один и тот же час!

Иногда это, увы, приводило к взаимным обвинениям в плагиате и к многолетним тяжбам о приоритете...

В данном случае благодаря мудрости председателя КОАПа удалось избежать и того, и другого. Мудрость заключалась в том, что Кашалот принял Соломоново решение: коаповских патентов (разумеется, заверенных личной подписью самого Кашалота и круглой печатью) были удостоены авторы всех четырех проектов. Посколь-

ку каждый из авторов ничего не знал об остальных, он вправе был именно себя считать первооткрывателем идеи. От скольких инфарктов избавили бы люди своих творцов, если бы переняли эту разумную практику!

После оформления упомянутых патентов остался сущий пустяк: воплотить заложенную в них идею в жизнь. И работа закипела! Началась она, как водится, с бесчисленных согласований, совещаний и об-

суждений. Можно считать, что они были весьма эффективны, ибо в результате уже к ноябрю (а проекты пришли в первых числах августа) научно-технический совет КОАППа, возглавляемый, разумеется, Кашалотом, пришел к однозначному выводу: к разработке необходимо привлечь высококвалифицированных специалистов.

Но кого именно? Как раз это и предстояло решить на данном заседании. Однако едва Кашалот его открыл и начал объявлять повестку дня, как тут же был прерван птицей-Секретарем, которая с криком "Коапп!" вручила ему радиogramму от Человека. Пред-

КОАПП, КОАПП!

седатель КОАПШа прочел ее вслух: “ВЫ-ЛЕТ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ СВЯЗИ НЕПРЕДВИДЕННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ЗПТ ПРОШУ ИЗВИНИТЬ ТЧК”.

Приняв это сообщение к сведению, он снова приступил к изложению повестки дня, но успел произнести только: “Уважаемые действительные члены и члены-корреспонденты КОАПШа! На сегодняшнем заседании мы рассмотрим...” — и снова был прерван,

на этот раз Мартышкой. Появившись на Большой Поляне, она еще издали выпалила единым духом:

— Дорогой Кашалот, простите, что перебиваю, но я опоздала... то есть, задержалась по сверхуважительной причине, и у меня сверхсрочная информация!

Понимаете, бегу я на заседание КОАПШа — это еще дома, в Африке, смотрю — огромная толпа птиц, в основном гости...

— Какие гости? — спросил Кашалот, слегка ошарашенный тем, что его вторично прервали на том же самом месте.

Мартышка пояснила, что гостями она име-

нует тех, кто прилетел в Африку зимовать: журавлей, мухоловок, соловьев, перепелок, пеночек, славок...

Она бы еще долго перечисляла, если бы не была остановлена Гепардом, который высказал опасение, что для полного перечня таких птиц не хватит всего заседания.

— То же самое, — заметил он, — можно сказать без подробного перечисления, всего одной фразой: зимой у нас, в Африке, пернатых гостей примерно в шесть раз больше, чем хозяев, местных птиц.

— Так вот, — про-

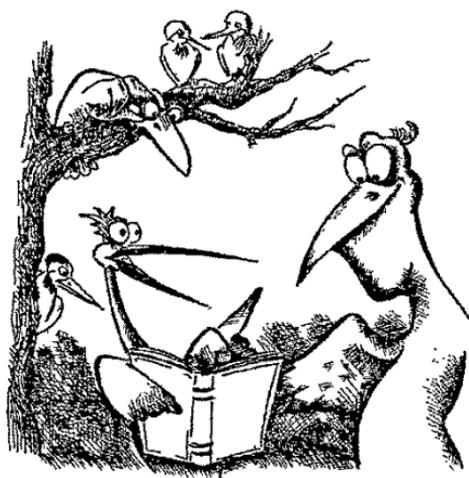
должала Мартышка, — слышу — они о чем-то яростно спорят.

— Вы, конечно, тут же забыли о заседании и побежали узнать, что к чему? — поддел ее Удильщик.

Но Мартышка не поняла сарказма.

— Естественно! — воскликнула она. — Особенно когда увидела ласточек, аистов, кукушек — им ведь дальше лететь, в Южную Африку, а они — тут!

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАПП!

— Стало быть, важная причина, коли задержались, — решила Сова.

— Еще бы не важная: оказалось, что птицы обсуждают только что вышедшую книгу, посвященную охране людей!

— Охране людей?! — коапповцы были озадачены: с чего бы это вдруг вид Гомо сапиенс стал нуждаться в охране? Исчезновение ему, кажется, пока не грозит, хотя сами люди делают для этого все возможное и невозможное...

— Вы уверены, что не ослышались? — недоверчиво спросил Рак.

— Абсолютно уверена! Как раз когда я подбежала, читали вслух предисловие. Мне запомнилась потрясающая фраза: “Если не принять срочных мер, могут серьезно пострадать люди — то есть те, от кого во многом зависит наше благополучие”. И я подумала: разве может наш КОАП остаться в стороне от такой животрепещущей проблемы, как защита людей?

Реакция председателя КОАППа на столь нелепое допущение была немедленной и однозначной:

— Конечно, не может! Вы принесли эту книгу?

Мартышка замахала руками:

— Что вы, ее не достать ни за какие бананы! Мне ее даже в руки не дали, только показали. Но я узнала адрес и привела с собой знаете кого?

Сейчас увидите! — и побежала к кустам, росшим у входа на поляну.

— Небось, в книжном магазине знакомство завела, — предположила Сова (в те времена без такого знакомства невозможно было раздобыть не то что бестселлер, а хотя бы самую обычную книгу).

В это время из-за кустов донесся голос Мартышки, уговаривающий кого-то:

— Ну, миленький, ну, пожалуйста, еще несколько шагов...

— Что там происходит? — удивленно спросил Кашалот.

Гепард взгляделся.

— Редкостное зрелище, — сообщил он, — Мартышка тащит сюда Осла.

— А он-то, сердешный, упирается... — Сова захихикала. — И смех, и грех!

Тем временем голос Мартышки-зазвучал громче:

— Ну, лапочка, ну, умоляю, мы уже почти на месте...

Ей отвечал недовольным тоном мужской бас:

— Все равно я вам тысячу раз повторяю: не я написал, не я, не я, не я!!! — эти повторяющиеся “не я” очень напоминали ослиный рев: “и-а, и-а, и-а, и-а”...

Мартышке все-таки удалось подтащить Осла к коапповцам почти вплотную.

— Дорогой Кашалот, вот автор книги! — представила она. — Только он не сознается, и я его ничуть за это не осуждаю — наверняка все клянчат у него авторские экземпляры, да еще с автографом. А у него их не бесконечное количество... Но уж вам-то, председателю КОАППа, он не откажет, если вы попросите!

Кашалот терпеть не мог кого-либо о чем-либо просить, поскольку был убежден, что это несовместимо с его высоким положением в животном обществе. Но он так был заинтригован, так ему хотелось заполучить на шумевшую книгу об охране людей, что он решил поступиться гордостью.

— Уважаемый Осел,... — но гость не дал ему даже начать фразу.

— Дикий нубийский Осел, с вашего позволения, — пробасил он сердито. — Настолько дикий, что не слышал ни о каком КОАППе. Я вижу, вас это удивляет. А вы поживите в нашей глуши: участок пустыни в самом центре Сахары. Откуда же мне знать, что происходит на свете...

— А перелетные птицы? — в голосе Стрекозы слышалось неподдельное изумление. — Неужели они никогда не говорили вам о КОАППе?

— Перелетные птицы... — с горечью повторил Осел. — Дважды в год я вижу их в небе: осенью они летят из Европы на юг, весной обратно. Напрасно жду я, что кто-нибудь из них

присядет хоть на минутку — даже маленькие трясогузки предпочитают лететь почти двое суток без отдыха, пока не пересекут всю Сахару, лишь бы не останавливаться в наших местах, где они не найдут ничего, кроме изнуряющей жары... Только мы способны обходиться сухими

колючками и солоноватой водой. Вот куда загнали люди остатки нашего некогда многочисленного племени диких нубийских ослов... Но мы не покорились!

Гепард придвинулся к Кашалоту и прошептал:

— Что-то непохоже, чтобы этого длинноухого одолевала нежная забота об охране горячо любимых им людей.

КОАПП, КОАПП!

— Действительно, непохоже, — согласился Кашалот. — Мартышка, откуда вы взяли, что книгу об охране людей написал наш гость?

— Ну как же — я собственными глазами видела ее название крупным шрифтом: “ПОЧЕМУ Я ОСЕЛ”. Кто же еще, по-вашему, мог такое сочинить?

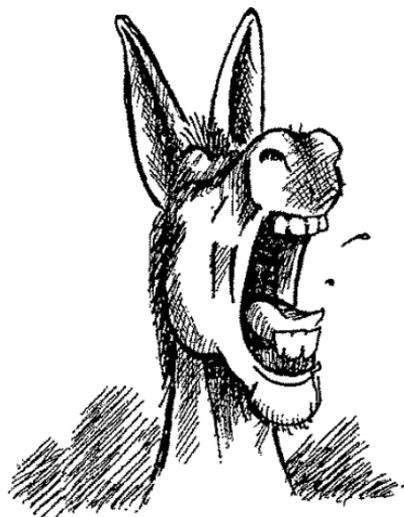
— Как будто нет на свете других ослов, — буркнул гость из Сахары. — Впрочем, у них не больше оснований питать к людям добрые чувства: диких сомалийских ослов загнали в бесплодную каменистую пустыню, их осталось всего лишь несколько сотен, диких азиатских ослов, возможно, совсем уже не осталось...

— А я вам объясню, — настаивала Мартышка, — почему я решила, что автор именно вы: ведь дикие нубийские ослы — родоначальники домашних ослов, разве не так?

— Да, к несчастью, так, — подтвердил Осел с тяжелым вздохом. — Шесть с лишним тысяч лет назад кое-кто из наших предков дал себя приручить, а потом и одомашнить. Их потомки, домашние ослы, спол-

на расплатились за это... Сколько седоков и грузов перевезли они, сколько сооружений помогли строить, подвозя на своих натруженных спинах тяжеленные камни! Египетские пирамиды и знаменитый храм Парфенон в Афинах возведены с их помощью. О, людская неблагодарность! Лошадь одомашнили позже, но ей — отборный овес, душистое сено, чистая вода, теплая конюшня и теплые слова; Ослу, который неприхотливее и выносливее Лошади, Ослу, который почти не болеет и дольше живет,

этому труженику с добрым и веселым нравом — ничего, кроме насмешек и побоев... Вот о чем создал бы я книгу! Но я не умею писать. Зато могу петь, и раз уж меня сюда привели, я спою вам, хотите вы этого или нет!

И длинноухий гость спел ужасно жалостливую “Песню Домашнего Осла”:

И длинноухий гость спел ужасно жалостливую “Песню Домашнего Осла”:

*Ходит-ходит по белому свету
На несчастных ослов клевета —
Что глупее их будто бы нету,
И упрямее вроде бы нету,*

КОАПП, КОАПП!

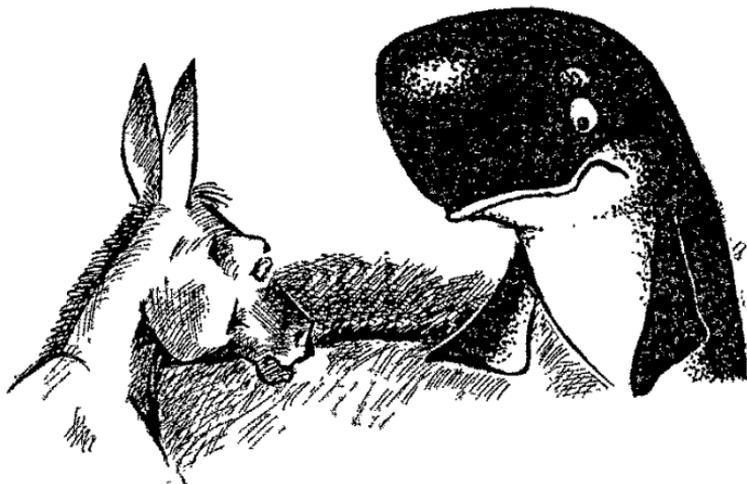
КОАПП, КОАПП!

*И коварнее якобы нету
Средь домашнего скота.
Я стою перед вами на площади,
И никто мне поесть не дает...
Ну скажите, чем хуже я Лошади?
Я же родственник ее!
Ведь когда-то ваш пра-пра-пра-прадед
Был Ослу не хозяин, а друг...
Так подайте же мне, Христа ради,
Из мозолистых ваших рук.*

Над поляной повисла гнетущая тишина,
которую вновь нарушил голос певца:

— Когда я впервые услышал эту песню, сердце мое содрогнулось!

— Мое тоже... — произнес Кашалот, с трудом сдерживая рыдания (сдержать слезы ему было проще, поскольку у кашалотов нет слезных желёз).

— А сердце нашего великодушнейшего из председателей, между прочим, весит полтонны, — прокомментировал Удильщик. — Представляет, как оно содрогнулось от жалости!

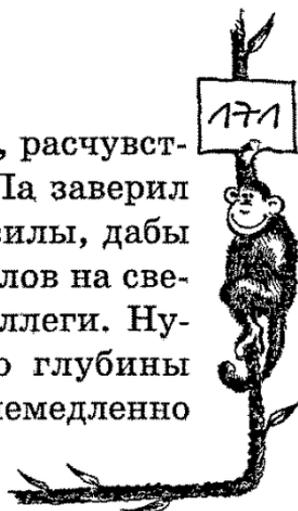
— От жалости?! — вскричал Нубийский Осел. — О, нет, мое сердце содрогнулось от негодования! Как?! Потомок дикого, гордого, свободолюбивого Нубийского Осла стоит с протянутым копытом?! Даже ослиному долготерпению есть предел!

И он снова запел — на этот раз суровую и мужественную “Песню Дикого Осла”:

*Сородичи мои из городов и сел,
Пусть голос вольного собрата
Напомнит вам, что имя славное “Осел”
Произносилось с гордостью когда-то...
Вот почему без дальних слов
Я призываю всех ослов,
Какие только в мире есть:
Давайте постоим,
Все вместе постоим,
Стеною постоим
За нашу честь!*

Как только песня закончилась, расчувствовавшийся председатель КОАППа заверил исполнителя, что приложит все силы, дабы отстоять поправленную честь всех ослов на свете. В том же поклялись и его коллеги. Нубийский Осел был растроган до глубины души и, в свою очередь, обещал немедленно

КОАПП, КОАПП!

сообщить в КОАПП, если узнает, кто сочинил книгу “Почему я Осел” и по какой причине неизвестный автор дал ей такое название, да еще без согласия и даже без ведома ослов. После чего он тепло попрощался с хозяевами Большой Поляны и покинул ее, причем в совсем другом расположении духа, чем в момент прибытия. Еще бы, ведь он только что получил убедительное доказательство того, что есть, оказывается, на свете добрые сердца, которых не оставила равнодушными трагическая участь ослиного племени. Это ли не повод сменить раздраженное настроение на приподнятое!

Мартышка вызвалась проводить гостя до выхода с поляны, а Кашалот вновь вознамерился объявить наконец повестку дня заседания. Это была уже третья попытка, и на этот раз она увенчалась успехом.

— На сегодняшнем заседании, — сказал он, — мы рассмотрим... — тут он сделал паузу и тревожно огляделся, высматривая, не намеревается ли кто-нибудь вновь перебить его, а затем повторил: — ...мы рассмотрим, как и дого-

варивались заранее, кандидатуры специалистов, которых нам надлежит пригласить для практической реализации идеи, заложенной в проектах юных биоников.

— Пернатых специалистов, — уточнил Рак. — Напоминаю, что установка, предлагаемая во всех четырех упомянутых проектах, должна действовать по принципу птицы.

— Напомните также, пожалуйста, суть идеи, — попросил Кашалот. — Ведь некоторые из присутствующих успели основательно ее подзабыть, — пояснил он, имея в виду главным образом себя.

— Идея очень проста, — сказал Рак. — Есть птицы, которые, несмотря на все нынешние

трудности, ухитряются доставать продукты питания буквально из-под земли. Так вот, подобно этим птицам, установка будет втыкать в землю длинный, тонкий и острый, как игла, но в то же время очень прочный “клюв”. На его конце находятся датчики, сигнализирующие, есть ли там, под землей, полезные ископаемые и какие именно. Впрочем, лучше посмотреть чертеж — вот этот... — Рак развернул лист ватмана. — Я его выполнил на основе всех четырех проектов.

КОАПП, КОАПП!

Коапповцы склонились над чертежом. Изображенная на нем машина и в самом деле напоминала птицу с очень длинным и острым клювом. Все взоры с надеждой обратились к Сове, а Стрекоза, выражая общее убеждение, пропищала своим тоненьким голоском:

— Милая Совушка, вы лучше всех нас знаете птиц. Кто из них, по вашему мнению, смог бы помочь нам в создании подобной машины?

— Естественно, эта птица должна быть первоклассным специалистом по разведке и добыче полезных ископаемых, — подчеркнул Удильщик.

— Ну, по ископаемым-то знамо дело, кто больше всех понимает, — сказала Сова, — те, кто из земли червяков да личинок разных вытаскивает.

— Безусловно, дорогая Сова, — согласился Гепард, — с точки зрения птиц это весьма полезные ископаемые. Так кто же они?

— Сей момент сообразим, — Сове и в самом деле понадобилось для этого лишь мгновение.

— Вот кого позвать надо, — объявила она, когда это мгновение прошло, — куликов!

— Куликов? — переспросил Кашалот.

— Их, родимых.

— Но ведь куликов чуть ли не две сотни видов, — растерянно пробормотала Стрекоза. — Всех и позовем?

— Всех-то ни к чему, Стрекоза. Оно, конечно, всяк кулик

свое болото хвалит, да не всякий для нашего дела пригоден, а только тот, что клюв свой в землю втыкает и живность разную оттедова вытаскивает вроде как пинцетом: Бекас, Вальдшнеп, Дупель лесной... Клюв у них длинный, тонкий и прочный — аккурат как у этой машины должен быть.

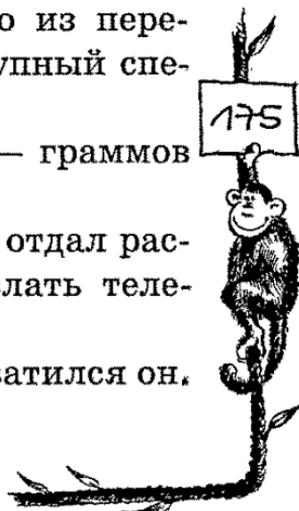
Кашалот поинтересовался, кто из перечисленных Совой птиц самый крупный специалист.

— Вальдшнеп, — был ответ, — граммов триста тянет, а то и более.

Председатель КОАПШа тут же отдал распоряжение птице-Секретарю послать телеграфный вызов Вальдшнепу.

— Да, а куда послать? — спохватился он. Сова задумалась.

КОАПП, КОАПП!

— В том-то и загвоздка, — произнесла она наконец и сокрушенно покачала головой, — в лесу он гнездится, в дремучем. Ни в жисть его там не найти! Ходит да летает в сумерки, а днем так спрячется, что рядом пройдешь — не увидишь. И Дупель лесной такой же скрытный, и Бекас...

Эта черта характера объяснялась, по словам Сова, отнюдь не трусостью. Она поведала, что в свое время упомянутая троица в числе прочих куликов подверглась жестокому раскуличиванию. Вальдшнепов, бекасов, дупелей расстреливали самым подлым образом — во время весеннего сватовства, когда они теряют осторожность. Английское слово “снайп” означает и “бекас”, и “стрелять бекасов”, а снайпером первоначально называли охотника, сумевшего подстрелить бекаса во время его зигзагообразного брачного полета...

— Значит, необходимо срочно убедить всех троих, — нетерпеливо перебил Кашалот, — что на территории КОАППа им будет обеспечена полнейшая, стопроцентная безопасность. Я готов хоть сейчас подписать гарантийное письмо!

— Сейчас-то ни к чему, — охладила его пыл Сова. — Успеешь еще, не к спеху. Потому как на зимовке они.

Из дальнейших ее слов вырисовывалась неутешительная картина. Наши вальдшнепы

(а они, как и многие другие существа, причем не только пернатые, делятся на “наших” и “не наших”) зимуют кто в Англии, кто в более теплых краях — на берегах Средиземного моря, в Индонезии, на Новой Гвинее... Зимние квартиры наших бекасов расположились в Западной Европе, Африке, Южной Азии и даже на островах Тихого океана. А наши дупели облюбовали на зимний сезон Юго-Восточную и Южную Африку...

— И что им на родине не сидится? — проворчал Рак с осуждением. — Кто их отсюда гонит?

— Не “кто”, а “что”, — поправила Стрекоза. — Их гонит

холод!

— Не говори чего не знаешь, — осадил ее Сова. — Не от холода вовсе птицы на зиму улетают — от бескормицы. Печка в птичьей теле надежная, кому хошь градусник поставь: у крупной птицы градусов сорок набегит, у мелкой и того больше — сорок два, сорок три, а то и все сорок пять. Тут не то что сам от холода не закоченеешь — птенцов высиживать можно! Вон Клест аж в

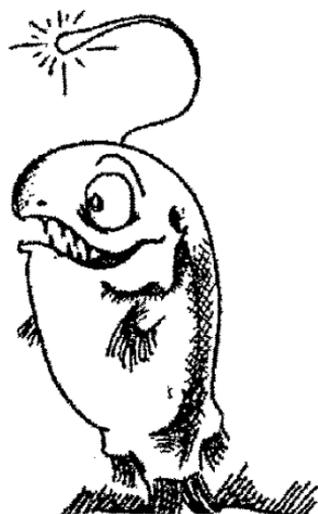
феврале, в самую стужу, детишек выводит — лишь бы шишек было вдоволь еловых да сосновых. А Королёк? Уж на что махонький, северным колибри величают, шесть граммов весит — в чем душа держится... Мороз, деревья от стужи трещат, а Корольку хоть бы что — только бы корм был!

— Мда-а, — протянул Гепард, — тем, кто добывает корм из-под земли, зимой это делать несколько затруднительно: в мерзлый грунт клюв не воткнешь.

— Что ж, не спору, трудно, — сказал Удильщик. — А кому сейчас легко? Вот и получается, что Вальдшнеп, Дупель, Бекас и прочие перелетные птицы оставляют Родину в трудную минуту в поисках легкой жизни.

— Я с вами решительно не согласен! — твердо заявил Кашалот. — Ведь насколько я понял, речь идет не о том, чтобы легче жить, а о том, чтобы элементарно выжить...

— То-то и оно, — поддержала Сова. — Сам смекни, Удильщик: кому будет польза, ежели они, сердешные, с голодухи ноги протянут?

— Так что же, — риторически спросил Рак, — мы должны спокойно взирать, как ценные специалисты стаями улетают в дальние края?

— Но они же каждую весну возвращаются, — вступилась за пернатых странников Стрекоза, однако Рак поставил точку в споре всего одной краткой, но веской репликой: — Пока возвращаются... — он как-то особо многозначительно выделил слово “пока”.

Председатель КОАППа глубоко задумался, бормоча:

— Действительно, кто поручится, что им не надоест мотаться каждый год туда и обратно за тысячи километров... Надо что-то предпринять!

Его размышления были прерваны громким голосом Мартышки, которая была очень возбуждена и тараторила, отчаянно жестикулируя руками и хвостом:

— Представляете, коллеги, проводила я Осла, повернула назад, смотрю — к нам на полянку направляется птица, и какая! Сплошная экзотика! Я кинулась обратно, чтобы вас предупредить, а то вы решите, что это коллективная галлюцинация: ни хвоста, ни крыльев — шарик на ножках, покры-

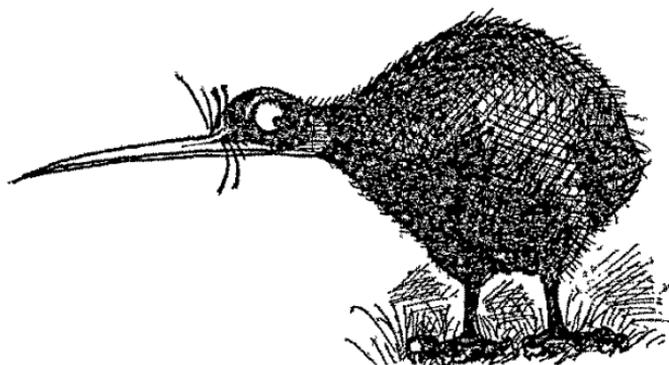
КОАП, КОАП!

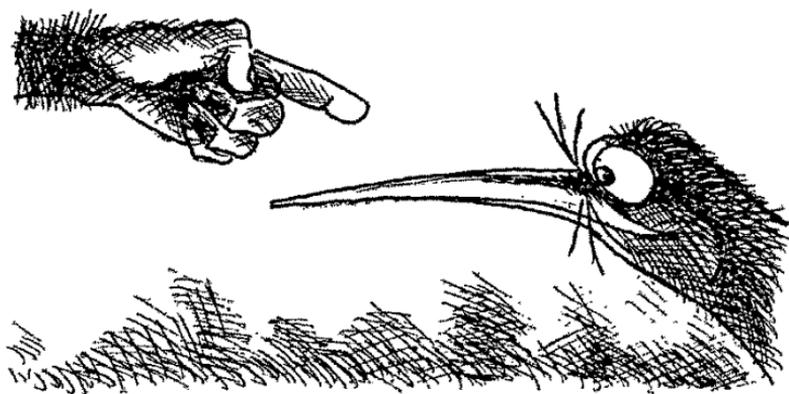
тый рыжими волосами! И клюв как шило, а у основания клюва усы торчат, такие смешные — как у котенка!

В этот момент описанное Мартышкой существо вступило на поляну. Увидев его, Сова стала креститься, приговаривая:

— Свят-свят! Отродясь эдакой птицы не видывала: усатая, волосатая, без крыльев и хвоста — уж не мерещится ли мне?

— Нет, не мерещится, — объявил, приближаясь, шарик на ножках. — Киви меня зовут. Живу в Новой Зеландии. А раз есть Новая Зеландия, то где-то, наверное, была и Старая, а может, и сейчас есть, я правильно рассуждаю? Только зря говорят, что новое — это хорошо забытое старое. Вряд ли в этой самой Старой Зеландии жили-были волосатые птицы. Хотя, по правде говоря, это не волосы, а волосовидные перья. Другие перья, для полета предназначенные, мне не нужны, раз не летаю. А

у меня правило такое: если чем не пользуешься — откажись, а не отказался — пользуйся.

Кашалоту упомянутое правило понравилось до чрезвычайности, о чем он тут же поставил в известность гостя. Киви принял это как должное и доверительно сообщил:

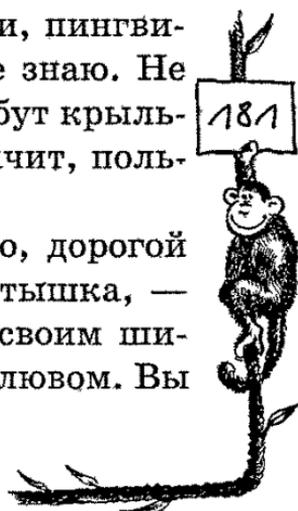
— А то вот страусы крылья сохранили и не пользуются — это я не уважаю.

Стрекоза робко заметила, что крыльями не пользуются и пингвины.

— Нет, уж это вы зря, — запротестовал Киви. — У нас, в Новой Зеландии, пингвины живут, так что я про них все знаю. Не летают они, не спорю, однако гребут крыльями в воде, когда ныряют, — значит, пользуются. Вот это я уважаю.

— Я вас тоже очень уважаю, дорогой Киви, — обратилась к нему Мартышка, — если узнаю, как вы пользуетесь своим шилом... то есть, я хотела сказать, клювом. Вы им что-нибудь прокалываете?

КОАПП, КОАПП!

— Землю, — был краткий ответ.

Кашалот встрепенулся.

— Землю? — переспросил он. — Значит, вы специалист по...

— Специалист, но без диплома, — перебил Киви. — Практик я, самоучка. Образование получить нет возможности — работаю.

— А вы не пробовали совмещать работу с учебой? — спросила Стрекоза.

— Пробовал — не получается. Сейчас у меня отгул, а так минутки свободной не выкроишь — я ведь водитель.

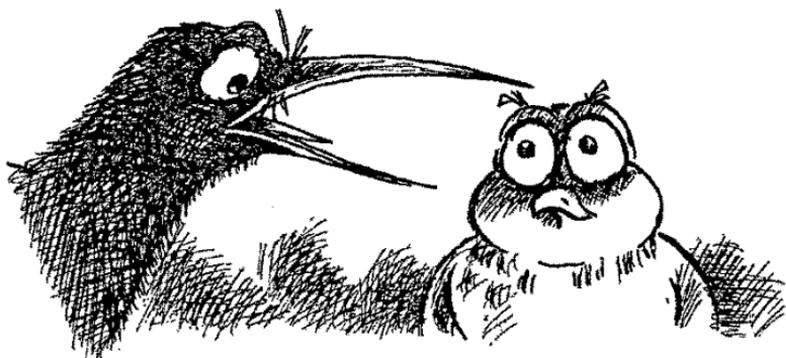
Гепард поинтересовался, что именно он водит.

— В смысле — кого? — уточнил Киви. — Птенцов своих. Чаще всего одного вожу. Правда, иной год, случается, и двоих, но это редко. Вообще-то специальность моя называется, если полностью, “водитель-родитель”. Ну, ясное дело, прежде чем водить птенца, его надо высидеть. Работа нетрудная, только однообразная и времени много отнимает. Сидишь в норе круглые сутки. Уж когда совсем невмоготу станет, отлучишься на минутку, схватишь червяка или личинку, и обратно — яйцу остывать никак нельзя! Вот так месяца два сидишь, без выходных, пока птенец не вылупится.

Сова укоризненно покачала головой:

— Ну и ну! Это что ж у тебя за жена? Уж

коли сама в гнезде не сидит, так хоть бы тебя покормила...

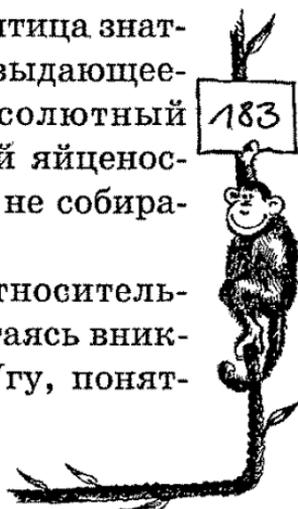
У Киви округлились глаза и он уставился на Сову так, словно она высказала нечто совершенно непотребное и даже кощунственное.

— Да вы что! — воскликнул он и тут же перешел на благоговейный шепот, как бы намекая, что говорить о таких вещах в полный голос граничит со святотатством.

— Об этом не может быть и речи! У супруги моей заботы поважнее, чем яйца насиживать и мужа кормить. Она у меня птица знатная! Неужели не слыхали про ее выдающееся достижение? Да она же абсолютный мировой рекорд по относительной яйценоскости держит и никому уступать не собирается!

— Абсолютный... по... по относительной... — забормотал Кашалот, пытаясь вникнуть в смысл услышанного. — Угу, понятно. Хотя и не совсем.

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— Чтобы совсем стало понятно, нужна посылка, — сказал Киви. — Да она, кажется, уже прибыла...

И в самом деле, птица-Секретарь, среди многочисленных обязанностей которой был прием и регистрация почты, несла большую коробку с надписями на иностранном языке. Поставив ее на землю перед коапповцами, она вернулась на свое секретарское место.

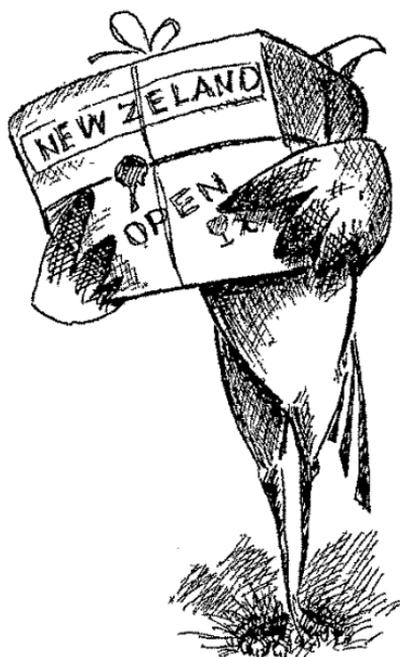

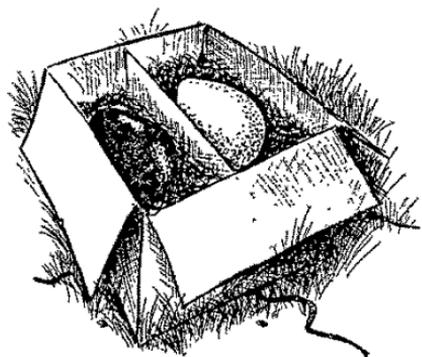
Все обступили коробку и воззрились на нее, не скрывая любопытства, а Мартышка нетерпеливо протянула руку к бечевке, которой она была обвязана, но Киви остановил ее взглядом:

— Нет-нет, я сам! — после чего с превеликой осторожностью развязал и открыл коробку.

Сверху был мох, из чего Удильщик сделал вывод, которым он поделился с коллегами: наверное, в коробке упаковано что-то хрупкое...

Так оно и оказалось. Когда мох был вынут, коапповцы увидели, что в коробке два отделения, и в каждом по яйцу: в

одном белое, в другом черное. Яйца были величиной с небольшую дыню.

— Это кто ж такие огромные снес? — спросила Сова.

— Черное — страус Эму, вернее, страусиха, она дальней родней нам приходится и живет неподалеку, в Австралии. А белое жена моя снесла.

Рак перевел взгляд с белого яйца на Киви и изрек:

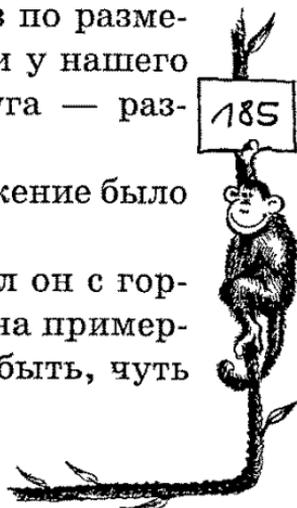
— Не может быть!

— Ну почему же, — возразил Гепард. — Разве не бывают супружеские пары, где жена значительно крупнее мужа?

— Сколько угодно! — поддержала его Стрекоза. — У некоторых пауков, например, паучиха крупнее супруга в десятки раз по размерам и в тысячи раз по весу! Вот и у нашего гостя, видимо, гигантская супруга — размером со страусиху.

Однако это логичное предположение было тотчас опровергнуто Киви.

— Ничего подобного! — сказал он с гордостью. — В том-то и дело, что она примерно такая же, как я., ну, может быть, чуть крупнее.

— Царица небесная! — воскликнула потрясенная Сова. — Эму-то ростом с Человека, на полцентнера тянет, а твоя жена, ежели ты правду говоришь, ростом с курицу...

— Так и я о том же: яйца одинаковые, белое даже немного длиннее — у страусихи Эму длинна яйца тринадцать с половиной санти-

метров, а у моей Кивишечки четырнадцать, можете проверить... Правда, оно чуточку уже — ну, так на так получается, — одним словом, яйца, повторяю, практически одинаковые — а относительный их вес разный! Яйцо страусихи Эму раз в восемьдесят легче, чем она сама, а у моей жены яйцо четверть ее веса составляет.

— Четверть веса!! — коаповцы не верили своим ушам.

— Ученые люди приходят, ахают, — продолжал Киви, явно упиваясь произведенным эффектом. — “Ну и яичко, говорят, — полкило! Скорлупа — не прошибешь! Вот бы курам так нестись!” Теперь судите сами: можно такую жену всякими пустяками отвлекать? Насиживанием, воспитанием птенцов, и прочим...

Сраженные этими доводами, подкрепленными наглядной демонстрацией достижений пернатой чемпионки, коаповцы были вынуждены согласиться: разумеется, нельзя! Киви кивнул — другого ответа он и не ожидал.

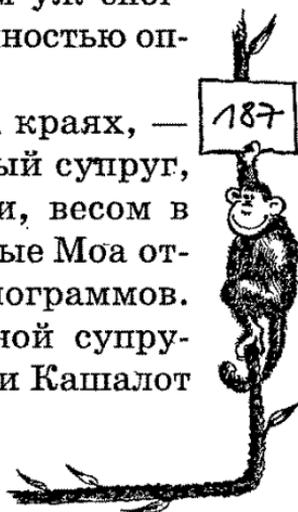
— Она и сюда-то меня для чего послала? Чтобы я прозондировал, как вы отнесетесь к ее новому почину. Жена, конечно, надеется, что одобрите и поддержите. Поддержка сверху придала бы ей новые силы. А задумка у нее вот какая...

Киви посмотрел на коаповцев таким победоносным взглядом, что они поняли: сейчас им предстоит услышать нечто совсем уж сногсшибательное. И ожидания их полностью оправдались...

— Водились когда-то в наших краях, — возвестил эпическим тоном гордый супруг, — птицы Моа: ростом метра три, весом в четверть тонны. Так вот, эти самые Моа откладывали яйца весом в семь килограммов.

Дерзновенный замысел Кивиной супруги был уже всем предельно ясен, и Кашалот спросил скорее для порядка:

КОАПП, КОАПП!

— Неужели ваша жена задумала побить и этот рекорд?

— А что? Моа тоже наши родичи, и не такие уж дальние — во всяком случае, ближе, чем Эму... Как считаете, сумеет жена отложить яйцо в три с лишним раза тяжелее себя самой?

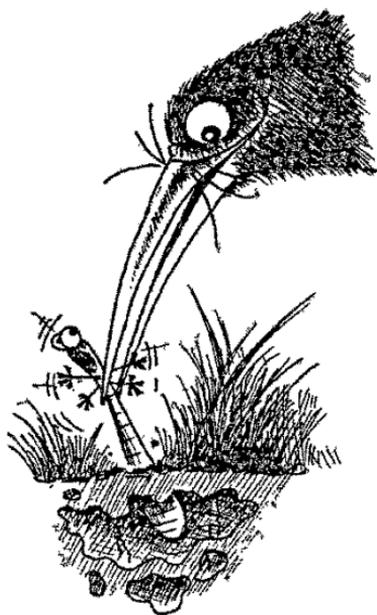
Мнения коапповцев и на этот раз было единодушным:

— Конечно, сумеет!

Киви снова кивнул и, как бы подводя итог разговору, удовлетворенно заявил:

— Тогда уж никто нам не скажет: “Бескрылые вы, и мысли у вас приземленные”. Приземленные, а всем клюв утерли! Да и какие вообще у нас мысли должны быть, если земля нас кормит?

С этими словами он стал втыкать в землю клюв и одну за другой вытаскивать личинок. Все были поражены, как легко клюв входил в землю и как безошибочно Киви определял, куда его нужно вонзить, чтобы точно попасть на личинку.

— Вообще-то, уважаемый Киви, на территории КОАППа запрещено кусать и съедать кого-либо, однако для вас мы сделаем исключение... — уведомил гостя Кашалот.

— Тем паче, что личинки-то вредящие, — поддержала его решение Сова.

— Но хотелось бы знать, дорогой Киви, — продолжал председатель КОАППа, — как вы их обнаруживаете? Впечатление такое, словно вы видите сквозь землю...

— Вот вижу я как раз плохо: близорукий, — признался Киви. — Я ведь по ночам кормлюсь, все равно темно. Но если нюх хороший — темнота не помеха.

— Так вы находите ископаемые по запаху?! — поразился Удильщик.

— То-то я гляжу, — молвила Сова, пристально разглядывая клюв гостя, — у всех птиц ноздри сверху клюва, а у тебя внизу, на самом конце. Ишь, до чего додумались.

— Большинство птиц нюхом не пользуются, — заметил Киви, — пренебрегают — и зря.

— Конечно, зря! — по виду Кашалота было ясно, что его только что осенила какая-то чрезвычайно удачная мысль. И он ее немедленно высказал: — Дорогой Киви, нам просто повезло, что вы нас посетили — нам позарез необходима консультация высококвалифицированного специалиста по развед-

КОАПП, КОАПП!

ке и добыче полезных ископаемых, каким вы, несомненно, являетесь — и наглядно это продемонстрировали. Не согласитесь ли вы дать нам совет по поводу одного проекта?

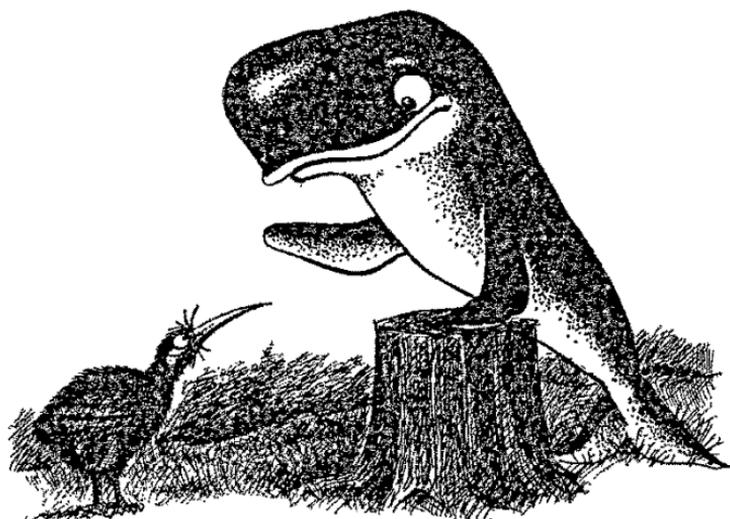
— Совет? — Киви удивился и обрадовался. — Надо же! У меня и жена-то совета никогда не спрашивает...

— У меня, признаться, тоже, — сказал Кашалот.

— Тем более я готов вам дать какие угодно советы, с превеликим удовольствием — как говорится, чем смогу. Что за проект?

— Вас с ним ознакомит начальник нашего Бюро патентов Рак.

— Для этого придется пройти в Бюро — проекты хранятся там. — Рак сделал пригла-

шающий жест клешней. — Идемте.

Киви двинулся было вслед за Раком, но вдруг спохватился:

— Я извиняюсь, вспомнил одну вещь. Наши птицы как узнали, что я в КОАПП направляюсь, стали упрашивать книгу одну раздобыть — там, говорят, наверняка она

есть. Не поможете ли достать? Название они на бумажке написали — вот...

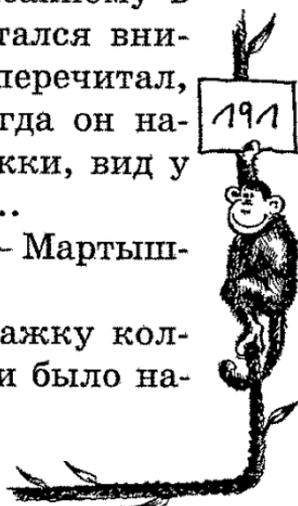
Киви вручил бумажку Кашалоту, догнал Рака, и они вместе направились к дуплу на краю поляны, где временно размещалось Бюро патентов.

Кашалот тем временем заглянул в бумажку, скользнул взглядом по написанному в ней названию книги, потом вчитался внимательнее и даже несколько раз перечитал, словно не веря своим глазам. Когда он наконец оторвал свой взор от бумажки, вид у него был несколько растерянный...

— Что там? Покажите скорее! — Мартышка изнывала от любопытства.

Кашалот молча протянул бумажку коллегам. На ней крупными буквами было написано: "ПОЧЕМУ Я ОСЕЛ".

КОАПП, КОАПП!

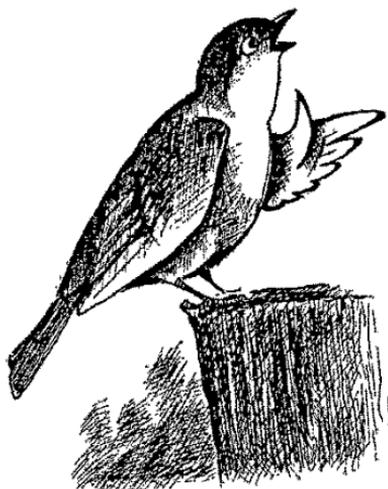
Поглощенные созерцанием бумажки с неожиданной надписью, коапповцы не заметили, как на поляне появилась небольшая птичка в скромном серо-буром костюме и черной шапочке. Подлетев, она уселась на председательском пне и, нисколько не робея, обратилась к его хозяину:

— Скажите, вон тот рыжий, усатый-волосатый, только что ушел отсюда — как его имя? Да, я сама вам еще не представилась: Гаичка.

— Вы из ГАИ? — осведомился Кашалот.
— Да что ты, председатель, какое там ГАИ, — заулыбалась Сова, — это ж синичка, Гаичка.
— Но вы все еще не ответили на мой вопрос, — напомнила Гаичка, вновь обращаясь к Кашалоту.

— Извините его, — сказал Гепард, — он все еще не может прийти в себя после того, как ознакомился с содержанием бумажки, которую ему дал как раз тот, о ком вы спрашиваете. А зовут рыжего с усами Киви.

— Киви... — задумчиво повторила Гаичка. — Послушайте, у него в самом деле нет крыльев, или прячет?

— У него даже намека нет на крылья! — заявил Удильщик.

— Вы ошибаетесь, — возразила Мартышка, — намеков есть, но только намеков: пока Киви был занят разговором, я незаметно раздвинула эти его, как они называют, волосовидные

перья и обнаружила... даже не знаю, как назвать — то ли остатки прежних крыльев, то ли зачатки новых, — но малюсенькие, сантиметров пять, не больше.

— Зачатки это или остатки, не имеет значения, — сказала Гаичка, — важно, что на таких не полетишь. Да этот Киви для нас просто находка! Понимаете, нашей конторе нужен кладовщик, но обязательно бескрылый, а то сами знаете, как это бывает: при первой же ревизии упорхнет — и поминай как звали.

— Да, этот не упорхнет, — согласился Кашалот, который наконец пришел в себя. — А что у вас за контора?

— Сначала скажите: могу я рассчитывать на вашу помощь?

Коапповцы даже обиделись, а Удильщик сухо произнес:

— Неуместный вопрос.

КОАПП, КОАПП!

— Тогда слушайте: сокращенное наименование нашей конторы — УПРЗАГКОРМ, а полное — Управление по заготовке кормов. Но оно существует не само по себе, а при общественной организации, которая называется ДОСОПТИПЕР.

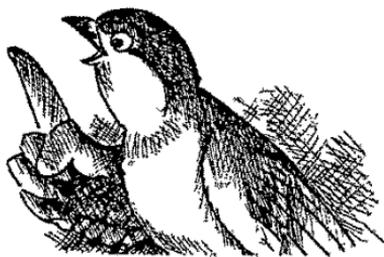
— Никогда еще не встречал организации с таким благозвучным названием, — заметил Гепард. — Хотелось бы только узнать, что оно означает.

— Оно означает: Добровольное Общество Сторонников Отмены Птичьих Перелетов.

Сообщение Гаички о существовании такого общества явилось для коапповцев неожиданной, но приятной новостью. Особенно близко к сердцу приняла его Сова.

— Хорошее дело, — одобрила она. — Мы уж давеча говорили — дескать, улетают верст за тыщи, потому как нету пищи.

В облике Гаички внезапно появилась необычайная деловитость. Видно было, что проблема вынужденной, хотя и временной, птичьей эмиграции изучена ею досконально. Последовал краткий, но насыщенный фактами доклад, который, как пишут в отчетах, присутствующие выслушали с неослабевающим вниманием.

— Я бы сказала иначе, — начала она, отвечая на реплику Совы. — Птицы вынуждены улетать не столько из-за бескормицы, сколько из-за никудышной организации заготовки кормов. Возьмем дроздов-рябинников: много рябины — они остаются, мало — улетают в Африку и в Малую Азию. Значит, они могли бы полностью отказаться от перелетов, если бы рябина заготавливалась в урожайные годы и выдавалась нуждающимся в неурожайные. Кто за это отвечает? Неизвестно. Вообще, когда я занялась этой проблемой, я в ужас пришла: полнейшая неразбериха, более того — настоящий хаос! Возьмите Сойку: в сентябре она целыми днями запасает желуди и ягоды. Но как запасает? Прячет куда попало — под мох, под опавшие листья, в дуплах, даже в муравейниках — и никакого учета! Спрашиваю ее: “Где у вас склады, что в них хранится?” Она отвечает: “Один склад, кажется, под корнями вон той березы.., нет, пожалуй, вот этого клена... Что же там у меня? Ага, вспомнила — три килограмма желудей.., а может, четыре. Если еще не растащили...” Ну, и так далее.

Председателя КОАППа услышанное задело за живое.

— Как же можно в таком важном деле полагаться на память, — возмутился он. — Это же материальные ценности!

— Возьмем сов, — продолжала Гаичка.

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— А что с нас взять? — откликнулась Сова. — Мы корм не запасаем.

— Вот видите! — Гаичка с укоризной посмотрела на Сову. — Даже вы, Сова, и то не знаете, что самый маленький представитель сов, Воробьиный Сычик, проявив завидную предусмотрительность, разработал систему заготовки провианта для частичного покрытия дефицита продовольствия в зимний период: поздней осенью он складывает в свои дупла мышевидных грызунов — по несколько десятков

в каждую из кладовых. Почему никто не распространяет этот ценный опыт?

— Картина ясна, — подытожил Удильщик, — анархия, бесхозяйственность, разобщенность заготовителей...

— И кустарщина! — подхватил Кашалот. — И это в век

электроники, кибернетики и бионики! Но что же вы предлагаете, дорогая Гаичка?

Ее взгляд вдруг устремился куда-то вверх окружающего поляну леса, в заоблачные выси, в глазах появился блеск, физиономия приняла мечтательное выражение. От прежней Гаички,

деловой, расчетливой, трезвомыслящей, практичной, не осталось и следа. То, что коапповцам предстояло услышать, очевидно, вынашивалось ею много месяцев.

— Мобилизуйте всё свое воображение... — попросила она, и все услышали, что даже голос

ее изменился: сухость и официальность исчезли, появились романтические нотки...

— Мобилизовали! — хором сообщили коапповцы и обратились в слух.

— Разгар зимы... — проворковала Гаичка мелодичным голоском. — На поляне КОАППа гигантское хранилище

архисовременной архитектуры: бетон, стекло, алюминий, кора, лишайники... У входа вас встречает Главный Кормчий...

— То есть, распорядитель кормами? — уточнил Гепард.

— Да, я буду стоять у кормила, я и мой муж. Мы единомышленники — что думаю я, то и он, что говорю я, то и он. Итак, мы встречаем вас с улыбкой и провожаем к начальнику Отдела кедров...

— Отдела кадров, вы хотели сказать? — поправила Стрекоза.

КОАПП, КОАПП!

— Повторяю: к начальнику Отдела кедров. Эту должность занимает птица Кедровка. Осенью она, как обычно, заготовила двадцать с лишним тысяч отборных кедровых орешков. Ей это ничего не стоит — у Кедровки под языком есть специальный карман, куда входит до сотни орешков.

— Выходит, зря говорят: “Язык мой — враг мой”, — вставила Мартышка.

— Да, как видите, это справедливо не для всех. Так вот, Кедровка нежно берет вас под крыло и ведет...

— В свою кладовку? — поразилась Сова. — Неужто сама ведет?

— Вы меня не поняли, — мягко, хотя и с укором, сказала Гаичка. — С бесчисленными, — до двух тысяч, — и технически примитивными кладовками в земле и под отставшей корой, с кладовками, куда Кедровке приходится порой рыть ходы в толще снега, с кладовками, куда бесконтрольно наведываются все кому не лень — белки, мыши, бурундуки, даже соболи, — с такими кладовками будет покончено раз и навсегда! Кедровка приведет вас в огромный светлый зал, где в автоматические кормушки засыпаны очищенные ею же кедровые орешки. Пока вы угощаетесь, звучит фонограмма ее песенки, что способствует созданию соответствующего настроения и повышению аппетита... Я вам сейчас ее спою.

И она действительно спела:

*Каждый, кто с Кедровкой
Хоть чуточку знаком,
Знает — у меня
Карман под языком.
“Запас карман не тянет” — мой девиз,
Так что ешь спокойно, не давься!*

Захваченные грандиозным замыслом Гаички, к тому же так красочно описанным, коапповцы некоторое время ошеломленно молчали. Наконец Гепард, как бы подводя итог услышанному, произнес:

— Здрóрово, ничего не скажешь. Количество съеденных орешков, надо полагать, будет подсчитываться компьютером и высвечиваться на дисплее?

— Вы уловили самую суть!
— сказала Гаичка.

— Восхитительно! — восторженно пропищала Стрекоза. — Кому после этого захочется улетать за тридевять земель!

— Да, — заключил Кашалот, — осуществление вашего замысла, дорогая Гаичка, поможет полностью решить проблему утечки птичьих мозгов. Но как вам пришла в голову столь дерзновенная и в то же время удивительно простая идея?

— Удивительно, что она не пришла мне в голову раньше! Ведь я привыкла заботиться о других — и о близких, и еще больше о дальних...

КОАПП, КОАПП!

— О дальних? — переспросила Мартышка. — Как это понять?

— Осенью мы вместе с мужем засовываем в щели коры и под наросты лишайника семена и насекомых. Эти продукты поддерживают в трудную минуту гаичек, которые поселяются зимой на нашем месте.

— То есть как — на вашем месте? — Удильщик выразил своим вопросом общее недоумение. — А вы куда деваетесь?

— Откочевываем в другой лес — тамошние гаички тоже заготовили еду, уже для нас, хотя и в глаза нас не видели, а сами, как и мы, откочевали... Так у нас принято. Тяжко пришлось бы гаичкам без взаимной выручки — ведь зимой мы наполовину питаемся запасами, приготовленными для нас незнакомыми пернатыми друзьями.

Кашалот был растроган услышанным до чрезвычайности.

— Милая Гаичка, — голос его дрогнул, — торжественно заверяю вас от имени КОАППа и от себя лично, что при осуществлении своих благородных планов вы можете твердо рассчитывать на нас! Мало того — мы привлечем к этому делу морскую, лесную и полевою общественность!

— И обязательно юных биоников, — дополнила Мартышка, — они не простят нам, если мы организуем подкормку птиц без их участия!

— Отлично их понимаю, я бы тоже обиделась. — Гаичка снова вернулась к деловому тону: — Ну что ж, будем поддерживать контакт. Всего наилучшего! — и она упорхнула.

— Счастливо! — неслось ей вслед.

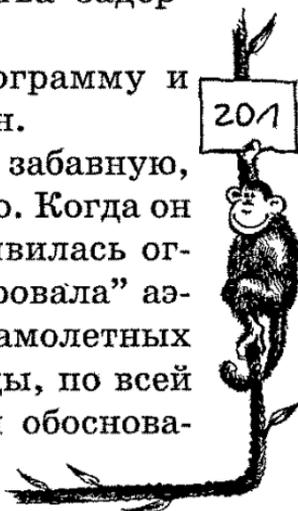
— К какому это делу вы собираетесь привлечь юных биоников? — услышался знакомый голос, и на поляну

вышел Человек. Все радостно приветствовали его, а Кашалот заботливо поинтересовался, что за непредвиденные обстоятельства задержали его вылет.

— Мы получили вашу радиограмму и очень обеспокоились, — сказал он.

Тут Человек поведал коллегам забавную, вернее, трагикомическую историю. Когда он уже сел в самолет, откуда-то появилась огромная стая скворцов и “окупировала” аэродром. Их не пугал даже рев самолетных двигателей. Шло время, а скворцы, по всей видимости, не желали улетать и обоснова-

КОАПП, КОАПП!

лись в аэропорту надолго. К счастью, теперь уже научились выпроваживать непрошенных пернатых гостей, не причиняя им вреда. На летное поле выехала машина с громкоговорителем, который воспроизвел записанный на пленку крик бедствия скворца...

— И скворцы в панике улетели? — получив подтверждение, Мартышка расхохоталась. — Вот потеха!

— Как говорится, испугались собственного голоса, — прокомментировал Гепард.

— А у нас здесь, дорогой Человек, — сообщил Удильщик, — не менее драматические события: вышла книга об охране людей, но неизвестно, какой Осел ее написал.

— Да-да, тут какая-то ужасная тайна! — пропищала Стрекоза.

— Ужасная тайна! — повторил, словно эхо, чей-то скрипучий зловеющий голос:

— Ой, кто это? — испуганно спросила Мартышка.

— Ой, кто это? — проскрипел тот же голос.

— Даже мне стало не по себе... — если бы у Кашалота были плечи, он бы поежился...

— Стало не по себе! — произнес зловещный голос, после чего вдруг раздался хохот, и со словами: — Ага, испугались! Как я вас купил!

— с ближней березы слетел юный Скворец. — Я ведь умно и приятно голосом могу говорить и на любом языке! — похвастался он.

— Делать тебе нечего, — Сова сердито посмотрела на подростка.

— Вот это точно! — охотно подтвердил Скворец, и весело пояснил: — Раньше в эту пору я бы уже в Северной Африке зимовал, а туда еще долететь надо — путь трудный и опасный. Перед перелетом в прежние времена с нами, молодежью, занимались предполетной строевой подготовкой — старые скворцы гоняли молодых с утра до вечера. А теперь нам это ни к чему — тем, конечно, кто в городах постоянно живет, и летом, и зимой — никаких перелетов, никакой подготовки, делай что хочешь, красота!

— О, так ты стал заправским городским жителем? — в голосе Гепарда прозвучала

ирония, но юный Скворец ее не уловил.

— В Москве живу! — хвастливо заявил он. — Культурный центр — рынки, овощные базы, музыкальная жизнь... Правда, в театры не попадешь.

— Твои родичи в южных городах в лучшем положении — там есть залы, куда скворцам попасть несложно. Я уже рассказывал однажды коапповцам, как в Ташкентском открытом летнем театре скворцы подпевали оперным артистам, причем очень

точно.

— У меня тоже музыкальные способности, — доверительно сообщил Скворец. — Как вы думаете, примут меня в хор мальчиков? Я ведь любую мелодию сразу запоминаю! — и Скворец запел: “Слышали вы, как поют дрозды? Нет, не те дрозды, не полевые...”

— Хорошая песня, душевная... — вздохнула Сова. — Только я вот чего тебя попрошу: коли ты в Москве живешь, так разыщи, будь добр, того, кто ее сочинил, да шепни ему на ушко — мол, полевых-то дроздов не бывает, дрозд чисто лесная птица.

— А вот и нет! Отец говорил, что сейчас в Европе Черный Дрозд, как и мы, в городах стал

жить круглый год — только молодые на зиму улетают. А ведь был пугливой лесной птицей. Цивилизация!

— Послушай, мальчик, — не выдержал Кашалот, — у нас идет заседание КОАППа. Если у тебя к нам дело, говори, а если нет...

— Есть дело — извините, что сразу не сказал: папа велел вам книжку передать.

— Какую книжку? — спросил Кашалот.

— Вот голова — засунул куда-то, а куда? В развилку между веток или в дупло? Сейчас найду... — Скворец вернулся на березу, откуда слетел, и, осматривая ее, продолжал говорить: — Ее отец на-

писал, он там объясняет, почему решил поселиться в городе. Раньше что получалось...

— Ты ищи книжку, мы сами прочтем, — крикнула ему Мартышка.

— Этого вы не прочтете, это отец только мне рассказал. Раньше что получалось: как саранча налетает, так люди к скворцам — “Спасите, помогите, на вас вся надежда, вы наши избавители!” А как виноград созреет или там черешня, так сразу: “Разбойники,

такие-сякие, треть урожая у нас склевали, вот мы вас!” Но ведь две трети скворцы людям оставляют!

— Без птиц и половины-то не было б, — поддакнула Сова.

— Это уж точно. Ну вот, так и жили: то скворцы полезные, то вредные. Отцу все это надоело, и он перебрался в город, тем более что возле людей прокормиться легче. А в книге он интереснее написал: мол, в небе стало тесно, много самолетов, так не будем мешать людям, не будем подвергать летчиков и пассажиров риску столкновения их авиалайнеров с птицами — ведь это чревато катастрофами и для тех, и для других. Поэтому призываю всех перелетных птиц переселиться в города! Здорово, а?

— Многие перелетные птицы и без книги твоего отца поселились в городах, — заметил Человек. — В Москве, например, сейчас круглый год живут грачи, утки-кряквы, чайки, даже лебеди...

— Ну, меня в город червяком не заманишь! — слышался голос Киви, и все увидели, что он возвращается. — Дышать круглый год выхлопами машин, да еще с моим тонким обонянием — нет уж, слуга покорный. А насчет вашей машины, в смысле, ее проекта, мы разобрались, — доложил он, подойдя к Кашалоту.

— Я там посоветовал кое-что, Рак остался в Бюро патентов — в чертеж мои поправки вносит, — а мне на работу пора.

Председатель КОАППа сердечно поблагодарил пернатого консультанта за бескорыстную техническую помощь и спросил, не может ли и он, в свою очередь, оказать Киви какую-нибудь услугу. Тот ответил, что ничего ему не нужно, вот только...

— Ну, ну, что только? — подбодрил его Кашалот.

— Да насчет той книжечки, что я просил. Не достали?

Кашалот сокрушенно развел ластами:

— Дорогой Киви, мне очень неловко, но к большому моему сожалению...

Закончить фразу-извинение ему помешал Скворец, который с радостным воплем “Нашел!” слетел с той же березы, держа в лапах книжку небольшого формата.

— Вот, держите! — он протянул книжку Кашалоту. — А я полетел.

И он действительно полетел, а Кашалот, крикнув ему вслед:

— Передай своему отцу мою благодарность! — рассеяно глянул на обложку — и потерял дар речи... Молча, как в предыду-

ший раз Кивину бумажку, он протянул коллегам книжку.

На обложке крупными буквами было напечатано ее название:

“ПОЧЕМУ Я ОСЕЛ”.

— Ой, я ее узнаю — эта та самая книга! — воскликнула Мартышка и поспешно крикнула Скворцу, который еще не успел покинуть поляну:

— Мальчик, вернись!

— Оставил что-нибудь? — обеспокоенно спросил Скворец еще издали, повернув назад.

— Ничего ты не оставил. Скажи, дружок, твой отец имеет какое-нибудь отношение к ослам?

— Никакого, а что?

— Вот те раз, — Сова в полном недоумении снова воззрилась на обложку. — По какой же такой причине батя твой книжку свою так назвал?

Теперь настала очередь удивиться Скворцу. Так и не поняв смысл вопроса, он глянул еще раз на книжку и сказал:

— Нормально назвал: “Почему я осел”, то есть стал жить оседло.

Все уставились друг на друга, словно впервые увидели. Первым пришел в себя Удильщик:

— Нет, это какой-то всеобщий гипноз: мы упорно читали “ОСЁЛ”, хотя тут не “Ё”, а “Е” — безо всяких точек над буквой...

— Но нам пора, по-моему, поставить точку! — с этими словами Кашалот протянул книжку Киви. — Уважаемый Киви, возьмите эту несчастную книгу и увезите ее к себе в Новую Зеландию.

— Или куда-нибудь еще подальше, — добавила Мартышка.

После чего Кашалот счел своевременным закрыть заседание КОАППа.

ЗАСЕДАНИЕ,

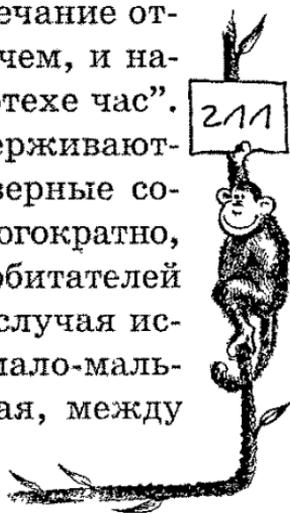
НА КОТОРОМ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО
ПОГОВОРКУ „НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ
ЖИВ ЧЕЛОВЕК“ СПРАВЕДЛИВО БЫЛО БЫ
РАСПРОСТРАНИТЬ И НА ЖИВОТНЫХ,
ПОСКОЛЬКУ МНОГИМ ИЗ НИХ ТАКЖЕ
СВОЙСТВЕННО СТРЕМЛЕНИЕ К БЕСКО-
РЫСТНОМУ СЛУЖЕНИЮ МУЗАМ - ПОРОЙ
ДАЖЕ В УЩЕРБ СОБСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ...

ФОССА!!!

Известно, что кое-кто не прочь всю свою жизнь, от первого дня до последнего, только то и делать, что развлекаться и отдыхать (интересно — от чего? От развлечений?) Есть и такие, кто отдых и развлечение считают напрасной тратой времени: они трудятся в поте лица сутки напролет — и на рабочем месте, и даже дома, прерываясь, да и то с неохотой, лишь на сон и еду. Надо ли доказывать, насколько предпочтительней чередование и разумное сочетание того и другого, надо ли убеждать, что обе упомянутые выше крайности не на пользу ни индивиду, ни обществу...

К обществу животному это замечание относится в полной мере, как, впрочем, и народная мудрость: “Делу время, потехе час”. Именно такой точки зрения придерживаются председатель КОАППа и его верные соратники, что они и подтвердили многократно, самоотверженно работая на благо обитателей нашей планеты, но и не упуская случая использовать для “потехи” любой мало-мальски подходящий предлог (включая, между

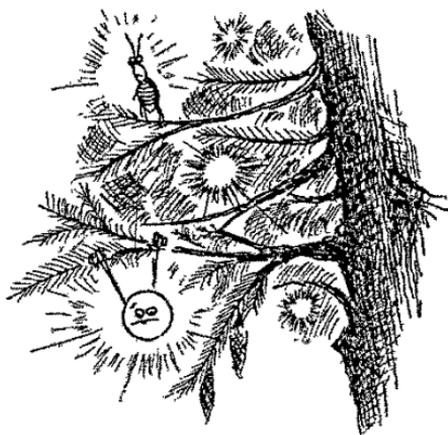
КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

прочим, День рождения КОАППа и День рождения его Отца-основателя).

Первым в истории КОАППа поводом для подобного веселого мероприятия послужил Новый год. Новогодняя встреча была организована с невиданным размахом. Большая Коапповская Поляна преобразилась до неузнаваемости. В качестве Новогодней Елки была выбрана огромная разлапистая ель, росшая на берегу коапповского озера. Ее роскошному убранству могли бы позавидовать елки, что устанавливают в рождественские дни на главных площадях крупнейших городов мира. Хотя, пожалуй, сравнение с ними не совсем уместно, ибо коапповская Новогодняя Елка отличалась от всех других кардинальнейшим образом: она не только сама была не срубленная, а живая (такое иногда еще случается) — живыми были и все украшавшие ее елочные игрушки, и разноцветные лампочки (благо, и на суше, и особенно в море столько разнообразнейших светящихся животных, что это позволяет осуществить самую причудливую, самую фантастическую иллюминацию). Даже нис-

падавший с ветвей “золотой дождь”, необычайно эффектно выделявшийся на фоне темно-зеленой хвои; представлял собой золотистые паутинные нити тропической паучихи Нефилы...

Немало споров возникло по вопросу о том, что, вернее, кто будет красоваться на вершине Елки. В те годы было принято увенчивать ее звездой, и ни у кого не возникло ни малейших сомнений в том, что в коапповском варианте это будет Морская Звезда. Но какая? — ведь морских звезд свыше полутора тысяч видов!

Мелкие звездочки (а они бывают размером с Мартышкин ноготок) отпали сразу. Удильщик предложил морскую звезду по имени Дистоластериас — на том основании, что она, напротив, очень крупная: около полутора метров между концами противоположных лучей. Но когда Кашалот узнал, что лучей у нее пять, он решительно отверг ее кандидатуру:

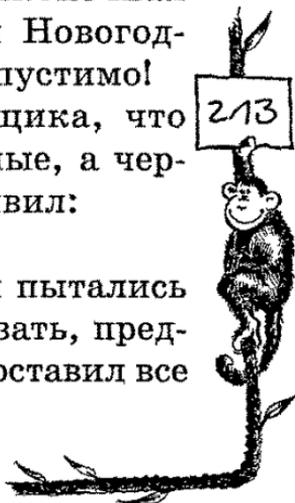
— Нет-нет, светящаяся пятиконечная звезда на вершине коапповской Новогодней Елки — это абсолютно недопустимо!

На робкое замечание Удильщика, что лучи у Дистоластериаса не красные, а черные с оранжевой каемкой, он заявил:

— Тем более!

Пока Удильщик и его коллеги пытались уразуметь, что он хотел этим сказать, председатель КОАППа окончательно поставил все точки над “i”:

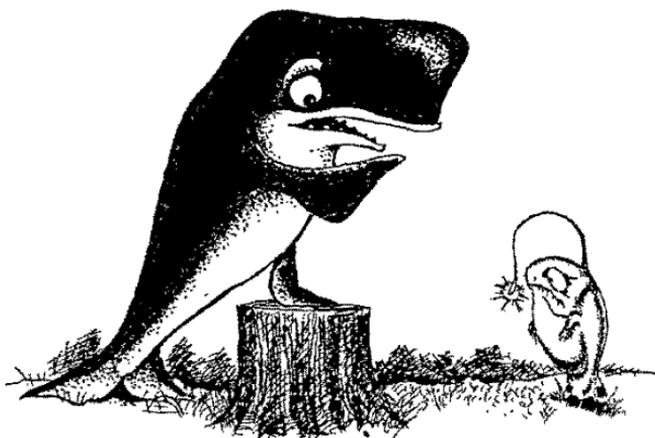
КОАПП, КОАПП!

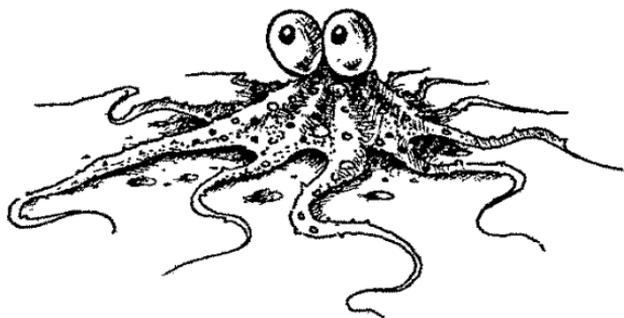

КОАПП, КОАПП!

— И вообще мы должны взять себе за правило — стараться избегать какой бы то ни было политической, национальной, религиозной и тому подобной символики!

По этой причине тут же отказались от звезд шести- и восьмилучевых. В конце концов остались две претендентки: Солнечная Звезда или, по-научному, Гелиастер с Тихоокеанского побережья Южной Америки, действительно напоминающая Солнечный диск с множеством — до полусотни — лучей, но диск — черный, словно наше светило при полном Солнечном затмении, и полуметровая Кроссастер из Северной Атлантики, очень красивого малинового цвета, с двенадцатью лучами. Последнее обстоятельство и определило окончательный выбор: двенадцать лучей как бы олицетворяют двенадцать месяцев — и никаких нежелательных ассоциаций! Кроссастер и была водружена Совой на вершину Елки.

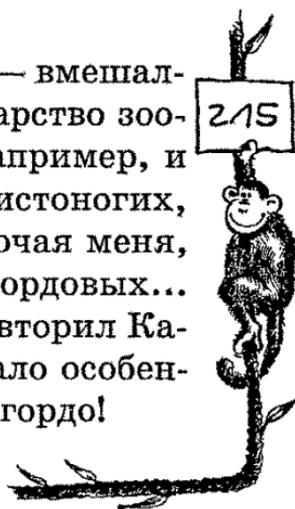
На поляне тем временем шли последние приготовления к новогодней встрече. Гепард и Человек расставляли сплетенные из прутьев столики и сидения, изящные и очень легкие, а Рак ползал между ними и, выполняя поручения председателя КОАППа, намечал, кого из гостей куда и с кем посадить. Вид у него был раздосадованный. Незадолго перед этим он дважды попал впросак. Сначала Кашалот, вручая ему длиннющий перечень приглашенных, уведомил его о том, что в списке самые разные типы, а Рак сделал ему замечание:

— Разве можно о гостях так неуважительно — “типы”!

— Да почему неуважительно? — вмешался Удильщик. — Все животное царство зоологи делят на типы — вот вы, например, и Стрекоза относитесь к типу членистоногих, а все остальные коапповцы, включая меня, Человека и Кашалота — к типу хордовых...

— Да, именно хордовых, — повторил Кашалот, и в его устах это прозвучало особенно веско. — Хорда — это звучит гордо!

КОАПП, КОАПП!

— Но тем не менее, — продолжал Удильщик, — наш скромнейший из председателей распорядился, чтобы были приглашены и более примитивно организованные животные — простейшие, губки, плоские, круглые и кольчатые черви, моллюски, иглокожие, кишечнорастворимые — районные и областные.., ну и так далее.

Затем Кашалот предупредил, что размещение гостей по столикам дело чрезвычайно деликатное —

тут нужно быть тонким психологом, чтобы с первого взгляда определить, кого с кем сажать, иначе можно нечаянно допустить бестактность...

— Ну, вы меня поняли, надеюсь, — заключил он свое напутствие.

Но оказалось, что надеялся он напрасно, потому что Рак, как говорится, понял его “с точностью до наоборот”. А именно: тех, у кого в повседневной жизни весьма натянутые отношения, он решил посадить как можно дальше друг от друга. Однако предложенный им вариант председатель КОАППа решительно перечеркнул, заметив, что напоминать приглашенным об их давнем антагонизме бестактно

вообще, а в праздник, да еще на Большой Коап-повской Поляне — в особенности. И дабы утвердить свойственный КОАПШу дух всеобщей доброжелательности и миролюбия, известных врагов следует как раз наоборот — усадить вместе: Кошку с Собакой и Мышью, Зайца — с Лисой и Орлом-Беркутом, Щуку — с Карасем и Скопой, Паука — с Мухой и Осой-Помпилом, охотницей за пауками, и так далее... В соответствии с руководящими указаниями Кашалота Рак и проводил “передислокацию” гостей. Сам же Кашалот намеревался разделить столик со своим “милым родственничком” — десятиметровым хищным дельфином Косаткой, кровожадным морским пиратом, отваживающимся нападать даже на кашалотов. Третьим за столик был приглашен традиционный противник Кашалота по подводным поединкам Гигантский Кальмар (председатель КОАПШа с гордостью показывал почетные боевые шрамы от его присосок). Накануне Кашалот специально нырял, чтобы предложить ему: “Третьим будешь?”, на что получил утвердительный ответ...

В данный момент, однако, его интересовали совсем другие кальмары. Один за другим они выбирались на берег, который постепенно начинал напоминать россыпь драгоценных камней. Соответствующим у этих восхитительных созданий было и научное их имя — Ликотевтис диадема (“Ликотевтис”

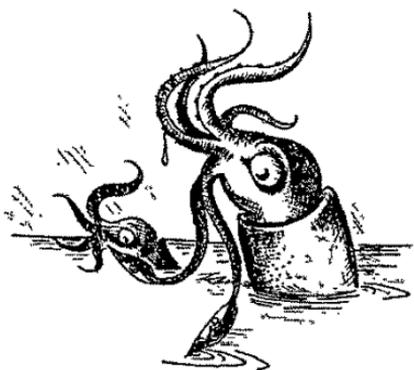

КОАП, КОАПП!

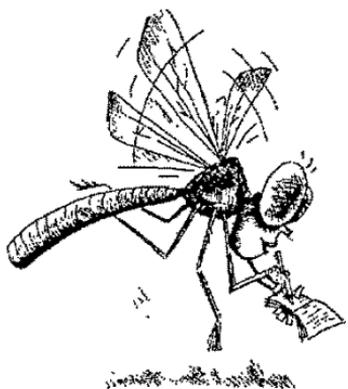
значит “Кальмар-светильник”, а слово “ди-адема” и в переводе не нуждается). Оби-ходное их имя не уступало научному: Чу-десная Лампа. Именно в этом качестве и собирался использовать их председатель КОАПа...

Здесь требуется небольшое пояснение. В те времена у людей было принято устраи-вать в новогоднюю ночь некое действо под названием “Голубой огонек”. Его широко транслировали по телевидению. Подобное же действо решил устроить на Большой Ко-апповской Поляне и Кашалот — тоже, разуме-ется, с трансляцией по морскому, лесному, по-левому и речному теле-видению. Но при этом он, естественно, поста-вил целью превзойти че-ловеческий “Голубой огонек” во всех отноше-ниях. В одном отноше-нии это удалось еще до начала коапповского “Голубого огонька”: безусловно, ничего подоб-ного Чудесным Лампам столики у людей ни-когда не украшало!

Но важно было удостовериться, что их хвата-тит на все расставленные на поляне столики. По просьбе Кашалота парившая над берегом Стрекоза подсчитывала количество прекрасных

кальмаров, что не мешало ей при появлении очередной сверкающей живой диадемы издавать восторженные восклицания. Когда наконец на берег выбралась последняя Чудесная Лампа, Стрекоза сообщила их общее число: две тысячи триста семнадцать.

— Отлично, в самый раз! Мартышка, — Кашалот поискал ее глазами и обнаружил сидящей на нижней ветке Елки, она что-то к ней привязывала, — будьте добры, расставьте Чудесные Лампы по столикам.

Удильщик счел необходимым дополнить просьбу своего председателя:

— И проследите, чтобы они оставили только голубые огоньки — вокруг глаз, на спине и на ловчих щупальцах, а рубиновые и жемчужные пусть погасят — у них для этого есть специальные шторы из черных клеток.

Начальственный тон, каким была произнесена эта тирада, задел Мартышку, и она отбрила:

— Вот вы сами и проследите, Удильщик, а мне некогда — я вешаю скелет!

— С...с...скелет? — запинаясь переспросил Кашалот.

— Ну да, — подтвердила Мартышка, — гости прямо ахнут!

КОАПП, КОАПП!

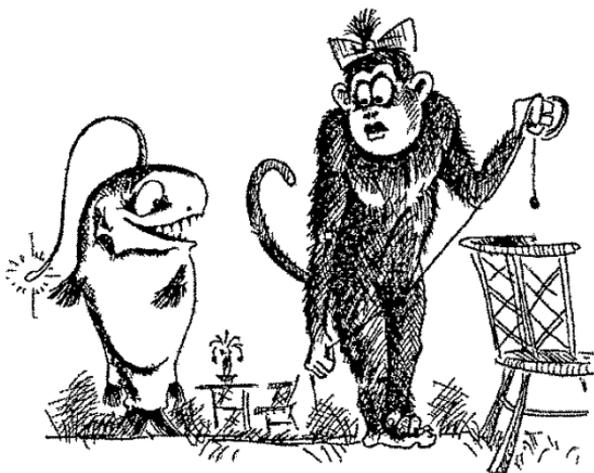

— Не сомневаюсь, — сказал Гепард.

— Еще бы! — Мартышка опустила то, что привязывала к ветке, пониже, чтобы все могли рассмотреть. — Этот кремниевый скелет, или, как его еще называют, каркас стеклянной губки — такая красивая вещь!

— И довольно дорогая, — добавил Человек, и пояснил: — Стеклянных губок добывают в Японии, чтобы украсить ими жилища, доставать их приходится с большой глубины, а они очень хрупкие. Этот вид стек-

лянных губок называют “Корзинкой Венеры”, японцы дарят ее на свадьбах новобрачным, и не только за красоту: внутри почти каждой Корзинки Венеры живет супружеская пара рачков Спонгикол. По-гречески “спонгикола” значит “принадлежащая губке”, и действительно — супруги-Спонгиколы проводят внутри Корзинки Венеры всю жизнь и никогда не расстаются.

— Ах, как это чудесно — никогда не расставаться! — пропичала Стрекоза, а Сова сообщила:

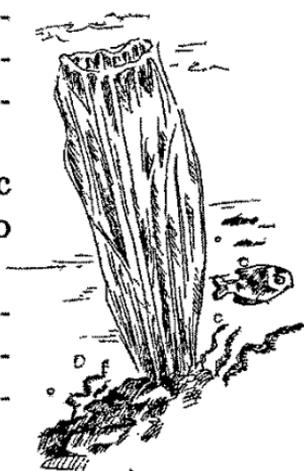
— Подарок-то, стало быть, с намеком — дескать, и вам того желаем.

— В таком ажурном дворце и я бы не отказалась провести всю жизнь! — заявила Мартышка, слезая на землю.

— Всю жизнь в одном месте, с вашей непоседливостью? — Кашалот с сомнением взглянул на Мартышку. — Но скелет и в самом деле хорош — настоящее кружево! И он заслуживает того, чтобы сделать для него исключение: пусть он будет на нашей Елке единственной неживой елочной игрушкой!

— Тем более, что исключение лишь подтверждает правило, — сказал Гепард.

Пока коаповцы любовались произведением искусства, сотворенным Природой, Чудесные Лампы сами добрались до столиков и обосновались на них, а на поляне начали появляться гости. Птица-Секретарь приветствовала их у входа криком “Коапп, коапп!” и радушным жестом крыла приглашала проследовать к Раку, который покажет им, куда сесть. Однако прибывшие, бросив удивленный взгляд в сторону Елки, вместо Рака направлялись к ней. И было чему удивляться:

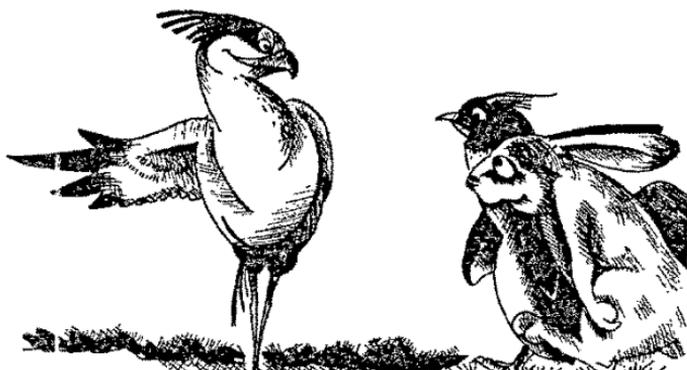

КОАПП, КОАПП!

рядом с Елкой расположились пальма, персиковое дерево, пихта, бамбук, какой-то странный шалаш — и все это в не менее богатом новогоднем убранстве!

Кучка любопытствующих росла, слышались различные предположения, большинство которых сводилось к тому, что у коапповцев, видимо, оказалось слишком много елочных игрушек, поэтому ими украсили и другие деревья, и даже шалаш...

— Игрушек никогда не бывает слишком много! — не выдержал Кашалот и счел необходимым дать разъяснение: — Другие деревья мы украсили для того, чтобы каждый, я подчеркиваю, — **КАЖДЫЙ** гость на нашем новогоднем празднике чувствовал себя как дома! Ведь не во всех странах на Новый год игрушки вешают на ель... Мы заблаговременно навели справки и выяснили, что во Вьетнаме украшают персиковое дерево, на Кубе — небольшую пальму, в Кении — сосну, в Японии — тоже

сосну или пихту с привязанными к ее ветвям молодыми побегами бамбука...

— А в Гане, — вставил Гепард, — роль новогодней Елки исполняет шалаш из пальмовых листьев — вот мы его и соорудили.

Тут кто-то обратил внимание на стоявшую поодаль большую осину, тоже, можно сказать, украшенную, но весьма оригинально: на ее ветвях было устроено что-то вроде склада утильсырья. На вопрос о том, в какой стране вместо ели наряжают осину, да еще таким странным образом, Кашалот отвечал, что здесь совсем другой случай...

— Я попросил своих сотрудников, — сказал он, — предусмотреть все необходимое, чтобы любой гость мог исполнить принятые на его родине новогодние обычаи. Тем, что водружено на осину, могут воспользоваться гости из ... Мартышка, напомните, пожалуйста, — откуда?

— Из Италии и Панамы, — откликнулась Мартышка, — там в новогоднюю ночь выбрасывают из окон поломанную мебель, тряпье, даже старые кровати... Вот мы с

Гепардом и подняли на осину всякий хлам.

— Это был, что называется, мартышкин труд, — заметил Гепард. — Впрочем, собрать мусор оказалось нетрудно — в лесу полно консервных банок, тряпья, полиэтиленовых пакетов, разбитых бутылок... Спасибо туристам, это они оставили.

— Нет бы и для меня чего путного оставить, — посетовала Сова и пояснила в своей излюбленной манере — прибауткой:

*— А то ведь тащила горшки да кувшины
из глины я,*

*И дорога была у меня ох какая же длинная!
Да и глиняные миски путь проделали
неблизкий...*

Когда ее коллеги и приглашенные, которым Сова продемонстрировала доставленные ею гончарные изделия, поинтересовались, для какой цели она их приготовила и обязательно ли было нести сюда издалека такую тяжесть, она выдала еще одну прибаутку:

*— Ни к чему был груз полегче —
их тащила издалече*

Для веселых для затей изираненных гостей!

Некоторая тревога, возникшая в связи с упомянутыми Совой “изираненными”, как многим

послышалось, гостями, тотчас улеглась, как только выяснилось, что под “изираненными гостями” Сова подразумевает гостей из Ирана — в этой стране, оказывается, под Новый год принято разбивать в доме всю глиняную посуду.

— А из Бирмы ктонибудь есть? — Стрекоза обвела взглядом собравшихся у Елки. Никто

не отозвался. — Пока нет? Я для них подготовила вот это... — она подлетела к лежащим на земле большим тыквам. — Они выдолблены и налиты водой, гости из Бирмы наверняка обрадуются — ведь в новогодний праздник

там обливают друг друга с головы до ног, даже незнакомых!

— Так в Бирме-то этой небось на Новый год жарница стóит, не то что у нас, — Сова с сомнением покачала головой. — А в тыквах-то вода, чай, холодная...

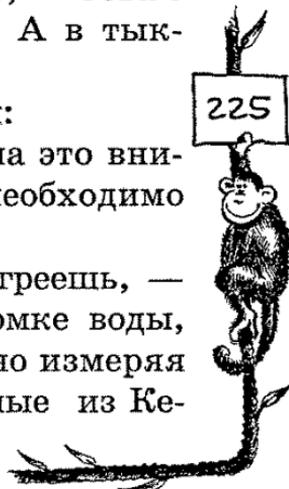
Кашалот одобрительно кивнул:

— Хорошо, что вы обратили на это внимание, уважаемая Сова, — воду необходимо подогреть!

— Но в озере-то воду не подогреешь, — Удильщик, подойдя к самой кромке воды, опустил в нее конец удочки, словно измеряя ее температуру. — А приглашенные из Ке-

225

КОАПП, КОАПП!

нии и Эфиопии обязательно захотят выкупаться — у них на родине с этого начинается встреча Нового года.

Мартышка сунула в воду палец и тут же отдернула, но тем не менее бодро заявила:

— Ничего, пусть закаляются — для здоровья нет ничего полезнее, чем окунуться в ледяную воду! Вон японские макаки — всю купаются в разгар зимы!

— Совершенно верно, — подтвердил Человек, — в горячих источниках.

Удостоверившись, что любознательные гости удовлетворены разъяснениями коапповцев, Кашалот предложил им занять свои места, сообщив в качестве напутствия еще об одном мудром новогоднем обычае, существующем в Гане:

все, кто ссорился в минувшем году, перед наступлением Нового года должны немедленно помириться!

— Особенно это относится к тем, — подчеркнул он, — кто будет встречать Новый год за одним столиком.

— А у японцев не менее разумный обычай, — заметил Человек: — тридцать первого декабря все обязаны расплатиться с долгами.

— Я вам что-нибудь должен, дорогой Человек? — озабоченно спросил Кашалот, воспринявший его замечание как намек.

— Да нет, это я так, к слову...

Когда приглашенные расселись, председатель

КОАПШа взял в лапс колокольчик и, позвонив последний раз в заканчивающемся году, произнес заранее приготовленный экспромт:

— Открываю очередное заседа... э-э, простите, я сказал это по привычке. Дорогие друзья! Разрешите мне нарушить традицию и нашу сегодняшнюю встречу открыть другими словами: с наступающим Новым годом! С

новым счастьем!

Слова эти были встречены ликующими возгласами и ответными пожеланиями. Дождавшись тишины, Кашалот продолжил:

— Уважаемые гости! Любимые мои соратники по Комитету Охраны Авторских Прав Природы! Сегодня мне выпала честь исполнить весьма приятную обязанность: вместо обычного заседания КОАПШа я открываю наш новогодний... — здесь Кашалот сделал небольшую паузу, после которой громко и

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

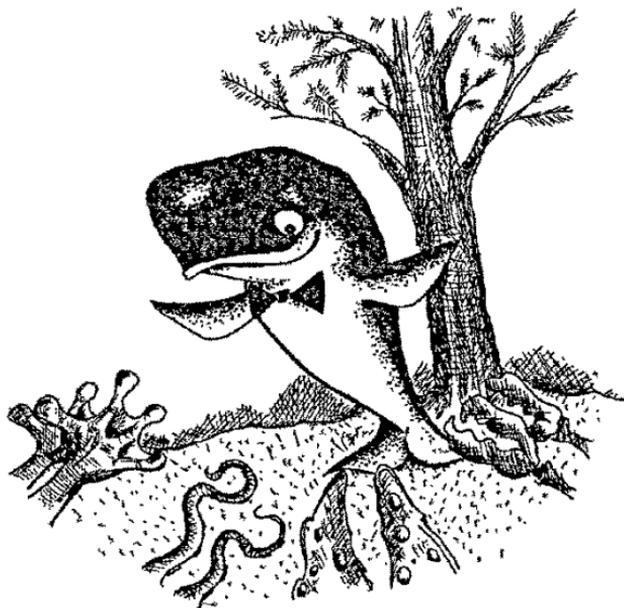
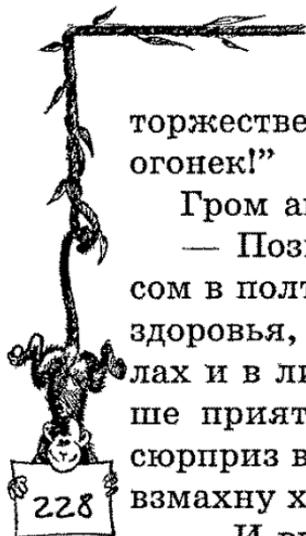
торжественно завершил фразу: — “Голубой огонек!”

Гром аплодисментов был ему ответом.

— Позвольте от всего моего сердца всем в полтонны поздравить вас и пожелать здоровья, счастья и удач во всех ваших делах и в личной жизни! И как можно больше приятных сюрпризов! Впрочем, один сюрприз вы получите немедленно: сейчас я взмахну хвостом, и ...

— И вы увидите, что произойдет! — закончила Мартышка и начала отсчитывать: — раз..., два..., два с половиной...

— Два и три четверти, — подсказала Стрекоза.

— Стрекоза, даже в такой торжественный момент вы умудрились меня перебить, — возмутилась Мартышка. — Три!!

Председатель эффектно взмахнул хвостом. Ярko засияла всеми двенадцатью лучами водруженная на вершину Елки Морская Звезда, вспыхнули бесчисленные разноцветные живые лампочки, расположившиеся на столиках Чудесные Лампы зажгли свои голубые фонарики. Собравшиеся не смогли удержать невольный вздох восхищения. Гепард счел момент подходящим, чтобы познать их с важной информацией:

— Новогодний праздник так чудесен и красочен, — проникновенно молвил он, —

что сам собой возникает законный вопрос: а почему, собственно, мы должны отмечать его, подобно Дню рождения, “только раз в году”, как с грустью поет в известной песенке крокодил Гена? Изучение накопленного в разных странах опыта показало, что это вовсе не обязательно! В этом отношении достоин подражания пример России. Двадцать пятого декабря вместе со многими странами мира здесь празднуют — очевидно, из солидарности, — католическое Рождество, затем в ночь на первое января — Новый год по

Григорианскому календарю, введенному в России декретом от 14 февраля 1918 года, седьмого января — православное Рождество, тринадцатого января — так называемый Старый Новый год, отмечавшийся до упомянутого декрета, а в конце января или в начале февраля — Новый год по лунному календарю, принятому в ряде стран Востока. Кое-кто намерен вернуть в обиход и встречу Старого-Престарого Нового года — первого сентября: его отмечали на Руси до Указа Петра Великого от 20 декабря 1699 года. При дальнейшем ознакомлении с проблемой выяснилось, что в Иране, Южной Индии и Афганистане Новый год встречают в марте, в Камбодже, на Цейлоне, в Бирме и в Северной Индии — в апреле, в индийском штате Керала — в июне, в Сирии и Эфиопии — в сентябре, в сентябре же и еврейский Новый год — Рош Ашана, в Западной Индии — в октябре или ноябре. В связи с вышеизложенным вполне реальной представляется возможность празднования Нового года если не еженедельно, то по меньшей мере ежемесячно.

Предложение было встречено с энтузиазмом. С менее масштабным предложением, зато более своевременным, обратилась к присутствующим Стрекоза:

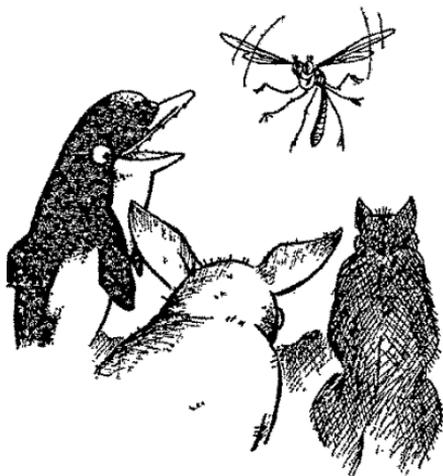
— Милые гости! Ничто так не сближает, как хорошая песня. Так давайте же споем тради-

ционную новогоднюю песенку! — и сама же запела:

— *В лесу родилась Елочка, в лесу она росла,
Зимой и летом стройная, зеленая была.*

Гости и коаповцы тотчас подхватили:

— *Трусишка Зайка серенький
под Елочкой скакал...*

Допеть они не успели — сидевший за одним столиком с Лисой и Орлом-Беркутом Зайчик-подросток внезапно вскочил с места и громко крикнул голосом, дрожавшим от негодования и обиды:

— Это неправда!
Зайцы не трусы!

Все смолкли, ошеломленные, только Рак пробормотал:

— Хорошенькое начало, многообещающее...

А Зайчик продолжил свою гневную тираду:

— Мы умеем постоять за себя — если Зайца наступают и вынуждают к обороне, он ложится на спину и отбивается задними ногами!

— Но, милый Зайчик, мы вовсе не хоте-

КОАПП, КОАПП!

ли... — начал было Кашалот, но юный защитник заячьей чести его не слушал:

— Да я вам сейчас приведу сотни примеров!

Кашалот застонал, а Гепард высказал здравую, но, увы, запоздалую мысль:

— Надо было исполнить “Песню без слов”...

Зайчик же все более распалялся:

— Во Владимирской области Лиса напала на Зайца — и поплатилась жизнью! Это видели люди!

После того, как Человек подтвердил, что данный факт действительно имел место, Сова обратила внимание на эффект, произведенный этим сообщением:

— Гляньте-ка, — Лисанька-то отодвигается...

И в самом деле, сидевшая за одним столиком с Зайчиком Лиса непроизвольно отодвинулась от него и придвинулась к Орлу-Беркуту, хотя, казалось бы, именно он мог представлять для нее реальную опасность. Зайчишка же вошел в раж:

— А бокс? Это спорт не для трусливых! Зайцы-боксеры во время февральских схваток так колошматят друг друга по физиономиям передними лапками — только держись! Да что

там друг друга — несколько лет назад одна Зайчиха избилла передними лапками Коршуна, причем она не защищалась, а сама нападала! Коршун хотел схватить ее зайчонка, несколько раз пикировал, Зайчиха его отгоняла, а потом изловчилась и ка-ак стукнет — он аж в сторону отлетел и тут же поскорее убрался восвояси! Это тоже видели люди!

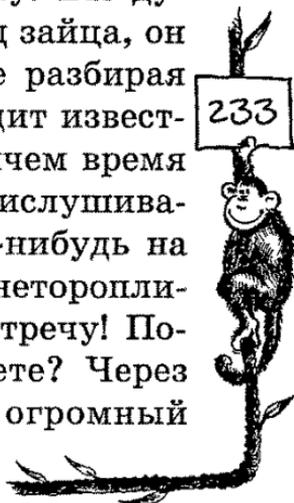

Теперь уже от Зайки стал потихоньку отодвигаться и Беркут... А он все вещал:

— А спросите-ка гончих собак — пусть они вам расскажут, как зайцы их с толку сбивают!

— Мы спросим, честное слово! — поспешно заверил Кашалот. — Я лично спрошу, сразу же после “Голубого огонька”...

— Нет, лучше я сам расскажу! Вы думаете, если гончие напали на след зайца, он удирает от них сломя голову, не разбирая дороги? Как бы не так! Заяц уходит известными ему тропами и лазами, причем время от времени останавливается и прислушивается — откуда слышен лай. Где-нибудь на опушке он поворачивает назад и неторопливо идет навстречу собакам. Навстречу! Получается двойной след, понимаете? Через несколько метров Заяц делает огромный

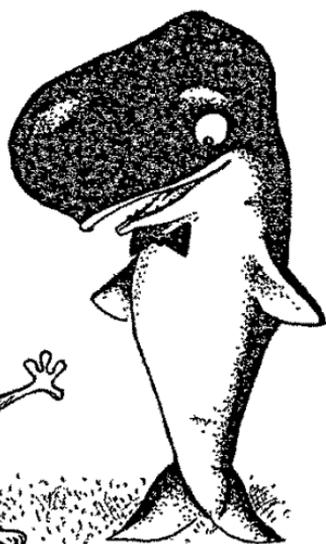

прыжок в сторону — и вот тут он показывает темп! Раз так сделает, другой, запутает след, а потом спокойно выбирает место для лежки. Собака может в пяти шагах от лежки пробежать — Заяц не шелохнется, не выдаст себя ни единым движением, только изготавится к прыжку на всякий случай, а если собака его не заметила, снова укладывается на отдых, хотя лай совсем рядом. У труса может быть такая выдержка? Кто из вас способен хладнокровно лежать, когда рядом шныряют преследователи?

— Вот разошелся! — Удильщик нервничал: все тщательно разработанные планы проведения “Голубого огонька” летели в тартарары... — Как его остановить?

— Я знаю, как! — осенило Стрекозу. — Его ведь задела песня, принижающая зайцев — значит, надо срочно спеть песню, восхваляющую зайцев! Ну хотя бы вот эту... — и она запела:

— А нам все равно, а нам все равно,
Станем мы храбрей и отважней Льва!..

В этот момент Мартышка заметила только что вбежавшую на поляну запыхавшуюся Мышь, за которой беспорядочной гурьбой следовала группа зверей, и радостно оповестила:

— Прибыл заказанный нами ансамбль! Надо же — как раз вовремя: в их репертуаре есть эта песня о зайцах, которые косят тринтраву.

— Нет-нет, — Кашалот в ужасе замахал ластами, — больше никаких песен о зайцах! Лучше что-нибудь нейтральное.

— У нас все нейтральное, — скороговоркой уведомила Мышь, подбегая. — Привет, где нам расположиться? Ага, вот эстрада. Мальчики, рассаживайтесь в темпе.

— Какая разношерстная компания... — промолвил Кашалот, с интересом наблюдая, как рассаживаются “мальчики”. — Кого тут только нет!

— Я могу точно сказать, кого тут нет: нет тех, кто НЕ выкармливает своих детенышей молоком, — Мышь сделала особое ударение на этом “НЕ”. — Гепард, вы нас объявите? Держите программку, — и она протянула ему листок с перечнем номеров.

— С величайшим удовольствием! — Гепард галантно поклонился, взял программ-

ку и, бегло просмотрев ее, обратился к гостям тоном конферансье:

— Друзья, нас удостоил своим посещением прославленный музыкальный коллектив, лауреат некоторых конкурсов, вокально-инструментальная рок-группа млекопитающих “Ревуны”!

— Вот это да! — восхищенно выдохнул кто-то.

— Об участниках этого ансамбля, — продолжил Гепард, — можно с полным основанием сказать, что они поют как звери! Поприветствуем их!

Под бурные аплодисменты рок-группа, продолжая рассаживаться, исполнила песню, представлявшую собой как бы ее музыкальную визитную карточку:

*Животных тоже посещают музы,
И не всегда мы мыслим лишь о том,
Чтоб поплотней набить едою пузо
И всяким барахлом наполнить дом...
Играют и поют в ансамбле звери, —
От крошки-Землеройки до Кита, —
И каждый в группе полностью уверен:
В восторге все от нашего хита!*

— А за последний хит, — с гордостью сообщила Мышь, — нашей группе присвоено имя

Аполлона! В Указе так и сказано: “Вышеупомянутый музыкальный коллектив впредь именоваться рок-группой “Ревуны” имени Аполлона”!

— Чей Указ-то, милая? — спросила Сова.

— Чурик, чей Указ? — Мышь адресовала свой вопрос великолепному черному догу. Он показал взглядом куда-то вверх и многозначительно протянул басом: — У-у-у...

Кашалот тоже взглянул вверх, никого там не увидел, но на всякий случай благоговейно прошептал:

— Неужели?! Я горю желанием послушать этот хит...

— Сначала нужно представить исполнителей, — сказала Мышь. — Гепард, Мартышка, возьмете это на себя?

Об этом можно было и не спрашивать — оба сочли предложение Мыши за честь. Право представить музыкантов первой Гепард, как джентльмен, уступил Мартышке.

— Прежде всего — вокальный квартет Ревунов, который и дал имя всей рок-группе, — Мартышка сделала картинный жест в сторону Ревунов, они выступили вперед, поклонились и оглушительно заревели. Сова всплеснула крыльями:

— Силы небесные, это что же, они все время будут так реветь? Глядишь, и мы все заревем...

— Не все, дорогая Сова, — возразил Гепард. — Многие находят, что хорошей ре

этих южноамериканских обезьян довольно благозвучен...

— Я тоже это нахожу, — вставил Человек. — Кроме того, в нем есть ритм.

— Еще бы ему не быть! — воскликнула Мартышка. — У них же в горле костяной барабан, не говоря уже о шести воздушных мешках!

— Семейное трио волков, — объявил Гепард, — Волчица, Волк и Волчонок. Как известно, волчий вой представляет собой последовательность чистых музыкальных тонов, которые образуют настоящую мелодию...

— Наши музыканты тоже так считают, — подтвердил Человек, а трое серых вокалистов подняли головы и продемонстрировали свое искусство. — А вот этологов, то есть специалистов по поведению животных, — заметил Человек, — пристрастие волков к вокалу ставит в тупик: ведь эти осторожнейшие звери, не в силах совладать со своей страстью к пению, нередко выдают тем самым свое местонахождение...

— Далее, — продолжила Мартышка, — вы видите смешанный хор Белок, Бурундуков и Летяг, они совсем недавно из самодеятельнос-

ти — у себя в лесу, собираясь вместе, частенько пели...

— Были услышаны, — добавила Мышь, — и приглашены в нашу рок-группу.

Перечисленные Мартышкой зверьки издали своеобразный щебет, довольно приятный для слуха.

— В рок-группу включены и Сирены, — сообщил Гепард.

— Так мы же все оглохнем, когда они завоюют, — пробурчал Рак.

— Речь идет о сладкозвучных Сиренах, — пояснил Гепард, — то есть о водных млекопитающих Ламантине и Дюгоне из отряда Сирен

— вон они, в озере, — и он обратился к представляемым исполнителям: — Подайте, пожалуйста, голос!

Из озера донесся тихий жалобный стон, крайне огорчивший Стрекозу.

— Стонать на годовом празднике?!

— расстроилась она.

— Этот стон у нас песней зовется... — меланхолично произнесли в унисон, высушившись из воды, Ламантин и Дюгонь.

Гепард поспешил успокоить Стрекозу:

— Не волнуйтесь, стонов мы не услышим

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

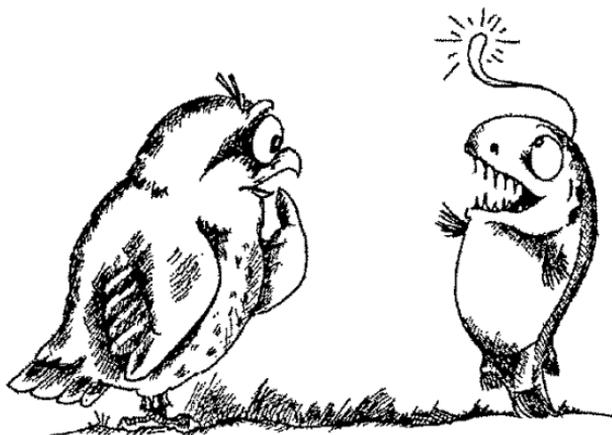
— их заглушит своим мощным мажорным басом самый крупный певец рок-группы, да и всей нашей планеты, — по размерам, я имею в виду, — Голубой Кит!

— Неужели и киты поют? — поразились Сова.

— Еще как! — вмешался Удильщик, оказавшийся давним поклонником китовых песен. — Кто у нас, в глубинах океана, не наслаждался их дивным пением! А каков диапазон: от инфразвука до ультразвука! Сомневаюсь, чтобы среди людей нашлись такие певцы...

— Увы, — вынужден был признать Человек, — киты превзошли даже знаменитую перуанскую певицу Иму Сумак: ее диапазон всего лишь от баса до колоратурного сопрано.

Кит тут же продемонстрировал возможности своего голоса, но не все способны были услышать его во всем диапазоне — слух Челове-

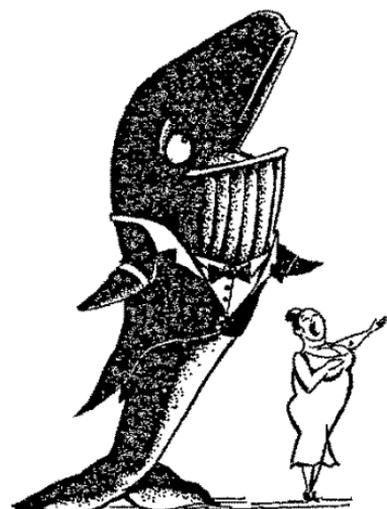
ка, например, воспринимал китовое пение лишь в ограниченных пределах от свиста до низкого звука, напоминающего пароходный гудок...

— Небось, Кит в группе главный? — предположила Сова, услышав и оценив его голос.

Мартышка отрицательно покачала головой:

— Нет, не он, Сова, — о руководителе группы я сейчас скажу, но перед этим несколько слов об ее инструментальной части. Это трубачи — Слон и Морж... между прочим, он трубит даже под водой.

Названные музыканты издали трубные звуки.

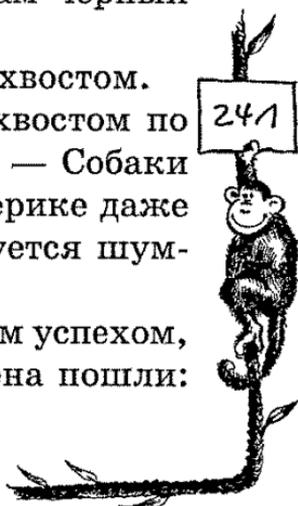
— И, наконец, очень важная в любом эстрадном коллективе фигура — ударник: уже знакомый нам черный дог по имени Чур!

— Ррр, — произнес дог, стуча хвостом.

— Он отбивает ритм, колотя хвостом по эстраде, — пояснила Мартышка. — Собаки вообще очень музыкальны: в Америке даже есть собачий джаз-гол, он пользуется шумным успехом!

— Лучше сказать, скандальным успехом, — проворчал Рак. — Ну и времена пошли: джазисты выступают голыми...

КОАПП, КОАПП!

— Не совсем так, уважаемый Рак, — заметил Человек. — Джаз-гол — это такой джаз, где все музыкальные номера исполняются только голосами, без сопровождения инструментов. Дрессировщик, организовавший джаз-гол, подобрал собак с разным по высоте лаем и обучил их лаять друг за другом так, чтобы получалась мелодия.

В этот момент Мышь поставила коапповцев в известность, что приготовления закончены, и рок-группа готова к выступлению.

— Перед вами, — торжественно провозгласил Гепард, указывая на нее лапой, — руководитель ансамбля и его солистка... Поющая Мышь!

Мышь поклонилась, сделала приветственный жест хвостиком и обратилась к аудитории с каверным вопросом:

— Как вы думаете, почему руководимой мною группе присвоили имя Аполлона?

Все задумались, но первым попытался ответить председатель КОАППа (он ведь во всем, по идее, должен быть первым):

— Ну... видимо, потому, что этот древнегреческий бог — покровитель искусств...

— И мышей! — Мышь явно упивалась произведенным эффектом.

— Мышей?! — воскликнули в один голос и хозяева Большой Коапповской Поляны, и их гости. Вот уж чего никто не ожидал от Аполлона...

— Да — покровитель и повелитель! Древние греки иногда так его и величали: Аполлон-мышатник! Я убеждена, что это связано с особыми заслугами моих сородичей в развитии вокального искусства. Петь обожают все мыши, особенно при звуках музыки,

и среди людей не так уж мало поклонников мышиного пения — они держат их дома в клетках вместо канареек. В качестве своего рода эпитафии к выступлению мне бы хотелось привести слова известного этолога Салли Кэрригер: “Одно время у меня была поющая мышь. Она начинала петь при звуках музыки, передававшейся по радио. Даже после того, как радио выключали, эта мышь продолжала слабеньким голоском выводить плавную, с канареечными трелями песенку”.

Удильщик из услышанного сделал практический вывод:

— Насколько я понял из прочитанного вами отрывка, дорогая Поющая Мышь, голо-

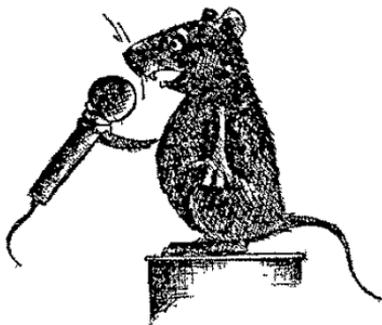
сок у мышей тихий, и поэтому — вот вам микрофон.

— Благодарю, я как раз хотела его попросить. Итак, мы начинаем! Первым номером мы, как всегда, отдаем дань классике... — тут Мышь приняла величественную позу (насколько это позволял ее рост) и очень торжественно объявила: — Старинный рождественский хорал тринадцатого века до нашей эры — “О, не лишай нас веры!” Имеется в виду вера во спасение...

— Духовное, стало быть, — Сова удовлетворенно кивнула. — Это хорошо.

Кашалот считал, что это не просто хорошо, а замечательно. Правда, его немножко смущало, каким образом рождественский хорал мог появиться за тринадцать веков до Рождества, но он решил, что на подобные мелочи не стоит обращать внимание...

— Мальчики, начали в темпе, — скомандовала Мышь. — Чурик, перестань улыбаться — это серьезная музыка... — и она запела дрожащим голосом на мотив, который многим показался очень знакомым (уже потом они вспомнили, что это была мелодия известной песни “Вечерний звон”):

*Медвежий рев,
Голодный рев,
От страха сты-ы-ы-
-нет в жилах кровь...*

А хор, где, естественно, выделялись могучие голоса Ревунов и Кита, повторял вслед за солисткой окончание каждой строки:

“Рев, рев...Рев, рев... Сты, сты... Кровь, кровь...”

Над поляной повисла гнетущая тишина, затем ее нарушил голос Сова:

— Даже Зайчишка притих, уж на что храбрый. Видать, о Медведе-шатуне вы пели, который спать

на зиму не лёг али люди по неразумению своему спячку прервали?

— Вы угадали, Сова, — подтвердила Мышь, — это из программы “Для тех, кто не спит”.

— Что ж, старинный хорал сохранил свою злободневность и в наши дни, — заметил Человек, — медведи-шатуны и сейчас не менее опасны.

— Естественно, — поддержала Мартышка, — ведь в зимнем лесу им по-прежнему нечего есть!

— Дорогая Мышь, — Кашалот изо всех

КОАПП, КОАПП!

сил старался высказать свое впечатление как можно мягче, — я... я обожаю старинную музыку, но, видите ли... ммм...

— Для Нового года этот номер несколько мрачноват? — Мышь сама пришла ему на помощь. — Вы это хотели сказать?

— Да... и потом я, признаться, представлял себе рок-музыку несколько иначе...

— Ничего удивительного, дорогой Кашалот, — вмешалась Мартышка, — только при встрече с Медведем-шатуном нос к носу можно по-настоящему прочувствовать, что это действительно рок!

— Я бы даже сказал, тяжелый рок, при котором как никогда нужна вера во спасение, — добавил Гепард.

— Следующий роковой...то есть, роковый номер, — тут же поправилась Мышь, — будет полегче и повеселее: это как раз тот самый хит! — и она объявила: “Песня Песца за сценой”!

— Моя любимая! — воскликнула Стрекоза, перепутав объявленный номер с “Песней пещера за сценой”, и восторженно пропела: “Страстью и негою сердце трепещет...” — она бы пела и дальше, если бы председатель КОАППа не оборвал ее репликой:

— Стрекоза, кто здесь дает концерт?

— То, что она пела, — послышался приближающийся голо — как говорится, совсем из другой оперы!

— Те же и Песец, собственной персоной, — прокомментировал Гепард, ибо это и в самом деле был Песец. Никто не заметил, как он появился на поляне. Рок-группа встретила его радостными возгласами:

— Надо же — успел!

— Из такой дали!

Руководительница группы радовалась не меньше других:

— Я уж думала, мне придется вместо тебя исполнять... Давай, дружок, в темпе!

Песец забрался на эстраду, стал к микрофону и открыл уже было рот, но Стрекоза опередила его вопросом:

— Милый Песец, вы ска-

зали, что я пела из другой оперы... а ваш хит из какой оперы?

— Как, вы не знаете? — удивился Песец.

— Из знаменитой рок-оперы “Великая дружба”! Кстати, ее действительно преследовал рок...

Услышав название оперы, Сова задумалась, явно пытаясь что-то вспомнить, и наконец спросила:

— Уж не та ли это, часом, опера, которую во время оно начальство у людей изругало?

Кашалот кивнул:

КОАПП, КОАПП!

— Да-да, я тоже припоминаю...

Мартышка замахала руками:

— “Изругало”? Да что вы, не то слово — камня на камне не оставило! Этой оперой занялись оперуполномоченные, был жуткий скандал, а я обожаю скандалы, так что спойте, Песец, свой хит, — за сценой или перед сценой, только побыстрее!

— Но не все тут знакомы с сюжетом оперы, — возразил Песец, — а без него хит будет непонятен. Поэтому сначала — необходимо пояснение...

Что нужно Песцу для счастья? Вдоволь еды и хорошая нора. С норой будет все в порядке, если в летней тундре, среди сплошных болот, Песец найдет сухое место. Выроет он тогда под землей настоящий лабиринт — одних входов и выходов там будет чуть ли не сотня! С едой еще проще: и летом, среди травы, и зимой, под снегом, по заполярной тундре снуют бесчисленные лемминги — грызуны, напоминающие хомяка. Ничто не нарушает безмятежного песцового существования, ничто, казалось бы, не предвещает драмы... Таково содержание первого действия.

Действие второе. Бывают годы, когда лемминги вдруг почти исчезают, а те, что остаются, песцам, можно сказать, на один зуб. И приходится им, бедолагам уходить из родной тундры на юг, в леса... Герой рок-оперы в отчаянии — ему претит мысль о том, что он вы-

нужден, подчиняясь жестокой судьбе, удалиться, как сказал поэт, “с милого Севера в сторону южную”... Но иного выхода нет! И несчастный поет трагическую арию, в которой со слезами прощается с родимым краем...

Действие третье. Песец уже почти смирился со своей участью и собирается вот-вот покинуть дорогое сердцу Заполярье, однако этой беде не суждено свершиться: неожиданно появляется добрый Дед Мороз в облике Белого Медведя. Герой с легким сердцем отправляется вместе с ним путешествовать по Арктике, доходит до Северного полюса, причем Белый Медведь со свойственной ему щедростью оставляет Песцу часть своего обеда — предварительно, конечно, наевшись сам... Хит, который вы сейчас услышите, посвящен этой бескорыстной Великой Дружбе — в нем воспевается помощь Большого — с Большой буквы — маленькому — с малень-

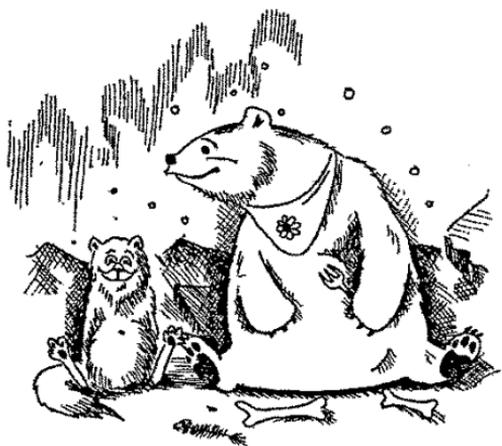
кой буквы! Остается добавить, что сюжет взят из жизни — мне самому посчастливилось встретить Белого Медведя, с которым я в скудные на леммингов годы брожу по арктическим льдам... Итак — “Песня Песца за сценой”. Чурик, не сбейся с такта.

— Да, это было бы большой бестактностью, — заметила Мышь.

Мелодия хита, который исполнил Песец,

тоже была знакомой — во

всяком случае для тех, кто смотрел фильм “Кавказская пленница”. Правда, в данном варианте песни действие происходило очень далеко от Кавказа. Вот ее текст:

*Много чудес на свете
Видеть мне довелось...
Терся и я с Медведем
О земную ось.
Бродим мы с ним по льдинам,
Кормит меня мой друг —
Счастлив, что не один он
Средь ледяных заструг!
Ля, ля-ля-ля, ля-ля,
Ля, ля-ля-ля, ля-ля...*

На последних тактах песни ударник Чур, продолжая ритмично колотить хвостом по эстраде, озабоченно произнес вполголоса:

— Братцы, горим — нам сейчас выступить на козьей ферме, а мы еще не репетировали.

— Разучим по дороге, — откликнулась Мышь. — Мальчики, сворачивайтесь.

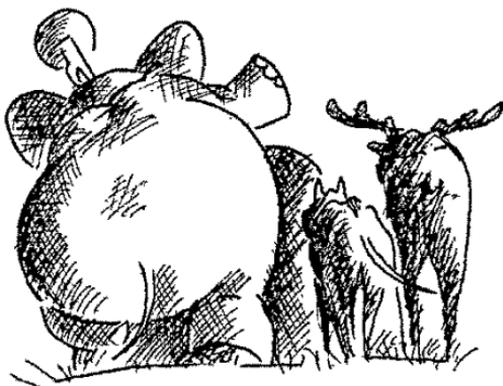
— Как, уже? — обескуражено спросил Кашалот.

Песец развел лапами:

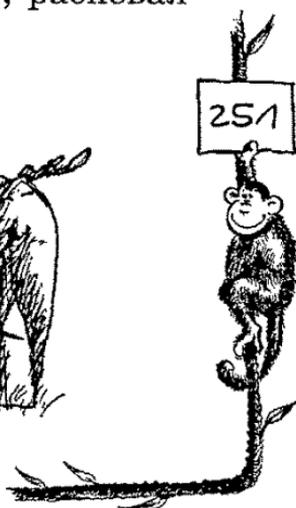
— Что поделаешь — у эстрадных музыкантов сейчас страда: до утра мы должны выступить еще на девяти площадках...

— У артистов и в обычные-то праздники день год кормит, в еще большей степени, чем в сельском хозяйстве, — деловито объяснила Мышь, — а уж в новогодние нас кормят и день, и ночь, так что всего вам наилучшего. Мальчики, за мной! Разучиваем в темпе...

Мышь побежала к выходу, остальные члены рок-группы еле поспевали за ней, распевая на ходу:

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

*У козочек наших
Такие глаза...
Заглянешь — не скажешь,
Что это коза!*

— Да, ничего не скажешь, — заметил Гепард со знанием дела, — глаза у копытных выразительные...

— Боюсь, Гепард, — сокрушенно промолвил Кашалот, — что в данную минуту глаза копытных и прочих наших гостей выражают разочарование, недоумение и немой укор: пригласили — и вот...

Однако Мартышка с ним решительно не согласилась:

— А по-моему, ни у гостей, ни у нас нет абсолютно никаких причин для огорчения, даже наоборот — очень хорошо, что “Ревуны” ушли! Ведь они выступают так часто, а в Новый год хочется услышать новые, свежие голоса!

— И они есть! — подхватил Удильщик. — Причем здесь, среди наших гостей! Взгляните-ка во-он туда...

Все посмотрели в указанном Удильщиком направлении и увидели небольшой кустик.

— Вы имеете удовольствие лицезреть замечательную исполнительницу старинных роман-

сов! — в голосе Удильщика слышалась гордость за то, что именно он представляет ее собравшимся.

— Певица-то скромная видать, — одобрительно сказала Сова, — за кустик спряталась.

— Этот “кустик”, уважаемая Сова, — Удильщик вложил в слово “кустик” всю иронию, на какую был способен, — пресноводная губка Бодяга, украшение нашего “Голубого огонька”!

— И ванной комнаты, — добавила Стрекоза.

— Скорее уж аптеки, — возразил Человек. — В отличие от морской туалетной губки, каркас которой состоит из мягких и эластичных роговых волокон, каркас Бо-

дяги жесткий, в нем множество кремниевых иголочек, и если высушенной Бодягой трут кожу, к ней приливает кровь.

— Жесткий характер, стало быть, у дорогой гостьи, — заключила Сова, — согласится ли она петь?

— Я не Стеклянная губка, ломаться не стану, — Бодяга поднялась со своего места и, пробравшись между столиками, забралась на эстраду. От микрофона она отказалась, презрительно заметив: — Вы мне еще под фонограмму предложите спеть... Нет уж, я

лучше по-старинному — пели ведь в былые времена и без всяких там микрофонов, и неплохо, между прочим, пели...

Кто-то протянул ей гитару, Бодяга стала перебирать струны своими “веточками”.

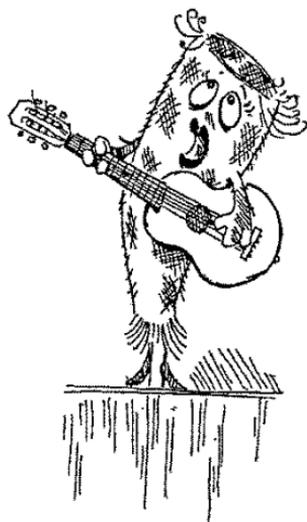
— Если позволите, — почтительно обратился к ней Удильщик, — я сначала скажу несколько слов об истоках вашего творчества.

Бодяга кивнула свободными от гитары “веточками” и, пока Удильщик говорил, продолжала тихонечко наигрывать. А речь его звучала удивительно проникновенно...

— Друзья мои! — воскликнул он с пафосом. — Бодяга, этот, в сущности, простой мешочек из двух слоев клеток, поднялась из самых глубин... правда, небольших, но ее сестры, морские губки, живут и на полуторакилометровой глубине. Этот невзрачный бурый кустик, словно чистый родник...

На этой высокой ноте Удильщик был прерван — и как раз той, о ком так прочувствованно вещал:

— Родник — это вы хорошо сказали. Губку — любую, не только меня — величают “живым насосом с фильтром”. Это за то, что мы

день и ночь воду через себя перекачиваем — до двух тысяч литров в сутки. Бактерий и всяких других одноклеточных мы съедаем, однако и прочую муть задерживаем. Так мы и реки очищаем, и озера, и целые океаны. Вот и в песнях, я считаю, главное — чистота... — и она запела:

*Расскажи, расскажи, Бодяга,
Чья ты родом, откуда ты?
Ой, да я не помню, ой, да я не знаю...*

— Не мудрено забыть, — задумчиво произнес Кашалот, — столько воды утекло... Ведь губки — одно из древнейших на Земле животных...

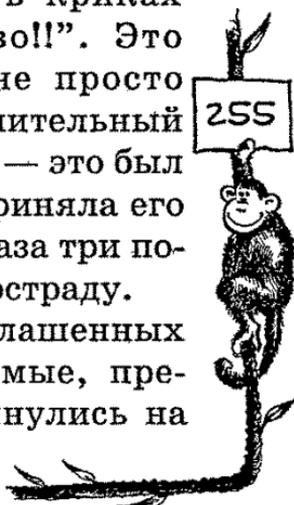
Последние аккорды гитары потонули в криках “Браво!”. Это был не просто оглушительный успех — это был

блестательный триумф! Бодяга приняла его со скромным достоинством. Она раза три поклонилась и не спеша покинула эстраду.

Что тут началось! Сотни приглашенных — звери, птицы, рыбы, насекомые, пресмыкающиеся, амфибии... — ринулись на

255

КОАПП, КОАПП!

сцену. Каждый старался завладеть микрофоном. Возле него возникло столпотворение и даже давка...

— Похоже, что триумф Бодяги придал смелости всем, кто способен извлекать из себя хоть какие-нибудь звуки, — заметил Гепард. — Впрочем, это естественно — нынче всем хочется стяжать лавры на песенном поприще... — с этими словами он прыгнул на эстраду и быстро навел среди “стяжателей лавров” порядок.

— И правильно, — одобрил его действия Рак, — песен на сегодня более чем достаточно.

— Песен никогда не бывает “более чем достаточно”, — сказала Мартышка, — но по программе “Голубого огонька” на данный момент у нас запланировано совсем другое мероприятие, — и обратившись к сидящим за столиками, она громко объявила: — Внимание! Сейчас состоится новогодняя викторина “Знаешь ли ты животных?” Мы, действительные члены и члены-корреспонденты КОАППа, будем задавать стихотворные вопросы, а вы, дорогие гости, постарайтесь на них ответить.

— Само-собой, право задать первый вопрос мы предоставляем нашему талантливейшему из председателей, — подхватил Удильщик, — непревзойденному мастеру стихотворного экспромта!

Кашалот приосанился и, победоносно оглядев аудиторию, изрек:

— Друзья, сейчас я прочту экспромт, заготовленный мною еще месяц назад специально к новогодней встрече! — и он продекламировал:

*Всегда в одежде рваной плавает, —
Не потому, что очень беден:
В своих лохмотьях между травмами
Он совершенно незаметен...
И полностью пословица относится к нему:
“Встречают по одежке, провожают по уму!”*

— Ну, угадайте, — кто это?

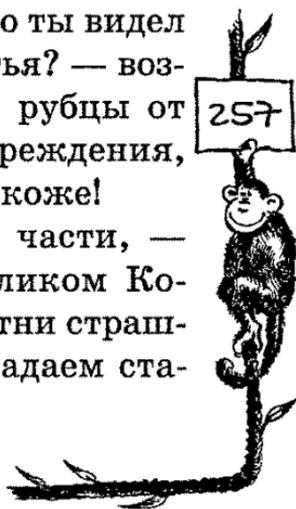
Наступило молчание. Все задумались. Вдруг Гигантский Кальмар, сидевший за одним столиком с Кашалотом, хлопнул себя ловчим щупальцем по голове и вскричал:

— Я догадался — это же ты, Кашалот, после нашей схватки!

— Когда это ты видел на мне лохмотья? — возмутился Кашалот. — Кольцевые рубцы от твоих присосок — вот и все повреждения, какие ты способен нанести моей коже!

— Лохмотья — это по нашей части, — сказал сидевший за тем же столиком Косатка и улыбнулся, показав полсотни страшных зубов. — Особенно если нападаем стайей.

КОАПП, КОАПП!

Кашалот даже зажмурился, представив эту картину, но тут же взял себя в лапы и заявил даже с некоторым вызовом:

— Все равно не угадал — ведь в загадке сказано “между травами”, а не в моих привычках держаться среди морской травы.

— Может, она про меня, эта загадка? — произнес кто-то робко и как бы извиняясь.

Все повернулись на голос и увидели сравнительно небольшое, примерно с четверть метра, существо, похожее то ли на огородное пугало, то ли на дервиша в рубище, то ли на какую-то диковинную помесь Лешего с Кощеем Бессмертным... На худющем,

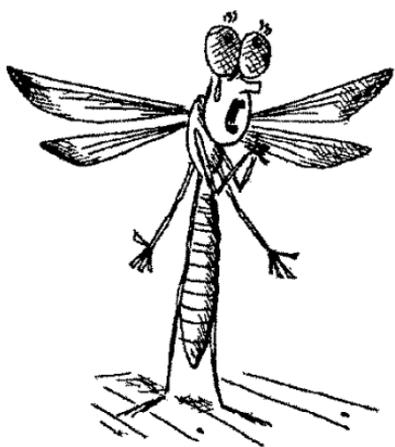
— ребра выпирают, — тельце болталось множество длинных мягких выростов. Впечатление было такое, словно на существо надели длинную рубашку, а затем всю ее разодрали на десятки тряпичных лент и лоскутов. Тельце увенчивалось головой, отдаленно напоминавшей конскую, вернее, карикатуру на нее.

— Меня зовут Морской Конек-Тряпичник, — сказало существо все тем же извиняющимся тоном, словно оправдываясь за свою несуразную внешность. — Говорят, у людей такую одежду надевают, чтобы разжалобить окружа-

ющих и что-нибудь у них выклянчить. Но мне ни от кого ничего не нужно. Наоборот — я оделся так как раз для того, чтобы окружающие оставили меня в покое. Я живу у берегов Австралии, среди водорослей, провожу дни, зацепившись хвостиком за какой-нибудь стебелек, мои выросты колышутся в воде, и благодаря им меня тоже принимают за водоросль...

Кашалот подтвердил, что в его стихотворном “экспромте” действительно имелась в виду эта удивительная рыба. Интересно, что и здесь, на новогоднем празднике, окружающие оставили Морского Конька-Тряпичника в покое: за

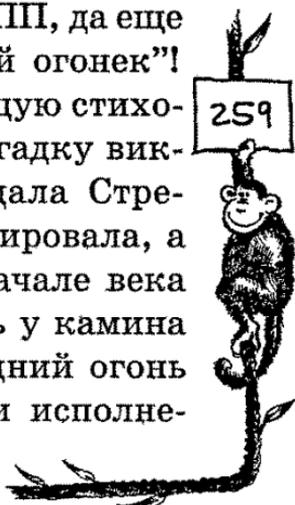

столиком он был один, так как никто из гостей не решался к нему подсесть — неизвестно ведь, чего можно ждать от субъекта, который явился в таком нецелесообразном виде в КОАПП, да еще на “Голубой огонек”!

Следующую стихотворную загадку викторины задала Стрекоза, только она ее не продекламировала, а спела на мотив популярного в начале века “жесточкого” романса “Ты сидишь у камина и смотришь с тоской, как последний огонь догорает...” Как и положено при исполне-

259

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

нии подобных романсов, пела она с надрывом и слезой в голосе:

*Ты сидишь на травинке
и смотришь с тоской,
Как последний Комар улетает...
Что ж ты тощий, колючий
и плоский такой,
Ну скажи, что тебя угнетает?
И зачем ты молитвенно руки сложил,
В них зажав обреченную Муху?
Иль надеешься страстной мольбою души
Облегчить ей предсмертную муку?*

Последние слова романса Стрекоза допела с трудом, срывающимся голосом, и тут же разрыдалась. Коапповцы и гости кинулись ее утешать, что им вскоре почти удалось — она лишь повторяла, всхлипывая:

— Не могу удержаться от слез — так мне жаль беденького Богомольчика...

Но у одного из гостей переживания Стрекозы вызвали не сочувствие, а насмешку. Это был сам герой романса Богомол, точнее, один их двух тысяч видов богомоллов, обитающих на Земле, — африканский красавец Идолум Диаболикум, что в переводе значит “Дьявольский Лик”. Поднявшись из-за столи-

ка во весь свой весьма внушительный для насекомого рост, воздев к небесам раскинутые в стороны м гучие, окрашенные в ярко-красный и ярко-желтый цвета руки (назвать их передними ногами язык не поворачивается), с двумя длинными оранжевыми перьями на голове, он был необыкновенно похож на Мефистофеля из оперы Гуно “Фауст” — вот-вот запоет шалашинским басом: “На Земле есть род людской”...

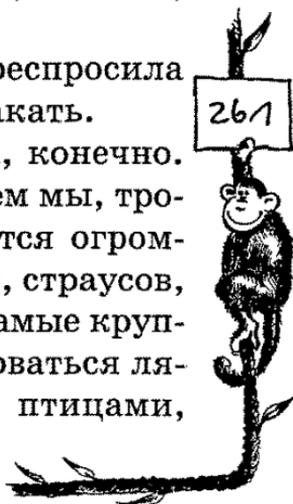
Но вместо этого Богомол заявил — правда, с истинно мефистофельской язвительностью:

— Я очарован, восхищен и бесконечно расстроган! Во-первых, это же совершенно новый способ проведения викторин: тот, кто задает вопрос, сам на него и отвечает! Во-вторых, и это главное — наконец-то нашлась добрая душа, пожалевшая нас, несчастных богомоллов... Бедняжку Обыкновенного Богомола, съедающего за всю свою пятимесячную жизнь меньше трех тысяч кузнечиков, жуков, мух, бабочек, гусениц, клопов, комаров, а также, пардон, стрекоз...

— Стрекоз? — растерянно переспросила Стрекоза, мгновенно перестав плакать.

— Не на территории КОАППа, конечно. Еще большей жалости заслуживаем мы, тропические богомолы: кругом пасутся огромные стада антилоп, зебр, буйволов, страусов, жирафов... — и в это время даже самые крупные из нас вынуждены довольствоваться лягушками, ящерицами, мелкими птицами,

261

мышами, небольшими змеями... С какой завистью смотрим мы на своих соседей — львов, леопардов, гепардов, гиен, гиеновых собак... И насколько же легче на сердце, когда знаешь, что кто-то горько оплакивает твою горькую судьбу!

Окончание этой иронически-напыщенной речи было заглушено взрывом смеха.

Третий вопрос викторины продекламировала Мартышка:

*Если вру — пускай умру, —
Не сейчас, так после...
Зверь похож на кенгуру
С головою ослика.
Роет ход быстрее, чем Крот,
И в песке, и в глине,
В трубку вытянулся рот
Длинную-предлинную!
Что там рот — и зубки
Превратились в трубки!
Там, где он живет,
Всё наоборот.*

— Нет такого зверя,
— буркнул Рак. — И
быть не может.

— Может или не может
— это вы сейчас узнаете! —
донесся с крайнего, у самого леса, столика веселый голос.

— Кто это? — Кашалот пытался разглядеть крикнувшего, но никого не увидел.

— Крикнул да пропал, незнамо кто, — сказала Сова. — Только и успела углядеть, что рыжий да ушастый.

— А я и этого не успел заметить, — Удильщик в недоумении развел плавниками. — Он так внезапно исчез — как сквозь землю провалился!

— В самом прямом смысле, — произнес тот же веселый голос, но уже откуда-то снизу.

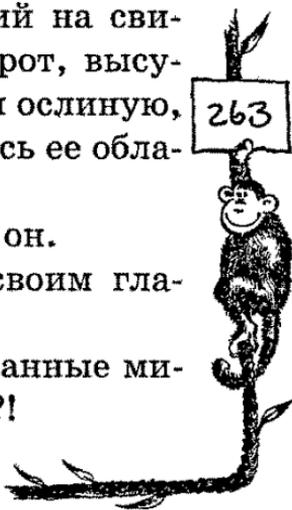
Земля у ног коапповцев вдруг зашевелилась, показался пятачок, похожий на свиной, потом вытянутый в трубку рот, высунулась вся голова, напоминающая ослиную, а затем на поверхность вылез и весь ее обладатель.

— Трубкозуб, — представился он.

Стрекоза не могла поверить своим глазам:

— Неужели вы сумели за считанные минуты прорыть ход оттуда досюда?!

КОАПП, КОАПП!

— Да еще такой, что и Человек запросто пролезет! — вторил ей Удильщик.

Трубказуб ответил вопросом на вопрос:

— А за что, вы полагаете, люди зовут меня “живой землеройной машиной”? За красивые глаза?

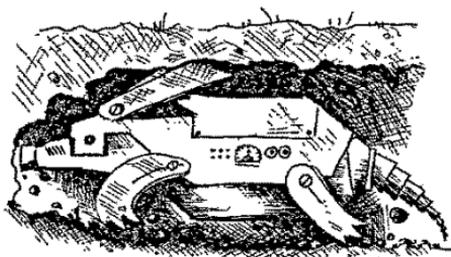
— Ну и как, уважаемый Рак? — в голосе Мартышки звучало торжество. — Вы и сейчас станете утверждать, что такого зверя нет и быть не может?

Но Рак не был бы вечным ворчуном Раком, если бы просто признал, что был неправ. Поискав мысленно, к чему бы еще придраться, он подозрительно осведомился:

— А что значит: “Там, где он живет, всё наоборот”?

— Это значит, — парировала Мартышка, — что Трубказуб живет в Южной Африке, а там сейчас не разгар зимы, как здесь, а наоборот — разгар лета! Вы даже этого не знаете?

Неизвестно, долго ли она подтрунивала бы над Раком, если бы птица-Секретарь, все еще находившаяся у входа на поляну, не прокричала свое “Коап, коап!”. Кашалот попросил Мартышку выяснить, в чем дело. Она и сама была не прочь это узнать и уже побежала было ..

однако, увидев кого-то, повернула с полпути обратно, крича на ходу с ликованием:

— Ни за что не догадаетесь, кто к нам пришел!... Ой, да это же отличная тема еще для одного викторинного вопроса! — и она с лукавым видом продекламовала:

*В белой шубе, в шапке белой,
Он подарки всем принес!
Отвечай-ка, самый смелый.
Кто же это?*

Смелчаков оказалось хоть отбавляй, и на вопрос Мартышки откликнулся тысячеголосый хор, произнесший:

— Дед Мороз!

— Тоже мне загадка, — усмехнулся Рак.

— А вот и нет! — Мартышка залилась смехом. — Вовсе это не Дед Мороз, а Горилла-альби-

нос!

Тут и гости, и коаповцы с изумлением увидели приближавшегося совершенно белого, даже белоснежного, Гориллу-альбиноса. Он нес большой мешок из яркой ткани. Положив мешок перед Кашалотом, он сказал, смутившись:

КОАПП, КОАПП!

265

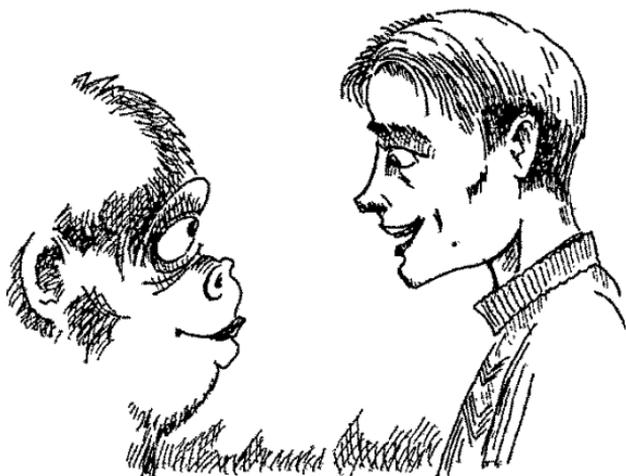

— Вообще-то я не старик, а мальчик, только бороду привязал. Меня зовут Снежок. Так называли меня люди, когда познакомились со мной. А встретились мы в моих родных джунглях Рио-Муни — это Экваториальная Гвинея.

— Знакомство с тобой, милый Снежок, вызвало среди ученых настоящую сенсацию, — заметил Человек. — До этого никто никогда не видел Гориллы-альбиноса, ты первый.*

— Быть первым очень приятно, — признался Снежок. — Я и подарки вызвался сюда принести, потому что всегда их приносит Дед Мороз-Человек, а тут впервые принес Дед Мороз-Горилла. По-моему, самый замечательный подарок вот этот... — он запустил руку в мешок и извлек оттуда плоский квадратный пакет, обклеенный яркими марками, после чего произнес напыщенную, совсем не детскую фразу, которой его явно научили взрослые:

* Снежок и поныне жив-здоров и обитает в Барселонском зоопарке. Он, конечно, давно стал взрослым. Его популярность у барселонцев стала причиной забавного недоразумения. В Барселону приехал на гастроли наш Театр оперы и балета. В его репертуаре была и опера "Снегурочка". Но это прелестное создание — дитя русского фольклора. Как перевести "Снегурочку" для афиши? Перевели словом "Снежинка" — по-испански, "Эстрейя де ньева", буквально "Снежная звездочка". Но барселонцы решили ("Каждый слышит то, чем дышит"), что так ласково окрестили в афише их обожаемого Снежка, Бола де ньева — буквально "Снежный шар". И, стало быть, опера про их любимца. Народ валом валил на оперу и, надо полагать, слегка недоумевал, в каком образе представлен их Снежок. А может, был польщен? — кто знает...

— Вручая его, я испытываю гордость за всё своё талантливое обезьянье племя! — и Снежок протянул пакет коапповцам.

“Бесценная бандероль” было написано на нем. “Адрес отправителя: Перу. Отправитель Капуцин”.

— Это южноамериканская обезьяна, говорят, самая одаренная, — воскликнула Мартышка. — Капуцины пользуются орудиями труда — они колют орехи камнем! Что же в пакете?

Мартышка вскрыла его, в нем оказалась грампластинка. На конверте под обозначением класса пластинки, — “Недолгоиграющая”, — и названием песни, — “Волшебный хвост”, — был и в самом деле изображен чей-то пушистый хвост. Надпись под рисунком гласила: “Практически всеобрази-

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

дельное искусства держится на кончике этого хвоста. Так сказал Пи-Уай”.

— Пи-Уай, — задумчиво повторил Человек. — Знакомое имя, но не могу вспомнить, чье.

Тем временем Мартышка, вытаскивая из конверта пластинку, обнаружила, что в него вложено и письмо. Развернув его, она прочла:

— “Мои далекие друзья из КОАППа! Эта пластинка — новогодний подарок герою песни “Волшебный хвост”. Мой знаменитый дедушка Пи-Уай всю жизнь мечтал о встрече с ним и не уставал повторять: “Если бы у меня был такой хвост, я бы оставил свои мелки и занимался только акварелью и живописью”.

— Я вспомнил, кто такой Пи-Уай! — воскликнул Человек. — Это Капуцин из Перу, он жил в Чикаго, в лаборатории психолога Клувера, и очень любил рисовать цветными мелками — оторвать его от этого занятия было невозможно! И ученые, и художники утверждают, что в его рисунках явно ощущалось чувство цвета и композиции. Что же касается героя песни, то это, конечно...

Но всё, в том числе и Кашалот, запротестовали — и коапповцам, и гостям хотелось самим догадаться, кто же этот таинственный обладатель замечательного хвоста, они рассматривали это как своего рода продолжение викторины.

Мартышка поставила пластинку на проигрыватель. Вот текст песни, которую спели то вместе, то поочередно два голоса — женский и мужской:

- Расскажи ты мне, дружок,
Что такое Колонок?
- Кто ж не знает — Колонок
Просто небольшой зверек...
- Но зверек не так-то прост —
У него волшебный хвост
И в искусстве очень-очень важный пост!
Если мастера рука
Держит кисть из Колонка,
Сможет он создать шедевры на века!

КОАПП, КОАПП!

— Видите, — сказал Человек, — и угадывать не пришлось. Что ж, песня права: у колонковой кисти и в самом деле совершенно уникальные свойства! Сравните: беличья кисть годится только для акварели, медвежья или кисть из свиной щетины — для масляных красок, а колонковая универсальна: акварель, масло, гуашь, темпера... Эта кисть эластична и упруга, она сохраняет свою форму и, главное, краску отдает не сразу, а постепенно, как фломастер. Этой кистью, словно остро отточенным карандашом, можно прописывать самые тонкие детали картины.

Услышав это, Удильщик оживился.

— Коллеги, — напомнил он, — а ведь мы собирались после Нового года заказать групповой портрет членов КОАППа. Как вы сами понимаете, фигуру нашего обожаемого председателя необходимо изобразить с самыми тонкими деталями!

Сова с сомнением покачала головой:

— Это ж сколько кистей понадобится, а хвост-то Колонку, чай, самому нужон. Слышь, Человек, у вас вроде мех делают этот, как его... сенти... синте...

— Синтетический, — подсказал Человек.

— Во-во. Так неужто и кисть нельзя сделать?

Увы, Человек вынужден был разочаровать и ее, и остальных своих коллег по КОАППу:

— К великому сожалению, сколько ни бьются химики, им пока не удалось создать искусственный волос, не уступающий колонковому.

Стрекозу вдруг осенила оригинальная идея:

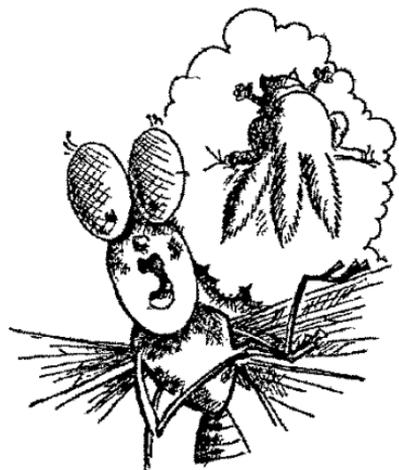
— Тогда нужно научить Колонков отбрасывать хвост и взамен его отращивать новый, как это делают ящерицы... — Стрекоза скользнула взглядом по гостям, отыскивая Ящерицу,

чтобы та прямо тут же, на “Голубом огоньке”, продемонстрировала это свое умение, как вдруг заметила в озере плывущую к берегу пару, которая ее чрезвычайно заинтересовала... — А еще лучше, — радостно возвестила она, — если колонки научатся отращивать по нескольку десятков хвостов — вон

как у тех двух странных существ, что плывут сюда!

Все посмотрели на озеро и увидели упомянутую Стрекозой пару. Удильщик при виде новых гостей прямо-таки засиял!

— Да это у них вовсе не хвосты, а руки! Дорогие коллеги, уважаемые гости, — вскричал он в волнении, — вы не представляете, кто к нам приплыл: это замечательная супружеская пара, оба изобретатели — и муж,

271

КОАПП, КОАПП!

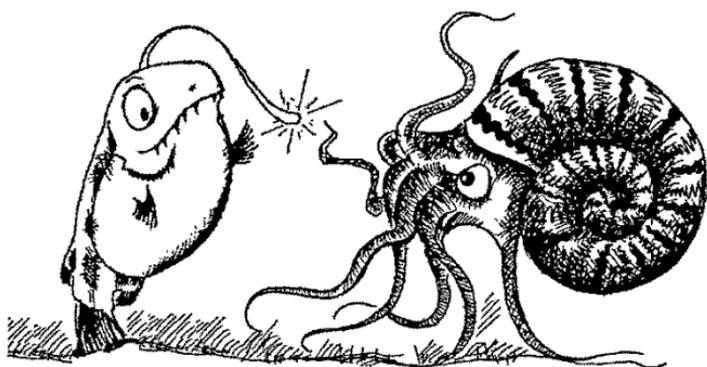
и жена! Я уж думал, они забудут о приглашении — вечно поглощены своими проектами, идеями... Я даже песню о них сложил — настолько меня обрадовало их прибытие! — и Удильщик, не утруждая себя долгими поисками подходящей мелодии, спел только что сочиненную от избытка чувств песенку на мотив только что услышанной песни о Колонке:

*Если вместе триста рук,
Значит рядом пять друзей,
Если рядом пять друзей,
Жить на свете веселей!*

— Сосчитано правильно? — многорукий гость, подплывший к берегу первым, на мгновение задумался. — Сейчас проверим... У меня шестьдесят рук, шестьдесят на пять — триста. Всё точно — по крайней мере в отношении меня. Ну, здравствуйте, с наступающим, будем знакомы: головоногий моллюск Наутилус, а вон там моя дражайшая супруга, — он указал всеми шестюдесятью щупальцами на несколько отставшую жену.

Все радостно приветствовали супружескую пару изобретателей, а Кашалот, сделав радушный жест ластами, сказал:

— Добро пожаловать на наш новогодний “Голубой огонек”!

— Надеюсь, дорогой Наутилус, прежде чем сесть с супругой за столик, вы не откажете мне в небольшом новогоднем интервью?

Наутилус не возражал, тем более, что супруга еще не подплыла.

— Начну с традиционного вопроса: расскажите, пожалуйста, над чем вы и ваша супруга собираетесь работать в новом году.

— Над тем же, над чем мы и наши предшественники работали предыдущие пятьсот миллионов лет: будем совершенствовать свою конструкцию. Тут есть к чему приложить руки. Проблем много, поэтому и рук должно быть много. И вообще всего должно быть много, с запасом, потому что проблема проблем — надежность конструкции. Не случайно самые важные узлы и блоки мы дуб-

КОАПП, КОАПП!

лируем: сердце, почки и жабры у нас в четырех экземплярах.

— Я знаю, — продолжил интервью Удильщик, — что наутилусов называют еще и “жемчужными корабликами”. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Ах, “жемчужные кораблики”! — Стрекоза восторженно затрепетала крыльями. — Как это чудесно, просто изумительно!

Но Наутилус остудил ее восторги:

— Технически безграмотное название. Хотя раковина у нас и выложена перламутром, жемчуга мы не производим — на это есть другие моллюски. Теперь насчет кораблика. Не “кораблик”, — Наутилус произнес это слово, нарочито сюсюкая и с при-

дыханием, как произнесла его Стрекоза, — а подводный корабль! Мне художественную литературу читать некогда, но я слышал, что в одной известной книге подводная лодка названа нашим именем: “Наутилус”.

— Не только в книге, — вставил Человек. — Свою первую атомную подводную лодку американцы тоже называли “Наутилусом”.

— Думаете, случайно? Конечно, внешне наши корпуса непохожи — у меня вот рако-

вина в спираль свернута, но она тоже разделена переборками на отсеки. Наружный отсек жилой — я в нем живу, в остальных газ. При погружении, — а погружаемся мы на глубину до семисот метров, — часть отсеков заполняется водой, при всплытии вода вытесняется газом.

— Кстати, так же погружаются и всплывают и подводные лодки, — заметил Человек.

— Простите, дорогой изобретатель, — Удильщик все не хотел его отпускать, — но почему, несмотря на такую великолепную технику, из восьми тысяч видов наутилусов, населявших когда-то почти все моря, сохранилось до наших дней всего шесть видов, да и то лишь в Тихом океане?

— Мне лично причина пока не ясна, — задумчиво сказал Наутилус. — Будем разбираться.

— На что уйдет еще пятьсот миллионов лет, — ввернул Гепард.

— Все, Удильщик, хватит, — вмешался Кашалот, — отпустите гостя. Думаю, что в данный момент, многоуважаемый изобретатель, уместнее спрашивать вас не о технике, а о том, что бы вы хотели пожелать в новом году нам, сотрудникам КООППа, и нашим гостям, согласны?

— Вполне. Всем, кто здесь присутствует, и всем, кто отсутствует, я желаю найти такую же супругу, как у меня. Объясняю, по-

КООПП, КООПП!

чему. Посмотрите: у меня только шестьдесят рук, а у нее — девяносто четыре! Вот у осьминогов — восемь рук, что у него, что у нее одинаково. Говорят — равноправие. Допустим. Приплывает она домой, усталая, а он с соседями в камушки играет — есть у осьминогов такая игра: осьминог ждет, когда раковина створки откроет, тут же камень между ними вставляет, а потом соседа, хозяина раковины съедает. Так вот, увидит осьминог — жена

плывет, спрашивает: “Обед готов?” А она ему: “У меня не сотня рук!”. А моя супруга никогда так не ответит!

— Конечно, — пропищала Стрекоза, — ведь у нее почти сотня рук!

— И в честь нее, в честь моей перламутровой лодочки, — проникновенно произнес Наутилус, — я спою сейчас песню... — и он запел:

*Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а Рак,
Крепко панцирь его вокруг
Обхвати сотней рук...
И скорее в мой клюв неси,
Чтоб я мог его раскусить,*

*Если вкусный — тебе “мерси”
Я скажу, мой друг...*

— Это я должен сказать “мерси”, — проворчал Рак. — Ну и гость пошел — того и гляди хозяина слопают...

Мартышка попыталась сгладить неловкость:

— Но он же имел в виду не вас, а морских раков!

— По правде-то говоря, что в лоб, что по лбу, — молвила Сова.

Наутилус прислушался, ничего не понял и на всякий случай поинтересовался:

— Что-нибудь не так?

— Все в порядке, — поспешил успокоить его Гепард. — Ничто так не сближает, как хорошая песня — мы уже имели случай в этом убедиться в самом начале “Голубого огонька”.

В этот момент из-за ближнего столика вышел грациозный зверь, напоминающий большую Кошку. Подойдя мягкой походкой к Наутилусу, “Кошка” вкрадчиво произнесла:

— Вы, изобретатели, прямо как дети. Неужели не ясно: находясь в таком обществе, слова песни нужно отбирать очень тщательно.

КОАПП, КОАПП!

— Кошка-то умна, видать, — одобрительно сказала Сова.

— А большущая какая! — восхитилась Стрекоза. — Прямо как Рысь!

— Положим, я не Кошка, а Фосса, родственница Мангусты и самый крупный хищник Мадагаскара, но это не важно — все равно вам не помешает воспользоваться моим опытом. Так вот, слушайте и мотайте на ус — у кого он есть, разумеется. Если вы хотите кем-то закусить, никогда не говорите этого прямо. Вот я, например, люблю лакомиться лемурами...

— Лемурами?! — ошеломленно переспросила Мартышка. — Моими дальними родичами?! Их еще называют полуобезьянами...

— Мартышка, я вас умоляю, — в голосе Кашалота сквозила тревога, — если мы сейчас начнем выяснять, кто кем лакомится...

— Да, не сто́ит, — поддержала Фосса. — Тем более, что полуобезьянам до полных обезьян, прямо скажем, еще очень далеко. Так вот, послушайте, что я пою лемурам — по-французски, разумеется, на Мадагаскаре этот язык распространен достаточно широко... — и она запела, грассируя на французский манер:

*О, Лемур, тужюр Лемур,
Мон амур, мон амур...
О, амур, тужюр амур,
Мон Лемурчик, мон Лемур!*

— Что, очевидно означает, — перевел Гепард,
— “О, Лемур, всегда Лемур, моя любовь, о, любовь, всегда любовь, мой Лемурчик!” — как всегда в такого рода песнях, непонятно, но здорово.

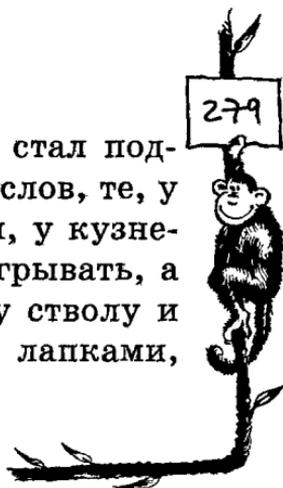
— Очень здорово! — согласился Наутилус.

— Ну, принцип ясен? — спросила Фосса. — А вот тому, кого вы есть не собираетесь, вы можете сообщить об этом прямо и честно. Скажем, местные жители, мальгаша, почему-то панически боятся меня, хотя я никогда не нападаю на людей, так вот при встрече с ними я пою — правда, пока без особого успеха... — и она запела на мотив зажигательной, задорной, необыкновенно ритмичной лезгинки:

*Я всего лишь Фосса,
Ты меня не бойся,
Я тебя не трону,
Ты не беспокойся!*

То один, то другой из гостей стал подхватывать мелодию, напевая без слов, те, у кого были инструменты (скажем, у кузнечиков и сверчков), начали подыгрывать, а Зайчик подбежал к бамбуковому стволу и забарабанил по нему передними лапками, отбивая ритм...

КОАПП, КОАПП!

— Ой, не могу усидеть! — закричала Мартышка и пустилась в пляс. Не прошло и пяти минут, как ее примеру последовало большинство присутствовавших. Самые упорные некоторое время лишь покачивались в такт, но и они в конце концов, не в силах удержаться, присоединились к танцующим.

Дольше всех крепился, конечно, Рак, и все о нем в пылу танца как-то забыли, пока Сова, выделявшая ногами самые немыслимые па, случайно не обнаружила его за кустиком: полагая, что никто его не видит, он отплясывал на кончиках усов!

— Гляди-кась, председатель, — Сова подмигнула Кашалоту и махнула крылом в сторону Рака, — Рак-то наш и про обиду забыл!

— Будем надеяться, дорогая Сова, — ответил Кашалот, танцуя на своем могучем хвосте, — что все, кто здесь присутствует, забудут на нашем празднике свои обиды и ни одну из них не возьмут с собой в наступающий год... Но какое прекрасное завершение года минувшего — всеобщий танец, неждан-

но-негаданно!!! — и он еще азартнее пустился в пляс, лихо выкрикивая в ритме лезгинки: — Фосса, Фосса, Фосса!!!

А танцующая в паре с ним птица-Секретарь не менее лихо выкрикивала в том же ритме:

— Коапн, коапн, коапн!!!

ЗАСЕДАНИЕ,

НА КОТОРОМ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО СРЕДИ
ЖИВОТНЫХ, КАК И СРЕДИ ЛЮДЕЙ,
ЕСТЬ И СОЗИДАТЕЛИ И РАЗРУШИТЕЛИ,
ПРИЧЕМ ЛОДИ ПРИЛОЖИЛИ ВСЕ УСИЛИЯ
К ТОМУ, ЧТОБЫ ПЕРВЫХ СТАЛО КАК
МОЖНО МЕНЬШЕ, А ВТОРЫХ КАК
МОЖНО БОЛЬШЕ...

"СКАЗКИ КОАППОЎСКОГО ЛЕСА", или ЗАЧЕМ КАШАЛОТУ АВТОГЕН?

— Вы не могли бы раздобыть автоген?

С такой странной просьбой обратился к Человеку Кашалот в самом конце заседания Комитета охраны авторских прав природы, состоявшегося в самом начале года.

Для чего председателю КОАППа понадобился автоген? Уж не собирался ли он разрезать листы металла? Или, наоборот, сваривать?

Не менее загадочным представляется то обстоятельство, что заседание это, первое в этом году, было созвано в день, когда все-все — люди, животные, и даже растения (особенно елки) отсыпаются после встречи Нового года.

Что же заставило сотрудников такой уважаемой, солидной организации, действитель-

КОАПП, КОАПП!

ных членов и членов-корреспондентов КОАППа, прервать отдых и в свой законный выходной день собраться на Большой Коапповской Поляне? Неужели нельзя было отложить заседание хотя бы на сутки?

Подобные вопросы могли бы возникнуть только у тех, кто находится в полнейшем неведении о предшествующих событиях...

Началось с того, что утром первого января Стрекоза обзвонила всех коапповцев и каждому взволнованно прокричала одну и ту же короткую фразу: "Они..." Впрочем, нет, все началось гораздо раньше — еще осенью, когда коапповцы, устроив грандиозный субботник (он состоялся во вторник и в среду), методами народной стройки соорудили на Большой поляне Большую теплицу, натаскали туда спе-

циально приготовленный грунт, посадили семена и стали с нетерпением ждать результатов.

Утром первого января, возвращаясь домой после встречи Нового года, Стрекоза решила сделать крюк, чтобы очередной раз

заглянуть в теплицу. После чего и последовала серия звонков коллегам, каждому из которых Стрекоза прокричала с ликованием: “Они взошли, взошли!”

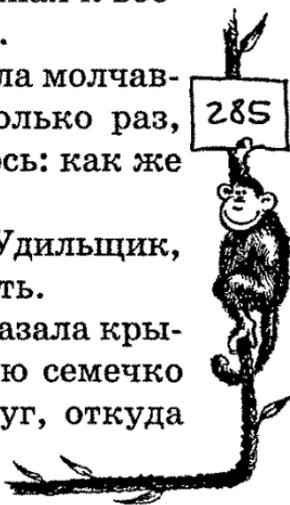
...И вот Кашалот и его верные соратники, обступив теплицу, рассматривают сквозь стекла нежные зеленые росточки и растроганно повторяют: “Надо же — взошли! Какая прелесть!”

— Просто чудо! — уже который раз восклицает Стрекоза, более других склонная к восторженным изъявлениям чувств.

— И впрямь чудо, — промолвила молчаливая до сих пор Сова. — Уж сколько раз, кажись, такое видала, а все дивлюсь: как же это получается?

— Что именно? — осведомился Удильщик, любивший во всем определенность.

— Да вот это самое, — Сова показала крылом на всходы. — Попало в землю семечко — махонькое, сухонькое... и вдруг, откуда

ни возмись зеленый росточек! Где ж он прежде-то прятался?

— В генах, дорогая Сова, — сказал Гепард.

— В чем? — Сова явно впервые слышала это слово.

— В генах, — повторил Гепард и на мгновение задумался, подыскивая подходящее объяснение. — Видите ли, у любого растения, — как, впрочем, и у любого животного, — в самой-самой первой клеточке находятся гены. С чем бы их сравнить, чтобы вам стало понятно? Пожалуй, с крошечной тагнитофонной пленкой, на которой записано все: какое растение или животное должно получиться из этой самой первой клеточки, как оно будет расти и даже, в известной мере, как станет жить, когда вырастет.

— Записано, говоришь? — Сова кивнула. — Ну, тогда понятно: что записано пером, не вырубишь топором.

— “Не вырубишь топором”... — в устах Кашалота, с чувством повторившего эти слова, они прозвучали многозначительно. — Прекрасно сказано, уважаемая Сова! Вам удалось всего в трех словах определить самую суть нашего более чем своевременного начинания, которое... то есть, благодаря которому...

В этот момент между деревьями мелькнуло что-то белое, и послышался блеющий голос, громко напевавший: “Бе-е-е-са-ме-е-е бесаме мучо”...

— Ну вот... — Удильщик даже поморщился от досады. — Перебили блистательную речь нашего обожаемого председателя, да еще на самом впечатляющем месте! Кому это вздумалось петь?

Словно отвечая на его вопрос, на поляну вышла молодая Коза. На шее у нее болтался на ремешке портативный репортерский магнитофон.

— Привет кооповцам! — крикнула она еще издали. — С Новым годом, с прошедшим католическим и с предстоящим православным Рождеством!

— И вас также! — откликнулись кооповцы.

— С чем пожаловала, голубушка? — поинтересовалась Сова.

— С редакционным заданием. Я корреспондент Лесного радио. Хотя я там совсем недавно, но уже успела так себя проявить, что меня послали...

Последовала многозначительная пауза. Наконец, Кашалот не выдержал и спросил: — Куда?

— К вам! Завредакцией прямо так и сказал: “Идите-ка вы к Кашалоту!” Проник-

КОАП, КОАП!

новенно так сказал, от всей души. И вот я здесь — буду вести репортаж с поляны КОАППа! Собственно, вчерне он, можно сказать, почти готов — осталось подмонтировать мои непосредственные впечатления и ваши живые голоса. Назвала я свой новогодний репортаж “Сказки коапповского леса”.

— Хм... оригинальное название, — пробормотал Кашалот.

— Я знаю. Сейчас дам вам послушать начало.

Коза включила магнитофон. Зазвучала мелодия песенки “Жил-был у бабушки серенький козлик”, и на ее фоне записанный на пленку голос Козы стал делиться со слушателями воспоминаниями не столь уж далекого детства:

— Когда я была маленьким козленком, моя бабушка нередко грозилась: “Будешь плохо себя вести — отведу в КОАПП”. Как будоражило мое воображение это непонятное, странно звучащее слово! Став постарше, я узнала, что в таком сочетании букв нет ничего загадочного и тем более устрашающего...

Трагическую музыкальную балладу о несчастном козлике сменил бравурный, жизнеутверждающий гимн КОАППа:

*Наш веселый Комитет
Выдаст каждому патент,
Защитит приоритет
Природы!*

Вновь зазвучала тревожная музыка, раздалось кукование Кукушки, тут же почти заглушенное громким скрипом шагов на снегу.

— И все же, когда я шла сквозь дремучий, притихший, словно зачарованный зимний коапповский лес, — продолжал вещать магнитофонный голос Козы, — меня ни на минуту не оставляло ощущение, что я вот-вот увижу нечто сказочное. И я не ошиблась! Деревья внезапно расступились, я осторожно раздвинула рогами кусты. ...Взору моему открылась огромная поляна! Сделав несколько неуверенных шагов, я подняла голову и онемела: прямо передо мной...

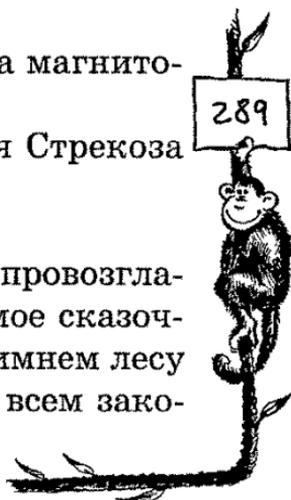
На этом месте Коза выключила магнитофон.

— А дальше? — от нетерпения Стрекоза затрепетала крылышками.

— Пока всё, — сказала Коза.

— Мда, такого еще не было! — провозгласил Гепард. — На мой взгляд, самое сказочное в вашем репортаже то, что в зимнем лесу вы слышали голос Кукушки: по всем зако-

КОАПП, КОАПП!

нам ей сейчас положено зимовать в Африке.

— Вот как? Угу... — судя по всему, реплика Гепарда Козу нисколько не смутила. — Ну, не страшно — Кукушку я вырежу.

— Зачем, — возразила Сова, — пущай остается: зимой куковать Сойка может, сама слыхала. Своей-то песни у соек нет, с чужого голоса поют — какую хошь птицу изобразят: сороку, зяблика, пеночку, дрозда... да что птицу — кошкой Сойка мяукает, да так, что и не отличишь!

— Милая Коза, но что же вы все-таки увидели на нашей поляне? — настаивала Стрекоза. — Я ужасно заинтригована!

— Как, до вас все еще не дошло? — поразился Удильщик. — Да поймите же вы наконец: то, что мы прослушали, было

записано на пленку заранее, еще в студии, до того — до то-го! — как корреспондентка отправилась сюда. Что она тут увидит, Коза не имела ни малейшего представления. А теперь рассчитывает на нашу помощь: она ждет, что мы покажем ей нечто необычайное. А если показывать нечего — придумаем. Ясно?

— Так чего придумывать-то, Удильщик, — Сова кивком показала на председателя КОАП-Па. — Пусть скажет как есть: мол, прямо передо мной сидел Кашалот.

Удильщик протестующе замахал удочкой:

— Да нет же, Сова, не то! Кашалот на лесной поляне — что тут необычайного?

— Уважаемая Коза, мы бы рады вам помочь, но... — Кашалот развел ластами. — Но, как назло, именно сегодня у нас не происходит ничего особенного. Обыкновенное деловое заседание — обсуждаем, как лучше вырастить наших питомцев и как их защи...

— Каких питомцев? — перебила Коза.

— Да вот они, — Гепард протянул лапу, — любуйтесь.

Коза заглянула в теплицу и ахнула:

— Ого! А вы говорите — ничего особенного. Немедленно пишу продолжение! Тишина, идет запись... — она опять включила магнитофон и продолжила репортаж с того места, на каком прервалась: — Я подняла голову и онемела... Прямо передо мной — стройные ряды изумрудных ростков! И это в разгар зимы, в трескучий мороз, когда снег

хрустит под копытами, а пар от дыхания оседает инеем на шерсти, обрамляющей рот!

— А говорит — онемела, — пробормотала Сова. — Слова-то сыпет, как по-писаному. Видать, в этих... в генах у ей все записано.

— Сколько их здесь, зеленых посланцев весны — наверное, сотни! — воскликнула Коза патетически и, наклонившись к Кашалоту, прошептала: — Скажите “Наши питомцы”.

— Я? — растеряно переспросил Кашалот.

— Вы, вы, — в микрофон, пожалуйста.

Кашлянув, Кашалот произнес деревянным голосом:

— Наши питомцы...

— Ласково и в то же время с гордостью говорит о них председатель КОАППа Кашалот, — подхватила Коза. — Это крупный мужчина с крутым высоким лбом, избличавшим ум и многое другое.

— Наконец-то вас избличили, дорогой Кашалот, — шепнул Гепард.

— Скажите, пожалуйста, — продолжала Коза, — эти ростки, — так и хочется назвать их “ростками нового”, — очевидно, капустная рассада? Этот вопрос я адресую одному из действительных членов КОАППа — глубокоуважаемой Сове.

— Кто о чем, а Коза о капусте... Елочки это, милая!

— Елочки?! Как-то не очень похоже. Я думала, что...

— Что нет елок без иголок? — вставила Стрекоза. — Угадала? Так ведь это только всходы.

— То-то и оно, — поддержала Сова. — Дай срок, все у них будет — и ствол, и корни, и ветки, и иголки..., все что у елок на роду написано... То есть, чего я говорю-то, — спохватилась она, — это прежде так сказывали, а теперича, слышь, надо называть по-ученому: в генах!

Все там записано — вроде как на пленке магнитной, что в кассетнике твоём крутится: каким манером расти, в кого вырасти, как, значит, жить... И у тебя все в генах.

Коза замотала головой:

— Ну уж нет, я сама знаю, как мне жить и как расти, особенно по службе. Хорошо, а что же вы собираетесь делать со своими питомцами? Я подношу микрофон к большой зубастой пасти небольшой черной рыбы, обладательницы длинной удочки, на конце которой светится фонарик... Простите, ваше имя?

— Удильщик. Что мы собираемся делать? Весной, где-нибудь в середине апреля, выса-

293

КОАПП, КОАПП!

тим елочки в открытый грунт... — отойдя шагов на десять, Удильщик оказался в лиственной рощице. — Вот сюда — здесь им будет обеспечен заботливый уход нянь.

— Но где вы наберете столько нянь? — Коза с сомнением покачала головой. — Сейчас одну найти, и то проблема. Помните эту ужасную историю про Волка и семерых козлят? Если бы их мать нашла няню, козлята не оставались бы дома одни и ничего бы с ними не случилось.

— Для нас няни не проблема! — Кашалот театральным жестом протянул ласт к деревьям, под которыми прохаживался Удильщик, выбирая места для посадок. — Вот они — уже ждут своих будущих воспитанников.

— Где? — Коза завертела головой. — Я вижу только молоденькие березки и осины. ..

— Так лесоводы-то не зря говорят: “Береза да осина ель нянчат”, — заулыбалась Сова, а Гепард пояснил:

— Дело в том, что в раннем детстве елочки всего боятся: солнечных ожогов, ветра, заморозков... А под кроной березок и осин они словно под крышей.

— Северянки — и такие неженки? — поразилась Коза.

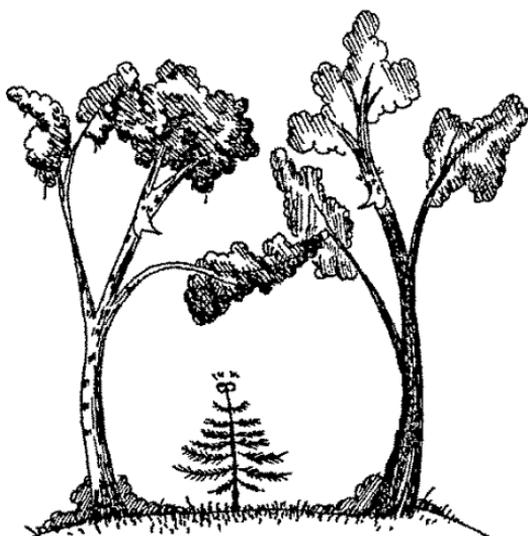
— Это еще мягко сказано, — сердито буркнул Удильщик. — Прямо какие-то “принцессы на горошине”! У лиственниц, сосен, кленов, дубов дети гораздо закаленнее.

— Елочки и болеют чаще, — добавила Стрекоза. — Так за них тревожно на душе!

— Отсюда, видимо, и пошла поговорка: “У ели еле душа в теле”, — заметил Гепард.

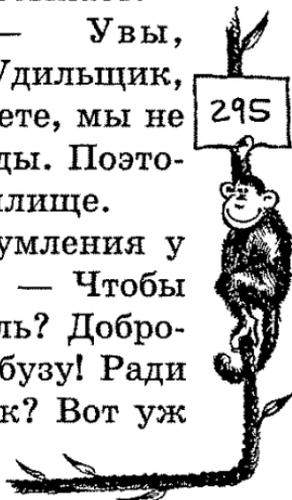
— А привереды какие! — запричитала Сова. — На песке али там на скале на голой жить не станут — это тебе не сосны, им богатую почву подавай. Да чтоб воздух к корням проходил

в достатке, и влаги чтоб было не слишком много, не слишком мало, а в самый раз. А у нас, как на грех, летом сушь — от речки-то нашей ручеек остается, воробью по колено, да и тот в иной год пересыхает.

— Увы, случается и такое, — подтвердил Удильщик, — и нередко. Но, как вы понимаете, мы не можем ждать милостей от природы. Поэтому мы решили создать водохранилище.

— Водоохранилище?! — от изумления у Козы широко раскрылись глаза. — Чтобы ублажить этих зеленых капризуль? Добровольно взвалить на себя такую обузу! Ради чего? Что, у вас в лесу мало елок? Вот уж

воистину — чем дальше в лес, тем больше дров...

Кашалот, который отвлекся от разговора, поскольку подсчитывал, хватит ли на все елочки нянь, уловил только последнюю фразу и закивал в знак согласия:

— Совершенно верно, Коза, в таком сложном деле легко наломать дров — ведь сооружение плотины требует специальных знаний. Естественно, мы послали заявку на инженера-гидростроителя, который... О, совсем забыл, — оборвал он себя, — инженер должен прибыть с минуты на минуту. Встретить его надо по-коапповски! Удильщик, поручаю это вам.

— Будет сделано! — отчеканил Удильщик и немедленно удалился в сторону речки.

Реакция Козы на услышанное была молниеносной.

— Постойте, я с вами! — крикнула она и побежала вслед за Удильщиком. — Плотина — это же сенсационный материал! — донесся издали ее голос. — Репортаж с великой стройки!

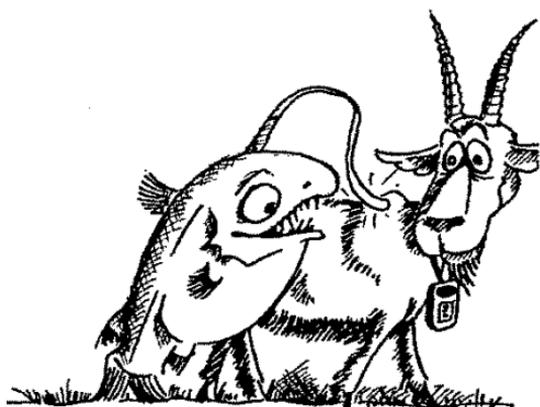
— Ну а мы, — сказал Кашалот, — займемся не менее важной проблемой: защитой елочек от вредителей.

— Так этим-то вроде Рак занимается, — напомнила Сова.

— Кстати, а где он? — поинтересовался Гепард.

— У птицы-Секретаря, — сообщила Стрекоза. — Звонит от нее по телефону.

— Немедленно идем к нему, — решил Кашалот, — необходимо срочно узнать, как его успехи и не нужна ли ему помощь.

Все направились на другой конец поляны, где за секретарским пнем восседала птица-Секретарь. По дороге Стрекоза вдруг заметила, что на стволе одного из деревьев что-то белеет, и обратила на это внимание коллег. Подойдя ближе, коаповцы увидели приклеенный к дереву листок с двумя фотографиями и текстом под ними. На фотографиях была снята фас и в профиль большая жирная личинка.

— До чего же отталкивающая внешность! — Кашалота даже передернуло от отвращения.

— Мда-а, — протянул Гепард, — ну и типаж: здоровенные челюсти и полнейшее от-

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

существование интеллекта во взоре. Та-ак, что же гласит текст? — и, пробежав его глазами, воскликнул: — ничего себе!

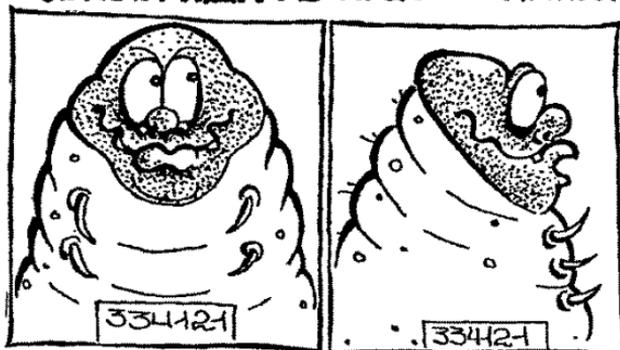
После этого и остальные, придвинувшись к листку, прочли следующее обращение:

ОБЕЗВРЕДИТЬ ПРЕСТУПНИКА!

Граждане! В течение длительного времени органами коапповской лесной охраны разыскивается особо опасный рецидивист, известный под кличкой “Личинка Майского Жука”, совершивший ряд тяжких преступлений. Долг каждого, кто его обнаружит, немедленно сообщить о его местонахождении в компетентные органы КОАППа. Приметы: туловище белое, голое, длиной около пяти сантиметров, голова бурая. Действует исподтишка, прячась в земле. Будьте осторожны — преступник вооружен мощными челюстями.

ОБЕЗВРЕДИТЬ ПРЕСТУПНИКА!

Продолжив путь, коаповцы повстречали еще несколько таких же листков.

— Листки, конечно, расклеил Рак, — догадался Кашалот, — и, надо полагать, по всему лесу. Молодец! Я так ему и скажу...

Тем временем коаповцы приблизились к секретарскому пню и увидели Рака. Он сидел у телефона и кричал в трубку: “Что? Спит? А когда проснется? В апреле? Пусть сразу же позвонит в КООПП”. Рак положил трубку и тут же снова набрал номер: “Будьте добры, позовите Лягушку. Цепи? Какие цепи? Ах, в оцепенении”...

— Уважаемый Рак, — обратился к нему Кашалот, — какой вы молодец, что к борьбе с вредителями привлекаете общественность! Нам одним с этим злом явно не справиться...

— Какая сейчас, зимой, общественность, — Рак безнадежно махнул клешней. — Ну и работенку вы мне поручили, Кашалот. С утра вишу на телефоне. Всех обзвонил, кто ест вредных насекомых, слизней, клещей и прочих, а толку? Большинство птиц на юге, еж в спячке, муравьи отсиживают в нижних этажах муравейника, остальные кто где — в пещерах, норах, дуплах, под корой, под корнями, даже в тине на дне пруда... Вот, целый список: летучие мыши, одиночные осы, наездники, хищные жуки, пауки, ящерицы, лягушки и жабы — все в оцепенении.

— Нашли время цепенеть, — возмущился Кашалот. — Столько всякой нечисти в лесу...

Зазвонил телефон, Рак взял трубку: — Алло... Читали наше обращение?... Да, “Майский Жук” и “Майский Хрущ” — одно и то же... То есть как — не видели? Что же вы звоните?... А-а, понятно. Но она, к несчастью, поступает так, как удобнее ей, а не вам.

Положив трубку, Рак пояснил: — это Дятел звонил. Вот чудак — возмущается, что личинка Майского Жука прячется в земле, а не на дереве. “Я бы, — говорит, — из любой щели ее достал, и не сообщал бы никуда — сам бы раздолбал”.

— Это он умеет, — одобрительно заметила Сова.

— Ох уж эти личинки, — продолжал Рак. — Родители их, правда, тоже не подарок — взрослые хрущи объедают листву на березе, липе, клене, тополе... Но отпрыски у них — настоящие бандиты, негде пробы ставить! Я навел справки: в иные годы от личинок майского жука в лесных питомниках, в том числе и в еловых, гибнут все всходы и саженцы, до единого!

— Это ж надо, какие гены бывают зловерные, — Сова сокрушенно покачала головой. — Эх, Бекаса бы сюда с юга вызвать, Дупеля лесно-

го, Вальдшнепа — клюв у них длинный, тонкий, в землю глубоко втыкается, а на конце клюва клеточки особенные: шевельнется где личинка — клеточки чуют.

— К сожалению, милая Сова, клеточки сейчас не помогут, — печально сказала Стрекоза. — Ведь зимой личинки не шевелятся — они затаились до весны.

— Но обезвредить их необходимо именно сейчас, пока они не успели натворить бед! — решительно заявил Кашалот.

— А как их найдешь? — Рак беспомощно развел клешнями. — Хоть бы кто-нибудь из юных биоников изобрел прибор для поиска личинок под землей, а то просто клешни опускаются...

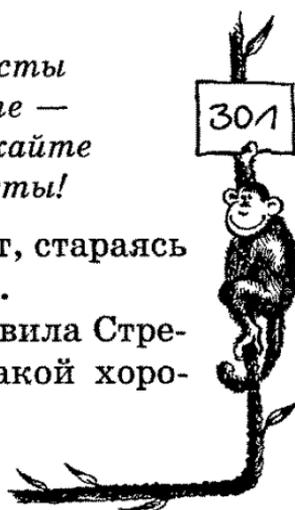
— И напрасно! — донесся откуда-то снизу тоненький голосок. Из дупла в основании пня выглянул крошечный зверек, напоминавший миниатюрную мышку, и весело продекламовал:

*Клешни не опускайте и хвосты
И носа никогда не опускайте —
Надежды от себя не отпускайте
И не сжигайте за собой мосты!*

— Кто это? — спросил Кашалот, стараясь разглядеть малютку-декламатора.

— Мышонок! — радостно объявила Стрекоза. — Какой малюсенький, какой хорошенький!

КОАПП, КОАПП!

*Во весь свой голос заявляю звонко:
Я не единожды, а дважды чемпионка!*

— Землеройки — самые маленькие из млекопитающих, — пояснила она, переходя на прозу, — а я — самая малюсенькая из землероек: моя длина всего лишь три с половиной сантиметра. Недаром мое имя — Карликовая Белозубка!

— О, так это вы героиня знаменитой сказки “Белозубка и семь гномов?” — обрадовался Кашалот, спутав Белозубку с Белоснежкой.

Из деликатности Землеройка не стала его поправлять. — Я героиня не только этой сказки, — сказала она с гордостью. — А “Дюймовочка”?

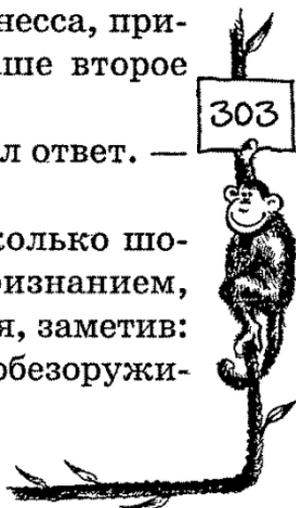
— Надеюсь, очаровательная Дюймовочка, — Гепард галантно поклонился, — вас не забыли включить в “Книгу рекордов” Гиннеса, причем дважды? Кстати, а в чем ваше второе мировое достижение?

— В чревоугодии, — последовал ответ. — Попросту говоря, в обжорстве.

Все, кроме Гепарда, были несколько шокированы этим неожиданным признанием, Гепард же одобрительно улыбнулся, заметив:

— Прелестно! Что называется, обезоруживающая откровенность.

КОАПП, КОАПП!

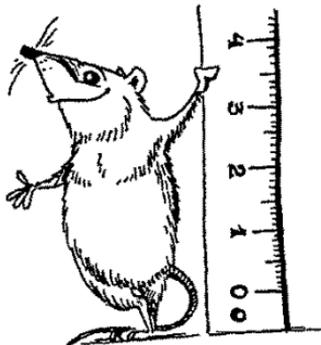

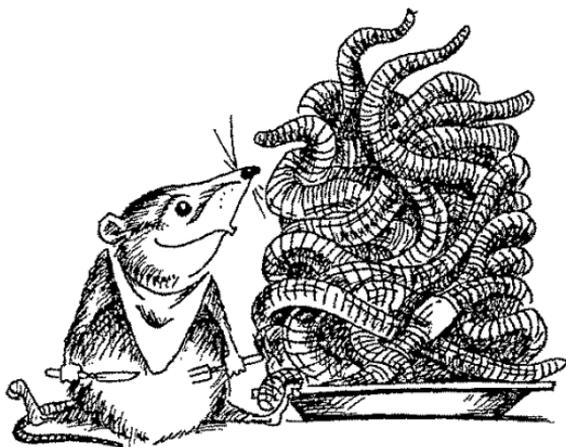
— Она обезоружит вас еще больше, когда вы ознакомитесь с цифрами, — заявила Землеройка, ничуть не смутившись. — В них больше поэзии, чем в иных стихах! Судите сами. Я вешу чуть больше грамма — один и две десятых, если точно. А съедаю в сутки шесть граммов, то есть в пять раз больше собственного веса.

— В пять раз?! — неисправимый скептик Рак захихикал. Чемпионка смерила его насмешливым взглядом и продекламировала:

*Я вижу, кое-кто не верит и смеется,
Он сомневается — мол, как ей удастся
Свершить сей подвиг, несмотря на малый рост?
Что ж, я отвечу — мой секрет предельно прост:
В труде и в праздности, в веселье и в беде
Я никогда не забываю о еде!*

— А если говорить прозой, ем я почти непрерывно, перемежая это приятное занятие кратковременным сном. И столь же непрерывно размышляю на интереснейшую философскую тему: мы едим для того, чтобы жить, или живем для того, чтобы есть? Я склоняюсь к последнему. Ведь срок жизни, отпущенный нам, землеройкам, всего пятнадцать месяцев, и надо прожить их

так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые месяцы, то есть прожить достойно. А что может быть достойнее чревоугодия?

— Вы, конечно, шутите, — обескураженно произнес Кашалот. — Это... это настолько не вяжется с вашей поэтической натурой...

— Почему? — маленькая поэтесса задорно вздернула носик. — Отлично вяжется!

*Можно есть днем и ночью, зимою и летом,
И стихи сочинять неплохие при этом...
Аппетит не мешает быть классным поэтом —
Объедаться нельзя, занимаясь балетом!*

— Вообще, между едой и поэзией гораздо больше общего, чем принято считать. И то, и другое — прием пищи: в первом случае для тела, во втором для души. Читая стихи, мы ритмично открываем и закрываем рот — и то же самое делаем при еде. И в стихах, и в

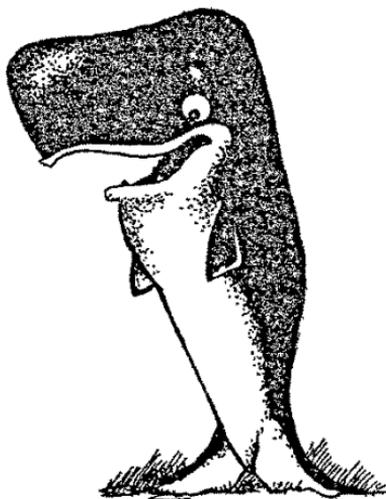
КОАПП, КОАПП!

пище можно быть либо разборчивым, либо всеядным. Причем, заметьте, отношение и к тому, и к другому обозначается одним и тем же словом: вкус — он может быть как художественным, так и гастрономическим. Наконец, возможна и непосредственная связь: разве стихи не кормят поэта? Не всегда досыта, но это уже другой вопрос... А какие поэтические озарения осеняют, когда попадается лакомый кусочек! Схватишь какое-нибудь насекомое — например, жука... Рак насторожился. — Майского? — спросил он.

— Ну хотя бы. Тут же вспоминаешь: а ведь мы, землеройки, в том же зоологическом отряде, что и кроты, ежи, выхухоли, танреки, щелезубы, то есть в отряде насекомоядных. Обратите внимание: название отряда связано с едой — но сколько в нем поэзии! Ведь насекомоядные — древнейшие из млекопитающих, современники динозавров...

— Млеко-питающие, — задумчиво пробормотал Кашалот. — Хм... Тоже связано с едой.

— От насекомоядных, — продолжала Землеройка, произошли все остальные звери, кро-

ме сумчатых: грызуны, летучие мыши, копытные, слоны, тюлени, киты, обезьяны, а в конечном счете и люди. Самый крупный зверь, голубой кит, размышляю я дальше, весит до ста пятидесяти тонн, то есть почти в полтораста миллионов раз больше, чем вешу я. Ни в одной другой группе животных нет такой разницы или, лучше сказать, такой пропасти между гигантами и пигмеями — разве это не сюжет для романа в стихах?

*Без яркого таланта
Кто описать сумеет
Величие гиганта,
Ничтожество пигмея...*

— Но если вникнуть — в чем истинное величие? Исполинский кит питается крохотными рачками, а пигмей, в моем лице, частенько закусывает личинкой в полтора раза длиннее себя и в три с половиной раза тяжелее. Гигант, окончив свое земное или, точнее, морское существование, без следа растворится в океане, а я, ничтожнейшее из созданий, через сотни лет оживу в бумаге, на которой напечатают чьи-то стихи, и в звуках скрипки, гитары, рояля...

— Рояля? — озадаченно переспросил Кашалот.

КОАПП, КОАПП!

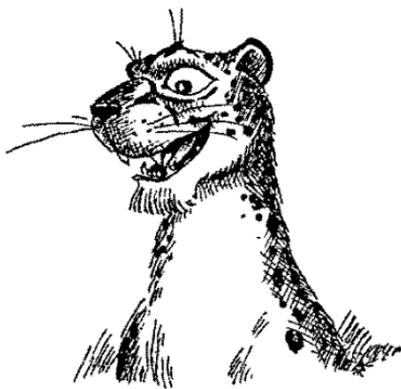
— Видимо, речь идет о том самом знаменитом рояле, который случайно оказался в кустах, — предположил Гепард. — Вернее, окажется в будущем, через сотни лет, — поправился он.

Землеройка стала напевать романс “Под звуки рояля я грезил о вас...”, а на челе Кашалота отразилась напряженная работа мысли. Наконец он обратился к ней:

— Извините, уважаемая Белозубка, но я что-то никак не могу уловить связь между

вами и будущим роялем — даже если он случайно окажется в кустах...

— Сейчас уловите. — Землеройка подбежала к маленькой елочке, что росла рядом с секретарским пнем. — Посмотрите на эту елочку-малютку: ей года два, не больше. Лет через тридцать она впервые зацветет, осенью на ней созреют шишки, и с той поры они будут появляться раз в пять лет. Весной шишки раскроются, из них высыпятся семена с крылышками, — сотни по две из каждой шишки, — их подхватит ветер, разнесут во все стороны любители еловых семян — клесты, белки, бурундуки, — и лет через пятьсот, на закате дней своих, эта юная елочка, к

тому времени уже пожилая ель, окажется прародительницей сотен, а то и тысяч елей. Целый лес, который сможет без ущерба для себя поделиться с людьми. Из еловой древесины они сделают самую лучшую бумагу, а из елей с одинаковыми годовыми кольцами, — их называют резонансовыми елями, — изготовят музыкальные инструменты, в том числе и рояли. И все это произойдет только благодаря тому, что пятьсот лет назад я не допустила гибели юной елочки, возле которой притаился в земле...

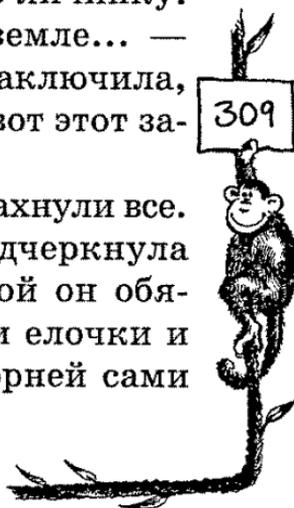
Землеройка принялась, быстро разрыла землю и бормоча:

“Ага, попался, который кусался!”, вытащила на поверхность большую жирную личинку. — Возле которой притаился в земле... — повторила она и торжествующе заключила, демонстрируя свою добычу: — ...вот этот закоренелый негодяй!

— Личинка Майского Жука! — ахнули все.

— Именно закоренелый, — подчеркнула Землеройка, — потому что весной он обязательно набросился бы на корни елочки и съел бы их без остатка. А без корней сами понимаете...

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— Как не понять, — нахмурилась Сова.
— Даром что ли говорят: “Смотри в корень”.

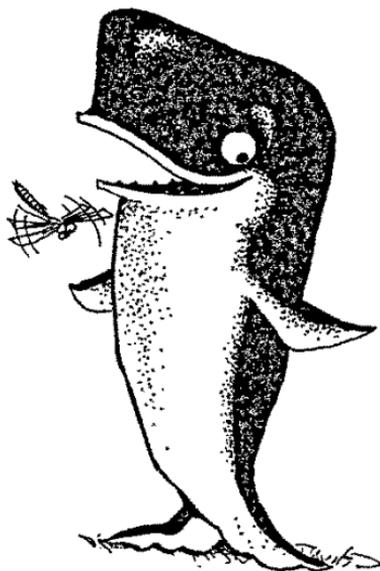
— Ну как, есть у меня основания воскликнуть:

*Пусть жизнь у землероек коротка —
Я вместе с елочкой переживу века!*

А если еще учесть, что этот жирный прохвост, от челюстей которого я ее спасаю, мне на один зуб, и что я не одна — землероек двести шестьдесят пять видов, и что в спячку мы не ложимся — как, впрочем, и все насекомоядные, кроме ежа, и что...

— Дорогая Белозубка, — перебил Кашалот, — не тратьте красноречия — вы меня полностью убедили: в обжорстве, которое имеет столь грандиозные общественно полезные последствия, действительно бездна поэзии! — и неожиданно для самого себя председатель КОАППа завершил свою тираду четверостишием собственного сочинения:

*Мгновенно с глаз моих слетели шоры,
И восклицаю я: “Да здравствуют обжоры!”*

*Тревогодие мне больше не претит —
Пусть вас не покидает аппетит!*

— А вы, милая чемпионка по обжорству, — подхватил Гепард, — надеюсь, не покинете нас или, еще лучше, нашу елочную плантацию?

— Немедленно туда отправляюсь! До встречи! — и она убежала, декламируя на ходу:

*Для вас вредители — ужасная беда,
Для нас вредители — прекрасная еда,
И, конечно, не только вредители,
Но и дети их, и родители...*

— Уфф... — Кашалот вздохнул с облегчением. — Наконец-то мы сможем спать спокойно

— в полной уверенности, что наша работа не будет загублена на корню!

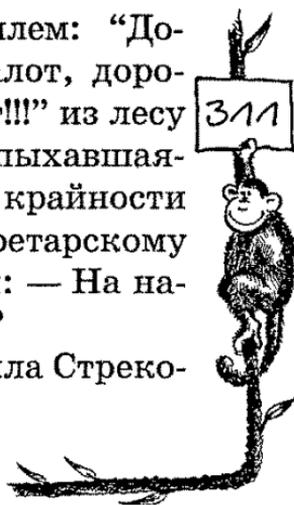
— В самом прямом смысле, — подчеркнул Гепард.

В этот момент с истошным воплем: “Дорогой Кашалот, дорогой Кашалот!!!” из лесу выбежала запыхавшаяся

Мартышка. Вид у нее был до крайности встревоженный. Подбежав к секретарскому пню, она выпалила единым духом: — На нашей поляне не появлялся Козел?

— Не Козел, а Коза, — поправила Стрекоза. — Появлялась, а что?

КОАПП, КОАПП!

— Это она — больше некому!

— Что — она? Кто — она? — в голосе Кашалота зазвучала нотка раздражения. — Мартышка, как всегда, в своем репертуаре... Вы можете объяснить толком, в чем дело? — тут Кашалот заметил, что в правой руке Мартышка держит большие кривые ножницы. — Прежде всего — что это за ножницы? Вы их случайно не взяли без спросу?

— Что вы, что вы, их Человек принес, по моей просьбе — я узнала, что в парках деревьев регулярно подстригают, это им только на пользу, — а наши чем хуже? Вон как обросли! И я решила в первый день Нового года сделать им модную стрижку.

— Под полубокс? — Рак назвал единственную известную ему прическу.

— Да вы что! — Мартышка замахала руками.

— Ольху, березу, осину, иву — под полубокс? Вы в своем уме? Сесон! Гаврош! Паж — это с челкой! А, что вы в этом понимаете... Ко мне такая очередь!

— И тут очередь, — вздохнула Сова.

— Естественно — я же их не все сразу стригу, а по очереди. Между прочим, состриженные ветки не выбрасываются, а сразу же идут в дело: Человек вяжет из них веники.

— Ах, как это замечательно! — восхитилась Стрекоза. — Наконец-то мы наведем чистоту в нашем родном коаповском лесу, а то он так запущен: деревья обросли мхом и лишайниками, валежник никто не убирает, тропинки и поляны не подмета...

— Да нет же, — перебила Мартышка, — веники вяжутся совсем не для того, чтобы ими подметали: это наш вклад в Благотворительный фонд! Рак, что вы там бормочете?

— Пытаюсь уразуметь, какое отношение могут иметь веники к благотворительности.

— Вот это мне нравится!

А что бы вы предложили в качестве гуманитарной помощи к Рождеству социально незащищенным слоям лесного населения? То есть лосям, оленям, косулям, зайцам... Ведь это для них мы с Человеком вяжем веники!

— Хорошее дело, — одобрительно закивала Сова. — Самим-то им, болезным, до верхних веток не дотянуться, а корму в зимнем лесу — ох как мало.

— Вот-вот, Человек мне так и сказал: если мы будем их подкармливать, как это делают в лесных хозяйствах, они не станут обгладывать стволы и, главное, съедают подрост,

313

КОАПП, КОАПП!

то есть молоденькие деревца. Но случилось непредвиденное... Сложили мы в одном месте готовые веники и пошли стричь другие деревья. Возвращаемся — веников нет, а рядом козы следы.

— Очевидно, вениками позавтракала корреспондентка, — глубокомысленно изрек Кашалот.

— Вывод, достойный выдающегося детектива, — сказал Гепард.

— Не понимаю, Мартышка, чего вы всполошились, — проворчал Рак. — Вам что, нескольких веников жалко для корреспондентки Лесного радио?

Кашалот высказался еще определеннее. — Рак прав, — решительно заявил он и даже рубанул ластом воздух. — Средства массовой информации тоже необходимо подкармливать!

— То-то и оно, председатель, — поддакнула Сова. — Нешто можно с ими ссориться? Такое понапишут — не приведи Господь...

— Да что вы из меня делаете какую-то жадину-говядину! — рассердилась Мартышка. — Не жалко мне никаких веников! Я еще настригу, сколько угодно. Но Человек очень встревожился. Он говорит, что... — но тут Мартышка увидела только что вышедшего на Большую по-

ляну Человека и сочла за благо передать ему слово, заявив: — Вот он идет, пусть сам и скажет!

Приблизившись к коапповцам, Человек обратился к ним без дальних предисловий: — Друзья, должен вас предупредить: если оставить Козу без присмотра, она может нанести нашему лесу немалый ущерб.

— Одна-единственная Коза? — на челе руководителя КОАППа явственно читалось недоверие.

— Да, знаю, это кажется невероятным, — согласился Человек. —

И тем не менее... Дело тут вот в чем. Большинство копытных и в лесу, и в поле пользуется растительными кормами, так сказать, по всем правилам науки. Взять хотя бы антилоп гну: неисчислимые их стада многими тысячелетиями паслись в африканской саванне, а она не потеряла плодородия. Почему?

— Потому что они все время меняют пастбища! — выпалила Мартышка, словно отвечая урок. — Я сама сколько раз видела. А главное — антилопы никогда не действуют по принципу: “Весь мир растений мы разрушим до основанья, а затем...” (эти слова

она пропела на известный мотив), то есть не съедают траву целиком.

— Верно, подтвердил Человек, — они ее как бы стригут, трава от этого только лучше растет. А вот козы вырывают траву вместе с корнем, причем всю, до последней травинки. Даже семена из земли выгрызают! Достается от коз и кустам, и деревьям. В результате почва, не скрепленная больше корнями, легко выветривается, ее смывают дожди... Проходит время, и плодородный некогда край превращается в пустыню. Вот

пример: в начале шестнадцатого века на зеленый цветущий остров Святой Елены завезли коз. Через триста лет это был уже каменистый кусок суши, полностью лишенный растительности. Подобная судьба постигла и многие страны Средиземноморья...

— Мда, в козьем обжорстве поэзии как-то не ощущается, — заметил Гепард, вспомнив Землеройку.

— Вот тебе и Коза-дереза! — всплеснула крыльями Сова.

— А я, между прочим, давно ждала от коз каких-нибудь козней, — убежденно сказала

Мартышка. — Знаете, как называются игорные дома, где проигрываются в пух?

— В козий пух? — уточнил Рак.

— Естественно — в какой же еще, если эти дома так и называют: “козино”! А “Коза Ностра”, сицилийская мафия — случайно ли ей дали такое имя?

— Кстати, — вставил Человек, — Сицилия лишилась прекрасных лесов, которые ее некогда покрывали, тоже по милости коз.

— И дьявола, наверное, не случайно изображают с козьими рогами и копытами, — внесла свою лепту в обсуждаемую тему Стрекоза.

— Вот-вот, — подхватила Мартышка, — а в древнегреческих лесах, которые потом съели козы, водились, я слышала, сатиры — полулюди, полукозлы. Такие безобразники и гуляки! Теперь понятно, что все плохое у сатиров было от козлиной половины.

— А от второй половины, очевидно, произошли сатирики, — осенило Гепарда.

— Да-а, — удрученно вздохнул Кашалот, — рано я понадеялся, что теперь можно будет спать спокойно... — Но тут же глава КО-

АППа, преодолев минутную слабость, взял себя в лапы и энергично распорядился: — Рак, срочно ползите к теплице, и если появится Коза, не подпускайте ее на пушечный выстрел!

Тут Кашалот заметил только что вернувшегося Удильщика, который, естественно, не подозревал о произошедших в его отсутствие драматических событиях. Вытянувшись перед начальством в струнку (точнее, вытянув в струнку свою удочку), он бойко отрапортовал:

— Наш наимудрейший из председателей, докладываю: инженер-гидростроитель уже на месте и всюю трудится! Оказалось, что он прибыл еще ночью и сразу же приступил к строительству плотины.

Реакция Кашалота на это сообщение была краткой: — Очень хорошо. А где Коза?

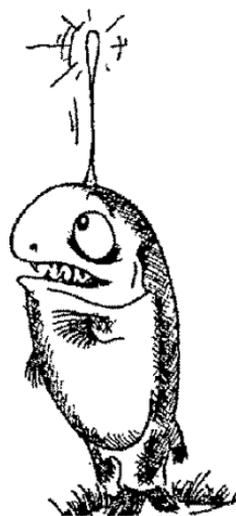
— Берет у инженера интервью.

— А вот это плохо. Ее нельзя оставлять без присмотра ни на секунду!

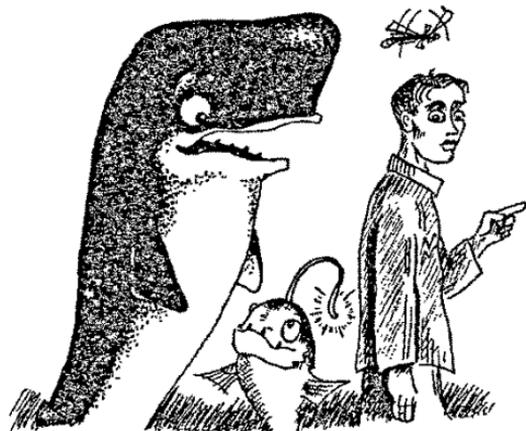
Удильщик был несколько озадачен. — А что случилось? — полюбопытствовал он.

— Пока ничего, но... Сейчас некогда объяснять. Пойдемте скорее, пока она не ушла.

— Ищи-свищи ее потом, — проворчала Сова.

Все двинулись к речке. По дороге Удильщик рассказал, что гидростроитель оказался молодым специалистом и что это его первая самостоятельная работа — до сих пор он только по-

могал родителям строить плотины, каналы, хатки... — Но делает на совесть, — заверил Удильщик, — я сам, лично нырнул на дно и проверил: он втыкает в грунт колья и толстые сучья, переплетает их ветками, подгребает ил, утрамбовывает

хвостом — а хвост у него как лопата... Поработает минут пятнадцать — поднимается на поверхность, подышит — и опять на дно.

— Как же так? — не поверила Мартышка. — Он ведь инженер! Что же, у него нет ни мастеров, ни рабочих? Все делает сам?

— Я тоже удивился, спросил, а он в ответ: “Меня отец учил, что грош цена инженеру, если он ничего не умеет делать собственными лапами, а только другими командует. У нас, бобров, таких не держат!”

— Так инженер-то, стало быть, Бобр? — Сова задала этот вопрос скорее для порядка:

КОАПП, КОАПП!

ей, да и остальным, было и так уже ясно, кто инженер.

— Ну конечно! Разве я не сказал? Ага, вот мы и пришли... — Удильщик спустился к берегу, коапповцы последовали за ним. Они были буквально ошеломлены, увидев, что речка уже почти наполовину перегорожена плотиной.

— Ничего себе! — воскликнула Мартышка. — Вот это темпы — прямо какие-то нечеловеческие...

— Тонкое наблюдение, — отреагировал Гепард. — Действительно, человечеству подобная производительность и не снилась: мешают частые перекуры и масса других факторов. Да, а где же сам герой труда?

— В данный момент, Гепард, — откликнулся Кашалот, — меня больше интересует, где Коза.

— А ее-то и не видать нигде, — сообщила Сова, вертя головой во все стороны.

— Вы ищете тетеньку с рогами и магнитофоном? — раздался юный, почти детский голос, и перед коапповцами предстал только что вынырнувший Бобр. Он был очень молод — совсем еще мальчик. — Она пошла вон туда, в рощу, — Бобр махнул лапой, показывая на-

правление. — “Надо, говорит, найти какого-нибудь старика или старуху: рядом с твоим детским голоском, говорит, обязательно должен прозвучать старческий — для контраста”.

Кашалот тотчас велел Стрекозе полетать над рощей, разыскать Козу и сказать ей, чтобы она немедленно вернулась к месту строительства плотины.

— Ну вот, — расстроился Бобр, — только я перевел дух после ее интервью... Сейчас придет и

опять начнет приставать... — он очень смешно изобразил, как, разговаривая с ним, Коза сюсюкала: — “Кого ты больше любишь, деточка, маму или папу?” — И сделает “козу”, — завершил мальчуган свои жалобы.

— Чего ж обижаться — ты ведь и впрямь деточка, — сказала Сова, отсмеявшись. — Кой тебе годик-то?

Юный Бобр насупился. Видно было, что вопрос для него не из самых приятных. Наконец последовал ответ, прозвучавший даже с некоторым вызовом: — Ну, два с половиной...

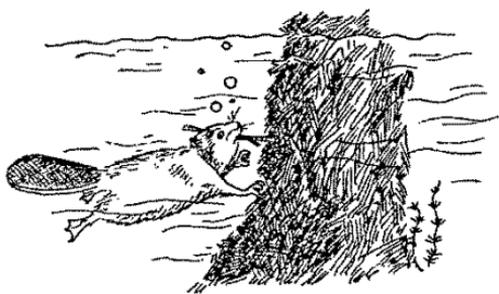
— И уже инженер?! — восхитилась Мартышка.

— А что — нормальный возраст. Моему отцу, когда он свою первую плотину построил, еще меньше было. У нас все родители за раннюю самостоятельность, даже никаких споров насчет этого не бывает. Через день после рождения бобрята уже плавают, а через три недели сами добывают корм. Правда, строить самому — это посложнее. Если, конечно, строить не тяп-ляп. Но об этом и подумать страшно! Отец, когда меня сюда провожал, сказал: “Сын, ты меня знаешь — халтуры я не терплю. Всякая работа должна быть прежде всего боброкачественной”. Вот и вам вроде все делаю как надо: сначала соорудил на дне валик, потом возвел островок...

— Островок? — переспросил Гепард, внезапно заинтересовавшись.

— Ну да. Отец меня научил: “Если речка попадетса широкая, перекрыть ее сразу будет трудно. В этом случае возведи посредине речки островок, а уже потом соединишь его с обоими берегами дамбами — все бобры так делают”.

— А еще один островок ты бы смог возвести? — судя по нетерпению, с каким Гепард ждал ответа, он связывал с ним какие-то возникшие у него планы.

— Да хоть десяток! — по тону, каким юный инженер произнес эти слова, было ясно, что это не пустое бахвальство.

— Дорогой Кашалот, вот вам идеальное решение возникшей перед нами проблемы, — торжественно объявил Гепард. — Пусть Коза поживет на искусственном необитаемом острове!

Председатель КОАППа мгновенно оценил все преимущества этого рацпредложения и столь же мгновенно распорядился: — Бобренок... то есть, извините, господин инженер — действуйте!

— Есть действовать! — радостно гаркнул молодой специалист, польщенный столь уважительным обращением самого Кашалота, и тут же рьяно принялся за работу, распевая во все горло песню:

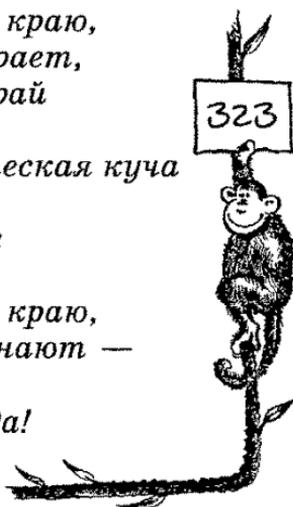
*Вам кажется, что это беспорядочная груда
Ветвей, стволов, камней,
А это настоящая бобровая запруда
И зеркало воды за ней...*

*Там, где наши хатки с краю,
Лес от жажды не умирает,
И безводный прежде край
Превращается в рай!*

*Вам кажется, что это хаотическая куча
Сучьев, палок, земли,
А это бобровая хатка, и лучше
Жилья вы б найти не смогли...*

*Там, где наши хатки с краю,
Голода животные не знают —
У бобрового пруда
Им всегда найдется еда!*

КОАПП, КОАПП!

Все это время на ветке прибрежной ивы дремал престарелый Ворон. Происходившее вокруг, казалось, никак не затрагивало его. Но при первых же звуках песни он встрепенулся и, наклонив голову, стал прислушиваться. А когда Бобр тащил мимо жердину, Ворон вдруг слетел вниз, сел на пенек и начал всматриваться подслеповатыми глазами, шепча: — Да неужто он? Господи, радость-то какая!

Внезапно Ворон сорвался с места и бросился на землю перед оторопевшим Бобром с хриплым криком: — Кормилец ты наш! Благодаритель!

В первый момент мальчик онемел, затем кинулся поднимать старика. При этом он беспомощно повторял, чуть не плача: — Дедушка, встаньте сейчас же, ну пожалуйста... Да что же это такое? Помогите его поднять!

— Что здесь происходит? — спросил Кашалот, ошарашенно взирая на эту сцену. — Ничего не понимаю...

— Да Ворон здешний Бобренка увидел и в ноги ему бухнулся, — объяснила Сова. — Совсем из ума выжил, старый.

— Зато для козьего репортажа он просто находка, — заметил Удильщик. — Она ведь мечтала о контрасте юного голоса со старческим.

Подбежала Мартышка и, подхватив старика под крылья, начала осторожно приподнимать его, приговаривая: — Дедуся, давайте я вам помогу... вот так — поднялись...

А он никак не мог успокоиться и все шептал: — Да как же это? Не ведал, не гадал...

— Присядьте, уважаемый Ворон, — обратился к нему Кашалот, — вот на этот пенек.

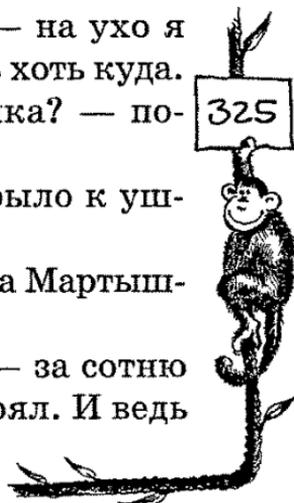
— Постою, невелика птица... да ты не гляди, сынок, что годы мои долгие — на ухо я тугой, а так еще крепкий, и память хоть куда.

— Сколько же вам лет, дедушка? — любопытствовал Удильщик.

— Ась? — Ворон приложил крыло к ушному отверстию.

— Сколько лет вам? — крикнула Мартышка прямо ему в ухо.

— Да кто ж его знает, дочка, — за сотню перевалило, а после я и счет потерял. И ведь

дожил-таки, дождался — вернулись, родимые, опять довелось Бобра повидать, сподобился такой благодати на старости лет, теперь и помирать можно.

— Ну что вы, — запротестовал Кашалот, — живите еще сто лет! А что, дедушка, разве бобры и раньше здесь жили?

— Ну как же — тут и запруда ихняя стояла, а с этого краю хатка.

— Видимо, отсюда и пошло выражение: “Моя хатка с краю”? — предположил Удильщик.

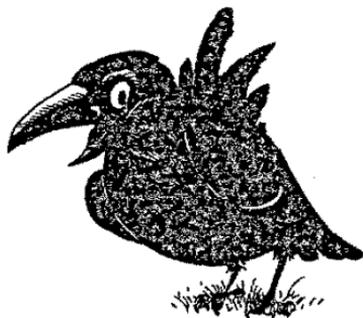
— Может, и отсюда. Да не одна хатка — семья-то большая. И комнат там — не счесть! Просторные — в иных не то что лисы или барсуки — люди могли поместиться...

— Подождите, — остановил его Кашалот, — причем тут лисы и барсуки?

— Так бобры-то как увидали, что мало окрест тополя да осины осталось, подчистую съедают их не стали и поросль не трогали — пуцай, мол, растет,

— выше по речке поднялись, новую запруду поставили, и хатки новые, а старые заселили все, кому не лень.

— Вернее, все к у лень строить самим, — уточнил Гепард.

— А куда же делись все эти запруды и хатки? — спросила Мартышка.

— Размыло по внешней воде. Как бобров повывели, так и размыло. Запруды глазу требуют, а без хозяев откуда глазу быть... Без бобров и лес оскудел. При бобрах-то жисть вольготная была! Кто только возле них не кормился, кто трудами их праведными не пользовался... Возьми хоть птиц водяных — их тут на бобровых прудах тьма гнездилась: утки, гуси, лебеди, чомги... Они и рыбу развели.

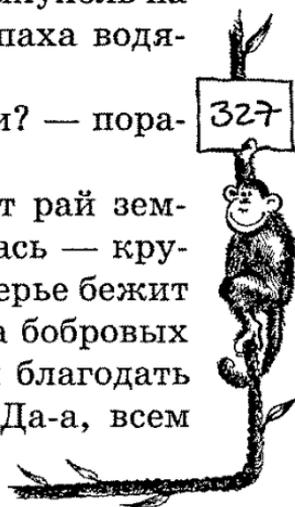
— Птицы развели рыбу? — в вопросе Удильщика чувствовался профессиональный интерес.

— А что ж, дело нехитрое: икру на лапках занесли — тут тебе и караси, и сомы, и лини... Щуки вот такие водились! — Ворон развел крылья во всю ширь. — Сам Медведь на рыбалку приходил. Я тогда мальцом был. Помню, сижу на суку, а по бережку кулички бегают, Лось на водопой пришел, в воде подо мной Выдра играет, норки туда-сюда плавают, Выхухоль на дне суетится, в иле роется, Черепаха водяная куда-то спешит...

— Неужели все они здесь жили? — поразилась Мартышка.

— А чего ж не жить-то — тут рай земной был! В тот год засуха случилась — кругом жарница, сушь, леса горят, зверье бежит куда глаза глядят, а у нас тут, на бобровых прудах, тишь да гладь, да божья благодать — будто и нет никакой засухи! Да-а, всем

КОАПП, КОАПП!

было тут приволье — зверю, птице, рыбе, букашкам разным... Было да сплыло — все Антихрист порушил. Знать, за грехи наши наказание...

— Что вы, дедуля, какой там Антихрист, — заулыбалась Мартышка.

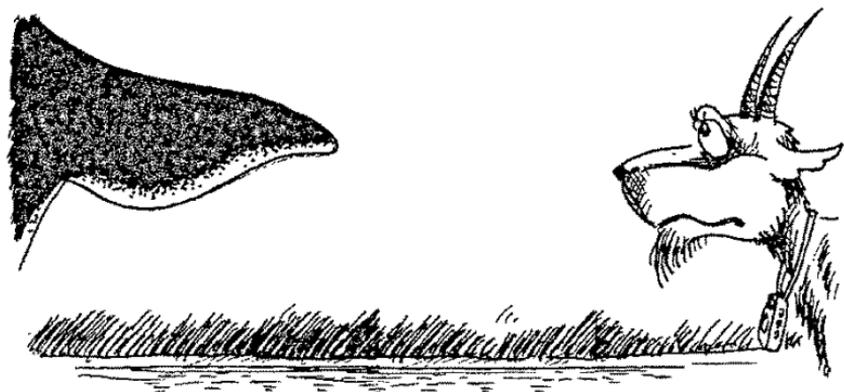
— Какой-какой — обыкновенный, с рогами да с копытами. Кто ж еще мог людей на такое дело злодейское подбить — бобров сгубить? Беспременно Антихри...

Ворон внезапно осекся и устремил испуганный взор в сторону роци, бормоча: — Чур меня, чур, окаянный! Аль почудилось?

Из роци, сопровождаемая Стрекозой, вышла Коза, беззаботно напевая: “Бе-е-е-са-ме-е, бесаме мучо”... Однако голос ее был сразу заглушен отчаянным криком Ворона: — Нет, не почудилось — вон он, косматый да рогатый, с копытами... Изыди, лукавый!

— Вот именно! — подхватил Кашалот. — Дедушка Ворон совершенно прав — Коза слукавила: явилась в Комитет охраны авторских прав природы, — ПРИРОДЫ! — скрыв, что после нее и ее сородичей от природы остаются рожки да ножки!

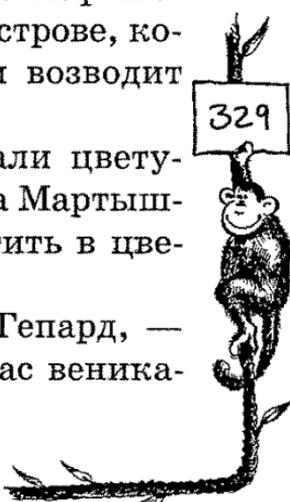

Коза подходила все ближе, и вид у нее был такой, словно обличительная тирада Кашалота не имела к ней ни малейшего отношения.

— Я о вас говорю, Коза! — громовым голо-
сом произнес Кашалот и направил указующий
ласт сначала на Козу, а затем на Бобра. — По-
смотрите на этого мальчика: там, куда прихо-
дит его славное бобровое племя, жизнь бьет
ключом. Там, куда приходят козы, ключ жиз-
ни иссякает. Вот почему мы приняли реше-
ние поселить вас на необитаемом острове, ко-
торый специально для этой цели возводит
наш юный друг Бобр!

— До сих пор козы превращали цветущие
острова в пустыню, — сказала Мартыш-
ка, — теперь попробуйте превратить в цве-
туший сад пустынный островок.

— А до той поры, — заверил Гепард, —
мы, так и быть, будем кормить вас веника-
ми.

329

КОАПП, КОАПП!

— Ну вот, — возмутилась Коза, — опять из меня делают Козла отпущения... вернее, Козу. А ведь претензии надо предъявлять людям. Разве не они развели по всему свету несметное количество коз? И вообще — если козьи повадки вызывают такое осуждение, для чего людям понадобилось приручать, точнее, одомашнивать нашего дикого предка — Горного Бородатого Козла, именуемого также Безоаровым? Чем он им приглянулся?

— Любовь зла — полюбишь и Козла, — философски заметила Сова.

— Я знаю: корень зла в том, что я выдираю кору с корнем, — продолжала оправдываться Коза. — Но тут нет моей вины, вот ни на столечко! Я бы и рада не выдирать, но так у меня записано в генах...

— Надо же, — сказал Гепард, а я думал, что вы в генетике ни бэ, ни мэ.

— В самом деле, — напомнил Удильщик, вы же говорили, что и без генов знаете, как вам жить.

— Послушайте, а ведь гены можно исправить! — осенило вдруг Мартышку.

Все, естественно, тут же стали наперебой спрашивать ее каким образом можно это

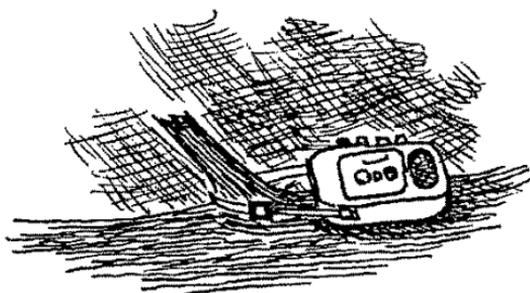
осуществить. Ответ был вполне исчерпывающим:

— Да очень просто — вырезать плохие гены, вот и все! Думаю, это не сложнее, чем вырезать кусок магнитофонной пленки. Сейчас даже есть особая наука — генная инженерия. Инженер у нас есть, осталось раздобыть автоген.

— Автоген? — переспросил Человек. Для чего, Мартышка?

— Для автоматической операции на генах!

Вот тут-то Кашалот и обратился к Человеку с убедительной просьбой, о которой упоминалось в самом начале нашего повествования — достать автоген. После чего он со спокойной совестью закрыл заседание К'ОАППа, а птица-Секретарь издала свой традиционный крик: “Коапш, коапш, коапш!”

С о д е р ж а н и е

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ КОАПИ..	5
СПАСИТЕ НАШИ УШИ!	9
КУРАМ НА СМЕХ	59
РЕЦЕПТ ВИКЁШЕК	105
ПОЧЕМУ Я ОСЕЛ	159
ФОССА!!!	211
“СКАЗКИ КОАППОВСКОГО ЛЕСА”, или ЗАЧЕМ КАШАЛОТУ АВТОГЕН?	283

Константиновский Майлен

**КОШМАРНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ
В КУРЯТНИКЕ**

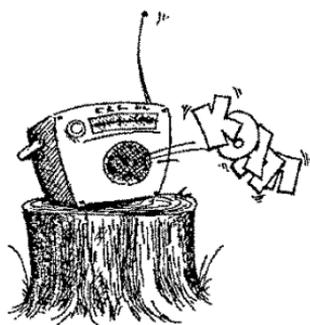
*Издание осуществлено при содействии
литературного агентства “VADEMECUM”*

Редактор *Е.Р. Бычкова*
Технический редактор *И.С. Воробей*
Художник *Г.И. Дум*
Оформление обложки *М.Л. Магасумов*
Верстка *Л.В.Спичковой*

Подписано к печати 29.01.98. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура “SchoolBook”. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 15000 экз. **Заказ № 29.**

Издательско-книготорговая фирма “Сталкер”
340048, Украина, г. Донецк, ул. Артема, 147а.

**Отпечатано с диапозитивов заказчика
в издательстве и типографии «Таврида»,
г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.**

Внимание!

Внимание!

Дорогой читатель!

33 года по радио передавались прямые репортажи с заседаний КОАППа. А с декабря 1997 года они снова станут звучать в эфире каждую субботу в 16.05 по московскому времени на волнах "Радио-1" (171 кгц, 1305 кгц и от 7 до 15 мгц). Так что вы имеете возможность не только прочесть о коапповцах, но и услышать их живые голоса.

Мало того — вы можете написать лично председателю Кашалоту и его соратникам, а также прислать свою рекламу. Кашалот, проникнувшийся нынешним духом коммерции, не возражает против этого и даже приветствует!

Ждем ваших писем и ценных предложений по адресу:

*121812, Москва,
Малая Никитская, 24, Радио-1,
КОАПП.*

Издательство
выпускает новую серию
"КОАП"®

Ⓐ для тех, кто не знает, что Ⓐ
такое КОАП, так как никог-
да не слышал репортажей с
его заседаний ни по радио, ни
в грамзаписи, не видел серии
мультфильмов "КОАП" и не
читал одноименных книг, а
также многочисленных от-
кликов на все вышеупомянутое
в отечественной и зарубежной
печати Ⓐ

Константиновский М. Кошмарное преступление
в курятнике. — Д.: Сталкер, 1998. — 336 с.: ил.

Кто похитил полдубленки? — Д.: Сталкер, 1998.
— 336 с.: ил.

Суровые будни КОАП. — Д.: Сталкер, 1998.
— 336.: ил.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства "Сталкер" без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела "Книга-почтой".

Каталог "Книга-почтой" бесплатно высылается по вашей заявке.

Все книги будут рассылаться наложенным платежом. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете ежемесячно получать книги выбранной серии.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

340000, Донецк, а/я 33, Книга-почтой.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		 Украина
Куда	г. Донецк, а/я 33	
Кому	"Книга-почтой"	
	Индикс приоритетной связи и адрес отправителя	340055
	Индикс индекса приоритетной связи места назначения	
	г. Донецк, ул. Буденного,	
	д. 17, кв. 34.	
	Петренко И.В.	

На обратной стороне карточки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество комплектов и экземпляров:

Я заказываю книги серии:	
"Я б в астрологи пошел..."	1 комплект
"Проверьте свои знания"	1 комплект
и отдельные книги:	
А.Аксенов "Я не колдун, я – знахарь"	1 экз.
М.Фролов "Исцели себя сам"	1 экз.

Цена книги в твердом переплете 4,5-5 грн.

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом.

К О А П П

Репортаж
о событиях
невероятных

На фото – действительный член КООППа (то биш Комитета Охраны Авторских Прав Природы) Сова по поручению своих коллег – Гепарда, Рака, Стрекозы, Удильщика, Мартышки и лично председателя Кашалота – ведет переговоры с платным летописцем этой организации Майленом Константиновским об условиях, на которых ему будут нелегально передаваться секретные протоколы заседаний, где коопповцы обсуждают актуальные нужды животного населения в свете проблем сохранения в первозданном и экологически чистом состоянии мест их обитания – лесов, полей, рек, морей, гор, болот, пустынь, – а также вопросы приоритета Природы на удивительные приспособления, которыми она наделила свои создания.

